

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ
СЕРАФИМА ЧЕБОТАРЬ



СИЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

От княгини Ольги
до МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Роковые женщины

Виталий Вульф

**Сильные женщины. От княгини
Ольги до Маргарет Тэтчер**

«Яуза»

2013

Вульф В. Я.

Сильные женщины. От княгини Ольги до Маргарет Тэтчер /
В. Я. Вульф — «Яуза», 2013 — (Роковые женщины)

ISBN 978-5-699-65605-9

«Железные леди» – говорят о таких женщинах, как Маргарет Тэтчер, которые собственным примером опровергли миф о «слабом поле». Ведь британский премьер не одинока – в этой книге перед вами пройдет целая плеяда нестигаемых женщин, превосходивших мужчин не только умом, талантом и красотой, но и силой воли, твердостью характера, величиим духа. От легендарной княгини Ольги, Жанны д'Арк, Елизаветы Тюдор, Екатерины Великой и королевы Виктории до Эвиты Перон, Индиры Ганди, Голды Меир, Раисы Горбачевой и Маргарет Тэтчер; от Елены Блаватской, Зинаиды Гиппиус, Анны Ахматовой, Елены Рерих и Лени Рифеншталь до Фаины Раневской, Фриды Кало, Эдит Пиаф и Мадонны – эти СИЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ правили великими державами и меняли ход истории, стали «суперзвездами» и властительницами дум, не ломались под ударами судьбы и вели за собой миллионы мужчин. Вот только за грандиозные успехи и всемирную славу, за право войти в учебники истории и обессмертить свое имя всегда приходится расплачиваться личным счастьем. И даже самые сильные женщины тоже плачут...

ISBN 978-5-699-65605-9

© Вульф В. Я., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Княгиня Ольга	6
Жанна д'Арк	11
Елизавета Тюдор	16
Екатерина Великая	25
Королева Виктория	32
Елена Блаватская	41
Елена Рерих	51
Зинаида Гиппиус	58
Анна Ахматова	67
Мария Закревская-Бенкендорф-Будберг	77
Александра Коллонтай	84
Фрида Кало	93
Фаина Раневская	100
Лени Рифеншталь	107
Эдит Пиаф	119
Эсте Лаудер	128
Индира Ганди	135
Эвита Перон	141
Голда Меир	148
Екатерина Фурцева	157
Раиса Горбачева	166
Маргарет Тэтчер	174
Мадонна	181

Виталий Вульф, Серафима Чеботарь

Сильные женщины. От княгини Ольги до Маргарет Тэтчер

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

Cinetext / Legion-Media;

Allstar / Cinetext / Legion-Media;

Николай Свищов-Паола (фоторепродукция Р. Поповкин)/ РИА Новости;

Игорь Виноградов, Юрий Сомов, М. Ганкин, Рыков / РИА Новости;

Jerzy Dabrowski / DPA / Фото ИТАР-ТАСС;

Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС;

Heritage Images / DIOMEDIA;

A. Louis Goldman / Science Source / DIOMEDIA;

Fritz Henle / Science Source / DIOMEDIA;

KEYSTONE Pictures USA / ZUMAPRESS.com / Legion-Media

© Чеботарь С., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

© ООО «Текстура-пресс», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Княгиня Ольга Святая княгиня

Нет в русской истории женщины более уважаемой и более прославляемой, чем святая княгиня Ольга. Хотя все историки отмечают, что среди ее деяний были и излишняя жестокость, и обман, и вероломство, она, тем не менее, считается одним из достойнейших правителей земли Русской. А с тех пор, как княгиня была причислена к лику святых, почитание ее будет вечным – пока жив русский народ и христианская церковь.



Нет в русской истории женщины более уважаемой и более прославляемой, чем святая княгиня Ольга. Хотя все историки отмечают, что среди ее деяний были и излишняя жестокость, и обман, и вероломство, она, тем не менее, считается одним из достойнейших правителей земли Русской. А с тех пор, как княгиня была причислена к лику святых, почитание ее будет вечным – пока жив русский народ и христианская церковь.

О ее происхождении нам неизвестно почти ничего: многочисленные летописи расходятся во мнениях, и установить правду теперь, спустя тысячу лет, почти невозможно. Одни хроники называют Ольгу нормандкой, другие – дочерью болгарского царя. Повесть временных лет рассказывает, что Ольга была родом из-под Пскова, из деревни Выбуты, а Типографская летопись упоминает, что Ольга происходила из рода Гостомысла, легендарного новгородского старей-

шины, и от рождения звалась Прекрасой. Некоторые же исследователи считают, что Ольга была дочерью прославленного Вещего Олега – соратника Рюрика и воспитателя его сына Игоря.

Сторонники этой версии полагают, что Олег женил Игоря на своей дочери, дабы передать им великое княжение. Однако житие святой Ольги придерживается версии псковского происхождения будущей княгини. Существует легенда о первой встрече Ольги и Игоря: тот охотился в псковских лесах, и в один прекрасный момент дорогу ему преградила река. Он подозвал проплывающего мимо на лодке юношу и попросил перевезти его на другой берег, но потом увидел, что лодкой правит не юный отрок, как он поначалу решил, а прекрасная девушка. Красота ее немедленно разожгла в князе огонь желания – но когда тот попытался овладеть девушкой, та решительно ответила: «Зачем смущаешь меня, княже, нескромными словами? Пусть я молода и незнатна, и одна здесь, но знай: лучше для меня броситься в реку, чем стерпеть поругание». Устыдившийся Игорь прекратил свои домогательства и щедро одарил перевозчицу, но его так впечатлили и слова красавицы, и ее облик, что когда ему пришла пора жениться, он велел разыскать ее и привезти в Киев, где немедленно обвенчался с нею.

Ни дата свадьбы, ни обстоятельства ее в современных летописях не указаны – все легенды более позднего происхождения. Можно лишь догадываться, что Игорь и Ольга жили в любви и согласии, под крылом князя Олега, щедро делившегося с ними государственной мудростью. По утверждению Иоакимовской летописи, Игорь, хотя и имел, по тогдашнему обычаю, несколько жен, более всех любил и уважал именно Ольгу; прочие же утверждают, что из любви к прекрасной княгине Игорь больше не брал себе жены.

Возможно, секрет их семейного счастья заключался в том, что супруги поделили сферы влияния: пока Игорь был в военных походах – а воевал он немало – и его домом, и государством управляла Ольга, действуя мудро, справедливо и рачительно.

Летом 941 года Игорь ходил на Царьград, как тогда называли на Руси Константинополь, а через год у Ольги родился сын, названный Святославом. Однако Игорь недолго радовался сыну: в 945 году Игорь погиб.

Согласно летописям, осенью его дружина потребовала увеличить выплачиваемое ей содержание, и Игорь отправился за данью в Искоростень, к древлянам: собрав больше, чем обычно, он, однако, не удовлетворился полученным. На полпути он отпустил основную дружину домой, а сам с малым войском вернулся к древлянам и потребовал еще. По словам Повести временных лет, «Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». По преданию, жадного князя привязали к вершушкам двух деревьев, которые разорвали Игоря надвое.

Древляне похоронили Игоря, а к его вдове отправили посольство, предложившее ей выйти замуж за их князя Мала. Сейчас подобное предложение – выйти замуж за убийцу собственного мужа – выглядит невероятным, но в те времена оно было в обычае: убивший, особенно в поединке, не только мог претендовать на власть и имущество побежденного, но и брал на себя обязанности покойного, в том числе по отношению к его вдове и детям.

Однако Ольга, истинная наследница варяга Олега, не пожелала подобной участи: она жестоко и коварно отомстила древлянам. Первое посольство она приняла с почетом – и надумила послов потребовать, чтобы к князьему терему их наутро принесли на руках прямо в их ладье. Всю ночь перед теремом рыли глубокую яму – и когда послов принесли, как те и просили, посуху в ладье, то сбросили ладью в яму. По словам летописи, «Ольга посмотрела на них из терема и спросила: «Довольны ли честью?» А они закричали: «Ох! Хуже нам Игоревой смерти». После чего яму забросали землей, заживо похоронив послов.

Коварная Ольга попросила древлян снова прислать ей посольство – но и оно было уничтожено: пока послы мылись в бане, готовясь к встрече с княгиней, двери бани заложили, а саму баню подожгли.

После этого Ольга с малой дружиной прибыла к Искоростеню, чтобы по обычаю справить тризну на могиле супруга. Во время погребального пира древлян по ее приказу напоили допьяна, а после перебили. Потом дружина осадила сам город: Ольга пообещала жителям, что снимет осаду, если ей вынесут по голубю и воробью с каждого двора – а когда ей доставили птиц, велела привязать к каждой по горящему углю и выпустить на волю. Птицы будто бы вернулись в свои гнезда, и город сгорел. Жителей же частично перебили, частично взяли в рабство, а выживших обложили данью.

Трудно сказать, чем была вызвана столь жестокая расправа: горевала ли Ольга об убитом муже, столь горячо любимом, что за его смерть было мало простой мести, или она, как истинная правительница, просто не могла допустить, чтобы восстание подданных осталось безнаказанным. Возможно, она лишь действовала так, как учил ее Олег – уничтожать врагов до последнего, дабы некому было мстить. Как бы то ни было, первое же деяние Ольги в качестве единоличной правительницы Киева показало, что она будет править не по-женски твердо и решительно. В ее житии сказано: «Управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов».

Памятуя о судьбе своего мужа, погибшего из-за собственной жадности, Ольга повелела раз и навсегда упорядочить размер собираемой дани. Для этого она объездила свое княжество и, изучив его, установила систему «погостов» (от слова «гость» – купец): административных округов, во главе которых были поставлены управители-тиуны. Тиуны собирали подати, согласно установленным княгиней нормам, и после отправляли ее к княжескому двору – так началось централизованное налогообложение. Позже по погостам стали строить храмы, и со временем понятия церковного прихода и погоста столь слились, что слово «погост» стало означать прицерковное кладбище.

Две трети собранного Ольга отдавала в распоряжение Киевского вече, а треть оставляла на княжеские нужды – в основном эти средства шли на строительство и военные расходы. При Ольге были установлены первые границы с укрепленными богатырскими заставами, строились и обрастали стенами города, развивалось каменное строительство: в Киеве при Ольге были выстроены богато украшенный дворец на Вышгороде, то есть на Старокиевской горе, за городом – терем, на торговой площади – круглая башня, которая могла сохранить от пожаров и нашествий городскую казну. Мощная держава, в которую превратила свои владения Ольга, привлекала внимание иностранных торговцев: в Киев привозили свои товары немцы, датчане, шведы, греки и многие другие.

Со временем Ольга задумалась об укреплении авторитета ее страны перед великими соседскими державами, в первую очередь перед Византией. Если раньше для Византии Русь была тем местом, откуда приходили с набегами князья, то Ольга решила доказать царьградским василевсам, что ее княжество достойно встать в один ряд с любым государством мира. Как отмечают жития, в это же время она, мучимая душевными терзаниями о смысле своей жизни, все чаще стала прислушиваться к проповедям христианских священников, наезжавших в Киев с греческими купцами. Возможно, и интерес к христианской религии, помимо политических вопросов, заставил Ольгу отправиться с посольством в Константинополь.

Считается, что около 957 года Ольга во главе большого – более ста человек – посольства прибыла в Царьград, где намеревалась заключить с императором торговые и военные договоры, а также сосватать своему подрастающему сыну жену из императорского дома. После долгого – по всей видимости, весьма оскорбительного для гордой княгини – ожидания ее с почетом принял император Константин. Все договора были заключены, однако о браке царевны с русским князем Константин говорить наотрез отказался: слишком незнатным был потомок Рюрика для василевсов из Царьграда.

Зато, по преданию, сам император воспылил страстью к русской княгине: он будто бы даже посватался к ней, очарованный ее красотой и мудростью. Ольга, со свойственным ей умом, отвечала: «Я язычница, ты же христианин, негоже нам вступать в брак. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, – иначе не крещусь». Ольга приняла крещение – таинство совершил над нею сам патриарх Феофилакт, а император Константин стал ее восприемником от купели. В крещении Ольга получила имя Елены – в честь святой равноапостольной императрицы Елены, матери святого Константина, которая обрела крест господень. Согласно летописям, после обряда патриарх сказал: «Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Благословят тебя русские люди во всех грядущих поколениях, от внуков и правнуков до отдаленнейших потомков твоих». Она же склонила голову и стояла, словно губа напаяемая, внимая учению, и, поклонившись Патриарху, промолвила: «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сетей вражеских».

Император снова предложил Ольге вступить в брак – однако та ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, – ты сам знаешь». И ответил император: «Перехитрила ты меня, Ольга».

Скорее всего, это лишь легенда: император Константин был женат, да и Ольга была уже в довольно преклонных летах. Скорее всего, она приняла крещение, потому что сама искренне хотела стать христианкой, и это решение не было ни спонтанным, ни принятым ради каких-то целей, а глубоко продуманным и выстраданным.

По некоторым данным, во время визита в Константинополь в свите Ольги был христианский священник, из чего можно сделать вывод, что она уже была крещена. Хотя, возможно, священник сопровождал греков-христиан из свиты княгини.

Несмотря на оказанные почести и принятое от самого патриарха святое крещение, исходом посольства Ольга осталась недовольна. Об этом свидетельствует ответ, который Ольга дала византийским послам, прибывшим в Киев просить обещанную по договору военную помощь: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе воев в помощь». Возможно именно поэтому священников для Киева Ольга, желавшая нести свет христианской веры своим подданным, решила просить не в Царьграде, а в Германии. В те времена различия между западной и восточной ветвями христианской церкви еще не привели к окончательному их разрыву, и христианскую миссию в Киеве возглавил епископ Либуций из Майнца.

Обретя новую веру, Ольга со страстью и упорством взялась за обращение своих земель. Она строила храмы – при ней были основаны церкви Святителя Николая и Святой Софии в Киеве, Благовещения Пресвятой Богородицы в Витебске, Святой Живоначальной Троицы – во Пскове. Этот храм Ольга возвела после видения, которое было ниспослано ей на берегу реки Великой: три светящихся луча с неба, символизирувавшие святую Троицу.

Только родной сын Ольги князь Святослав отказывался принимать христианскую веру, как ни уговаривала его мать: по свидетельству летописцев, он сам был не прочь, но боялся, что его «засмеет» собственная дружина, поклонявшаяся по древнему воинскому обычаю Перуну – ссориться же с дружиной князь, почти постоянно с кем-то воевавший, позволить себе не мог. Но ежели кто сам решал креститься, то князь не препятствовал этому, хотя и позволял себе, по словам летописи, «насмехаться».

Он уже давно вошел в возраст и правил самостоятельно, однако большую часть времени Святослав проводил в походах. Как говорит Повесть временных лет, «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал». В его отсутствие княжеством по-прежнему управляла Ольга, а когда сын возвращался – проводила время за рукоделием и воспитанием внуков. У Святослава было трое сыновей, из которых, по словам летописей, Ольга больше всего любила младшего, незаконного Владимира – будущего великого князя, крестителя Руси. Семена веры заронила в нем бабушка – княгиня Ольга. В 968 году, куда Святослав был в военном походе, на Киев напали

печенеги: они окружили город, в котором находились Ольга с малолетними княжичами. Княгиня руководила обороной города, что было весьма нелегко – почти все воины ушли вместе со Святославом. Лишь чудом удалось известить Святослава: «Ты князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою землю покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то захватят нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери и детей своих?» Бросив все, Святослав помчался на выручку родному городу и снял осаду с Киева, жители которого уже начинали изнемогать от голода. Едва освободив город, князь стал собираться в новый поход – однако Ольга сказала: «Видишь, я больна. Куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь».

Через несколько дней княгиня Ольга скончалась – согласно летописи, это произошло 11 июля 969 года. Согласно своей последней воле, Ольга была похоронена без тризны, по христианскому обряду. Позже ее внук, князь Владимир, повелел перенести ее мощи в построенную им Десятинную Успенскую церковь. Мощи были упокоены в каменном саркофаге, и через окошко в крышке можно было наблюдать ее нетленное тело. Причем, по свидетельству летописцев, истинно верующим было видно не только лицо святой княгини, но и изливающееся от него сияние: «Иже с верою придет, отворится оконце, и видит честное тело лежащее цело и дивится чуду таковому – толико лет в гробе лежаще телу неразрушившемуся. Достоин похвалы всякой тело то честное: в гробе цело, яко спя, почивает». Неверующие же видели просто каменный саркофаг.

В Повести временных лет о княгине Ольге сказано: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светила среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением». Княгиня Ольга чтится христианской церковью как равноапостольная – подобной чести, кроме нее, удостоены лишь четыре женщины за всю историю христианства. Память равноапостольной Ольги празднуется православными церквями русской традиции 11 июля по юлианскому календарю, а католическими и другими западными церквями – 24 июля по григорианскому. Она считается покровительницей вдов и новообращенных христиан, но также и святой заступницей земли Русской.

Жанна д'Арк Жанна-девственница

Кажется, ее жизнь подробно описана во множестве источников: изыскания Лионского собора, документы судебного процесса, многочисленные свидетельства, собранные оправдательным следствием и комиссией по бонификации. Но ни один из сохранившихся документов не дает ответа на вопрос – кем же была Жанна из Лотарингии, как ей удалось спасти Францию?



Историки справедливо отмечают: ни про кого из ее современников нам не известно так много, и в то же время ни про кого другого мы не знаем так мало. Кажется, ее жизнь подробно описана во множестве источников: изыскания Лионского собора, документы судебного процесса, многочисленные свидетельства, собранные оправдательным следствием и комиссией по бонификации. Но ни один из сохранившихся документов не дает ответа на вопрос – кем же была Жанна из Лотарингии как ей удалось спасти Францию?

В настоящее время существует множество версий рождения, жизни и гибели прославленной Орлеанской Девы. Традиционная версия гласит, что родилась она 6 января 1412 года (хотя в декрете о бонификации, подписанном папой Пием X в 1904 году, значится 1409 год). Она появилась на свет в лотарингской деревне Домреми в семье зажиточных крестьян (по другой версии – обедневших дворян) Жака д'Арк и Изабеллы Роме.

В семье, кроме Жанны, были еще трое сыновей и дочь. Кстати, фамилия д'Арк вовсе не обязательно была дворянской: в те времена она чаще обозначала просто «выходцев из Арка», а местечек с таким названием во Франции было несколько. Сама Жанна никогда не называла себя по фамилии, подписываясь как Жанна или Жанна-дева, да и написание фамилии было расплывчато: встречались варианты Дарк, Тарк, Дай и другие.

Ее детство пришлось на самый тяжелый период истории Франции. Уже сто лет бушевала Столетняя война, наконец вошедшая в свою, казалось, решающую стадию: после того, как английский король Генрих Пятый разгромил при Азенкуре французское войско, а королева Изабелла Баварская, правившая Францией вместо своего сумасшедшего супруга Карла Шестого, подписала в Труа договор, согласно которому французская корона переходит, минуя ее сына Карла, к Генриху Пятому и его наследникам. Происхождение Карла представлялось всем весьма сомнительным: ко времени его рождения король Карл Шестой уже давно не жил со своей супругой. После подписания договора Генрих женился на дочери Изабеллы Екатерине Валуа, и когда в 1422 году скоропостижно скончался сначала Генрих, а затем и Карл Шестой, Франция официально перестала существовать: страна перешла к новорожденному английскому королю Генриху Шестому.

Дофин Карл, отстраненный от власти родной матерью, объявил себя королем Карлом Седьмым и окопался в замке городка Бурж: хотя его признали несколько крупных провинций, никакой реальной власти у Карла Седьмого не было. Между тем английские войска продвигались на юг: они старались соединиться с давно принадлежавшими им Гиенью и Аквитанией, и на их пути стоял лишь Орлеан, никак не желавший сдаваться. Карлу было нечего противопоставить англичанам: у него не было ни войска, ни денег, ни власти. Он мог лишь ждать и уповать на милость Бога.

Между тем юная Жанна росла под крылом любящих родителей работящей, доброй, тонко чувствующей и очень набожной. По ее собственному признанию, с двенадцати лет она слышала голоса святых, которые разговаривали с нею, и даже лично видела архангела Михаила, святую Екатерину и святую Маргариту. Поначалу они просто наставляли ее в вере, а затем стали призывать на подвиг во имя спасения ее страны. Она должна была снять осаду с Орлеана, короновать дофина в соборе Реймса и изгнать англичан. Родители, которым девушка рассказывала о своих видениях, поначалу не знали, что и думать: отец считал, что его дочь блажит, и что замужество излечит ее от видений, зато мать и братья поддерживали Жанну. В мае 1428 года она, в сопровождении дяди, отправилась в расположенный неподалеку город Вокулёр и обратилась к Роберу де Бодрикуру, капитану королевского отряда в Вокулёре, потребовав проводить ее к королю. Тот лишь рассмеялся: по одной из версий жития Жанны, он даже повелел отдать дерзкую девушку на поругание солдатам, но те, устыдившись ее чистоты и невинности, не тронули ее.

Разозленный отец Жанны попытался было отдать дочь замуж, но та с удивительной для того времени смелостью разорвала уже заключенную помолвку: оскорбленный жених даже вызвал ее в суд, но Жанна отстояла свою честь, доказав, что сама она никогда не желала вступать в брак.

В феврале Жанна снова приехала в Вокулёр: по легенде, она рассказала де Бодрикуру, что именно сейчас под стенами Орлеана идет сражение, которое закончится поражением французов, однако город не будет сдан. Через несколько дней прибыли гонцы: именно в тот день большой отряд французов напал на английский обоз, перевозивший осаждающим продоволь-

ствие, и потерпел крупное поражение: в битве погибли полтысячи французов и шотландских наемников. Эта битва, вошедшая в историю под названием Селедочной (в обозе везли преимущественно бочки с селедкой, которые англичане превратили в импровизированные бастионы), сильно подорвала боевой дух защитников Орлеана: поговаривали даже о сдаче города, уверовав, что Бог не на стороне Франции.

Явившуюся в это время с пророчествами Жанну восприняли как настоящую божью посланницу: только такая юная, чистая дева и могла, по мнению людей, спасти страну, погрязшую в разврате и кровопролитии. Горожане даже собрали деньги и купили Жанне одежду и коня, чтобы она могла в достойном виде предстать перед королем. Даже де Бодрикур сдался: он назначил Жанне сопровождающих, среди которых были ее братья и будущие верные соратники Жан де Мец и Бертран де Пуланжи, и велел сопроводить ее в Шинон, где тогда располагался двор Карла Седьмого. Жанна в мужской одежде, которую ей одолжил Жан де Мец, возглавила свой маленький отряд. С тех пор она почти все время носила мужскую одежду, объясняя это как удобством в военных походах, так и тем простым фактом, что она была единственной девушкой среди множества мужчин. Мужское же платье, с одной стороны, поможет ей скрыть свою женственность, а с другой – защитит от посягательств, если такие вдруг случатся: в отличие от легких платьев тогдашние штаны-шоссы (больше напоминавшие чулки, крепившиеся к поясу с помощью множества крючков) было не так-то просто снять.

Через несколько дней Жанна прибыла в Шинон, где ей, по легенде, устроили первое испытание: ее проводили в зал, где стояло около трех сотен придворных, однако она безошибочно направилась прямо к королю. Жанна преклонила перед ним колени и объявила: «Благородный дофин, меня зовут Девой Жанной. Я послана к вам Богом помочь вам и вашему королевству. И объявляет вам Царь Небесный через меня, что вы будете помазаны и венчаны в Реймсе и будете наместником Царя Небесного, Который есть Король Франции» – для этого ей нужно лишь благословение короля и войско. После личного разговора Жанне удалось убедить Карла в своей высокой миссии, однако тот не спешил сразу выполнить ее просьбу: то ли король по характеру был весьма нерешителен, то ли все еще колебался, сомневаясь, была ли ее помощь от Бога или совсем наоборот. Между тем Жанна, как вспоминают, поразила королевский двор своим искусством верховой езды и мастерством в некоторых играх, принятых лишь среди аристократии. Наконец Карл распорядился, чтобы Жанну испытали: сначала высокопоставленные дамы, среди которых были теща Карла Иоланда Арагонская, герцогиня Анжу, и его жена – Мария Анжуйская, засвидетельствовали ее девственность, а затем целый сонм богословов в Лионе испытывал Жанну в вере, в то же время собирая свидетельства о ее благонравии. Наконец они подтвердили: «принимая во внимание ее жизнь и поведение, в ней нет ничего дурного, ничего противного правой вере». Собор даже одобрил ношение ею мужской одежды: благо примеры такого поведения были нередки в житиях святых дев.

Наконец король вручил Жанне командование войсками: для нее были изготовлены белые доспехи, а из собора Сент-Катрин-де-Фьербуа ей, согласно ее видению, доставили древний меч, принадлежавший будто бы самому Карлу Великому. Войска, обретшие в лице Жанны живой символ своей будущей победы, рвались в бой: наконец Бог явил живое подтверждение тому, что они правы!

Первым делом она написала письмо английскому королю и его соратникам: «Король Англии и вы, герцог Бедфордский,... покоритесь Царю Небесному, верните Деве, посланной сюда Богом, Царем Небесным, ключи всех славных городов, которые вы взяли и разграбили во Франции. Она здесь и пришла от Бога, чтобы вступить за королевскую кровь. Она готова немедленно заключить мир, если вы хотите признать ее правоту, уйдя из Франции и заплатив за то, что ее захватили. Если вы так не сделаете, то я – военачальник и в любом месте буду нападать на ваших людей и заставлю их убраться вон, хотя бы они этого или не хотят. А если они не захотят слушаться, я прикажу всех убить; я здесь послана от Бога, Царя Небесного, душой

и телом, чтобы изгнать вас из всей Франции. А если они захотят послушаться, я пощажу их. И не думайте, что выйдет как-нибудь иначе, потому что вам никак не удержать владычества над французским королевством – королевством Бога, Царя Небесного, но владеть им будет король Карл, истинный наследник; потому что такова воля Бога, Царя Небесного». И подписалась: Иисус, Мария и Жанна-Девственница.

Всего за неделю Жанна сделала то, чего королевским войскам не удавалось несколько месяцев: она освободила Орлеан с минимальными потерями, проявив при этом, по словам интересовавшегося ее жизнью Наполеона, «гений в военном деле». Даже ее опытные в военном деле соратники отмечали, что Жанна вела себя «как если бы она была капитаном, проводшим на войне двадцать или тридцать лет». Магистрат Орлеана вписал в городскую летопись, что освобождение города является величайшим чудом христианской эпохи, и с тех пор день снятия осады – 8 мая, праздник явления архангела Михаила – посвящал памяти Девы.

С тех пор ее прозвание – Орлеанская девственница – победным кличем пронеслось по стране, воодушевляя французов на подвиги во имя независимости отечества. Историки отмечают, что в войске Жанны воскресли забытые законы рыцарской войны: ее солдаты постоянно молились, не воевали в церковные праздники, не грабили, не насиловали и даже – единственный случай – не возили с собой проституток. По многочисленным свидетельствам, сама Жанна не пролила ничьей крови и после битвы оплакивала всех павших, не разбирая национальности. Все это превращало ее в живую святыню: воевавшие с нею отмечали, что хотя она была весьма привлекательна – миловидное лицо, стройная фигура, густые черные волосы, прекрасный голос – ни у одного из мужчин не возникло по отношению к ней греховных мыслей. Многие отмечали, что она постоянно общалась со своими святыми покровителями (иногда даже во время битвы или беседы), при этом ее лицо озарял необыкновенный свет. Среди ее пророчеств часто повторялось одно: Дева утверждала, что она проживет не больше года. Но это было единственным ее пророчеством, в которое никто не хотел верить.

Через месяц Жанна выступила в новый поход: за девять дней ее армия победоносным шествием прошла вдоль Луары, освобождая занятые англичанами замки, в итоге разгромив англичан в битве при Пате. А через десять дней отправилась в поход в Реймс, где должен был короноваться Карл: город за городом открывал ворота перед армией Девы, и наконец 17 июля 1429 года Карл Седьмой короновался в Реймском соборе, традиционном месте миропомазания французских королей со времен Карла Великого. Рядом с Карлом стояла Жанна с собственной хоругвью в руках. Эту хоругвь – белое поле, усыпанное золотыми лилиями, – она заказала еще в Вокулёре и пронесла через все битвы.

Король был счастлив: наконец его права на престол были подтверждены святым обрядом. И от радости широкой рукой раздавал милости направо и налево. Двор ликовал, а вот Жанна рвалась продолжать борьбу – но ни королю, ни придворным уже не было дела до битв. И все же ей удалось снова убедить короля в своей правоте. После долгих споров она повела войска на Париж, но атака была отбита, а сама Жанна ранена. Энтузиазм войск начал падать: любой экстаз трудно поддерживать долго, а Жанна будто предчувствовала скорый конец. Наконец в мае 1430 года – всего через год после Орлеанской победы – Жанна, пришедшая на помощь осажденному бургундцами Компьеню, попала в плен: предатели подняли мост и отрезали ей путь к отступлению.

Король ничего не сделал, чтобы вызволить из плена спасительницу своего трона. Через несколько месяцев Жанну за 10 тысяч золотых ливров продали англичанам: в конце 1430 года ее перевезли в Руан, где предали церковному суду.

Обвинение возглавлял епископ Бове Пьер Кошон, давно ненавидевший Жанну. Ее обвиняли, среди прочего, в колдовстве, ложных пророчествах, ереси, пособничестве дьяволу, кощунстве, обольщении короля, ношении мужского платья, самовольном сношении с духами и неподчинении Церкви. Во время процесса Жанна сохраняла удивительную твердость духа,

поразительную в столь юной девушке перед лицом столь суровых обвинителей: ее ответы были столь прямы, остроумны и глубоки, что могли бы посрамить любого ученого богослова. Однако суд был заведомо уверен в ее виновности и даже пошел на прямой подлог, чтобы получить признательные показания. Однажды Жанну привели на место казни и дали подписать документ, согласно которому она принимает власть Церкви – в таком случае ее должны были перевести из военной тюрьмы, где девушку содержали под постоянным надзором солдат, в церковную темницу, где за ней присматривали бы женщины.

Однако неграмотной Жанне подсунули на подпись полное признание своей вины, и к тому же оставили в прежнем узилище, лишь выдав женское платье вместо мужского, что было на ней. Однако Жанна либо отказалась переодеться на глазах у стражи, либо предпочла отказаться от женского наряда, дабы не провоцировать их похоть – и через несколько дней судьи зафиксировали, что Жанна упорствует в своей ереси. Согласно тогдашнему праву, в этом случае еретик не мог рассчитывать на прощение Церкви: 30 мая – ровно через год после пленения – на площади Старого рынка в Руане был оглашен окончательный приговор Жанне: она объявлялась вероотступницей и еретичкой, отлучалась от Церкви и предавалась светскому суду. В тот же день ее сожгли на костре. По преданию, вечером того же дня палач, проводивший казнь, на исповеди поведал священнику, что сердце Девы не сгорело: это было явным признаком ее святости. Останки Жанны были выброшены в реку – чтобы ничьи руки больше не осквернили ее.

Уже через четыре года Франция возобновила войну, и к 1453 году англичане были изгнаны с французской земли. Карл наконец вспомнил о Жанне: был проведен еще один судебный процесс, полностью очистивший ее имя от всех обвинений, а ее саму признавший «возлюбленной дочерью Церкви и Франции». Семья Жанны получила дворянство, герб – на синем поле лук и три стрелы – и фамилию де Лис, а также щедрый подарок и должности. Уже в XX веке Жанна д'Арк была канонизирована: указ об этом огласил 9 мая 1920 г. папа Бенедикт XV.

Пепел Жанны еще не успел остыть, как ее образ начал обрастать немислимыми легендами. Утверждали, что она не погибла на костре: вместо нее сожгли похожую на нее преступницу, а сама Жанна спаслась. Появилось несколько лже-Жанн, самой известной была Жанна дез Армуаз, которую признали даже братья Девы. Появились многочисленные легенды и о ее происхождении – многие до сих пор имеют своих сторонников. Согласно одной из версий, Жанна на самом деле была дочерью Изабеллы Баварской и брата ее мужа, герцога Людовика Орлеанского: в пользу этой теории говорит и необъяснимая легкость, с которой Жанне удалось пробиться к королю, и те познания в благородных науках, которые она показывала, и почет, который оказывали ей особы королевской крови – вполне понятный, будь Жана и правда дочерью королевы, хоть и незаконнорожденной, но совершенно невозможный, если она была лишь дочерью крестьянина. Исследователи отмечают, что Жанну называли Орлеанской девой еще до того, как она взяла Орлеан (в таком случае это не почетное прозвище, а отсылка к титулу ее отца), и что простая девушка вряд ли бы удостоилась чести пройти проверку на девственность у двух королей. Противники этой версии отмечают лишь то, что она предполагает тотальное лжесвидетельство всех выступавших на трех процессах, включая саму Жанну, – во что никто не желает верить.

От нее не осталось ни прижизненных изображений, ни мощей, ни документов. Но кем бы ни была на самом деле Орлеанская дева, ее подвиг и ее имя останутся в веках.

Елизавета Тюдор Добрая королева Бесс

Королева Елизавета стала символом национального величия – ведь именно при ней Англия сместила с ведущих позиций в мировой политике прежнего лидера Испанию... Сильная и прозорливая правительница, великая королева Елизавета Тюдор стала, пожалуй, одним из главных мифов английской историографии.



Королев в истории было много, но Елизавета Великая была одна. Правительница, не пожелавшая разделить бремя власти ни с одним мужчиной. Королева, принявшая страну, разоренную войнами и мятежами, и оставившая Англию сильнейшей мировой державой. Женщина, которой судьбой было отказано в любви, но которая, тем не менее, стала любима и благословляема миллионами...

В последнее время исследователи склонны считать, что образ королевы Елизаветы – Доброй королевы Бесс, Королевы-девственницы, Хранительницы Англии – был намеренно искажен поколениями английских историков, вылепивших из нее образ совершенной правительницы и идеал всех монарших добродетелей, дабы усовестить ее наследников – королей из династии Стюартов, правителей весьма слабых, предпочитавших думать не о благе страны, а о собственных удовольствиях.

Позднее королева Елизавета стала символом национального величия – ведь именно при ней Англия сместила с ведущих позиций в мировой политике прежнего лидера Испанию, при ней произошел небывалый расцвет искусства и литературы: недаром Уильяма Шекспира, Кристофера Марло, Бена Джонсона и других называют «елизаветинцами». Лишенная недостатков, сильная и прозорливая правительница, великая королева Елизавета Тюдор стала, пожалуй, одним из главных мифов английской историографии. И в то же время существует другой миф, развиваемый в первую очередь в литературе: Елизавета предстает вовсе не той «железной леди», которой ее рисуют историографы, а скорее женщиной, со всеми свойственными ее полу – по мнению писателей – проблемами и слабостями. Она то предстает жестокой завистницей, отправившей свою родственницу, королеву Марию Стюарт, на плаху только потому, что та была красивее и моложе, то изображается легкомысленной кокеткой, коллекционирующей разбитые мужские сердца, сделавшей флирт единственным способом общения с собственными придворными. Одни описывают ее страсть к нарядам, другие вспоминают про связь престарелой королевы и молодого красавца Эссекса.

Бесспорно, ее жизнь, полная самых драматических событий, неожиданных поворотов, неожиданных несчастий и непредсказуемых взлетов, не могла не привлечь к себе внимания историков, писателей и поэтов. Однако не стоит забывать, что на самом деле все было гораздо проще и в то же время гораздо сложнее, чем могут описать гениальные романы или подробнейшие научные монографии.

Принцесса Елизавета, дочь английского короля Генриха Восьмого и его второй жены Анны Болейн, родилась седьмого сентября 1533 года в королевском дворце в Гринвиче. Однако ее рождение, вопреки ожиданиям, не вызвало бурной радости родителей: король хотел сына, и появление на свет еще одной дочери вместо долгожданного наследника его совершенно не обрадовало. В свое время он развелся со своей первой женой, Екатериной Арагонской, дочерью испанского короля и сестрой императора Священной Римской империи, из-за того, что она не дала королю наследников мужского пола – родившийся в 1522 году единственный сын Генрих не прожил и двух месяцев, и из всех многочисленных беременностей королевы в живых остался лишь один ребенок – дочь Мария. Получить развод даже для короля оказалось непросто: для этого Генриху пришлось порвать с католической церковью, основав англиканство, главой которого был он сам. В конце концов брак с Екатериной был аннулирован: Екатерина на момент свадьбы с Генрихом была вдовой его старшего брата Артура, и хотя папа римский выдал официальное разрешение на брак, английский король все же – спустя двадцать лет – решил, что он не имел права жениться на столь близкой родственнице. Принцесса Мария автоматически стала незаконнорожденной.

В январе 1533 года Генрих втайне женился на своей давней возлюбленной Анне Болейн, которая на тот момент была беременна. По одной из легенд, придворный астролог предсказал Генриху, что первый ребенок от Анны станет великим правителем. Увы, к жестокому разочарованию короля, на свет появилась дочь – Елизавета, получившая свое имя в честь матери Генриха. Астролога приказали казнить; больше у Анны детей не было.

Невероятно разочарованный таким поворотом судьбы Генрих охладил к Анне, которую прежде страстно любил. Он стал заглядываться на ее фрейлину Джейн Сеймур, которая была полной противоположностью Анне: королева была страстной брюнеткой, любящей развлечения и наряды, ревливой и капризной, а Джейн – неизменно доброжелательной, тихой, спокой-

ной, скромной и белокурой. Когда Елизавете было три года, после весьма предвзятого судебного следствия Анна Болейн была казнена по обвинению в государственной измене. Ее брак с королем был аннулирован, и Елизавета – как и ее сестра – тоже оказалась незаконнорожденной.

На ее положение это мало повлияло: она по-прежнему жила в отведенном для нее дворце Хэтфилд-хаус в компании немногочисленных слуг. Хотя она и не имела официального статуса принцессы, ее образованием занимались лучшие учителя, приглашенные из Кембриджа: английская принцесса, хоть и не признанная официально, все же была завидным товаром на европейском брачном рынке, и ей полагалось достойное образование. С детства Елизавета проявляла большие способности и еще большее усердие в изучении различных наук. К десяти годам она прекрасно говорила на французском, итальянском, греческом и латыни, знала философию, историю и литературу. Книги оставались ее верными спутниками на протяжении всей жизни. Кроме этого, принцесса прекрасно умела танцевать, музицировать, ездить верхом и рукодельничать.

Между тем в королевском дворце происходила одна драма за другой. Джейн Сеймур, ставшая третьей женой Генриха, родила ему долгожданного сына, названного Эдуардом, но сама скончалась через несколько дней. После ее смерти Генрих женился еще трижды: сначала на Анне Клевской, с которой развелся через несколько месяцев, а затем на кузине Анны Болейн Кэтрин Говард, которая разделила судьбу своей родственницы – она была казнена за измену. Историки считают, что казнь Кэтрин – молодой, жизнерадостной, доброй и очень красивой женщины – стала настоящим ударом для юной Елизаветы, успевшей привязаться к молодой мачехе.

Последней супругой Генриха стала в 1543 году Катерина Парр, успевшая к этому времени уже дважды овдоветь. Рассказывали, что она была влюблена в лорда-адмирала Томаса Сеймура – брата Джейн Сеймур, получившего благодаря родству весьма неплохое положение при дворе. Однако когда король стал проявлять недвусмысленный интерес к Катерине, она не посмела ему отказать. Леди Екатерина стала прекрасной супругой для Генриха, заботливой, нежной, понимающей, и любящей мачехой для всех троих королевских детей: она настояла на том, чтобы принцесс принимали при дворе, и сама заботилась об их воспитании и образовании.

Король Генрих Восьмой скончался 28 января 1547 года. Согласно его завещанию, дочери были признаны наследницами престола вслед за своим братом Эдуардом, отныне королем Эдуардом Шестым. Таким образом, они были официально признаны отцом. Через несколько месяцев Катерина Парр вышла замуж за Томаса Сеймура и переехала в его поместье в Челси. Вместе с любимой мачехой поселилась и Елизавета.

Многие историки пишут, что Сеймур, авантюрист и честолюбец, имел виды на юную принцессу: одни считают, что Елизавета была влюблена в него, другие полагают, что он, наоборот, домогался ее, да так грубо, что у девушки навсегда остался ужас перед сексуальными отношениями. Недаром она и в письмах к мачехе, и в беседах с другом детства Робертом Дадли еще тогда утверждала, что не собирается ни выходить замуж, ни иметь детей. Но даже если Сеймур был и ни при чем, причин для такого решения у Елизаветы было предостаточно: ее мать и мачеха вышли замуж – и были казнены, еще одна мачеха умерла при родах. От родов скончалась и Катерина Парр – все это совершенно не вселяло в Елизавету надежду на счастливую жизнь под супружеским кровом.

Всего через несколько месяцев после смерти жены Томас Сеймур был арестован по обвинению в подготовке государственного переворота и вскоре казнен. В частности, ему инкриминировали намерение жениться на Елизавете и свергнуть с престола Эдуарда. На Елизавету, которая уже давно не жила в доме Сеймура, тоже пало подозрение в причастности, но она смогла доказать свою невиновность.

В 1551 году юный король Эдуард пригласил Елизавету ко двору: брат и сестра всегда с любовью относились друг к другу, и она была рада составить ему компанию, хотя и тосковала

по вольной жизни вдали от двора с его интригами. Однако царствование Эдуарда было недолгим: в июле 1553 года он скончался от туберкулеза.

Интригами его родственников Сеймуrow на престол была обманном путем возведена леди Джейн Грей – правнучка короля Генриха Седьмого. Но скоро англичане воспротивились столь явному нарушению закона: леди Джейн, оставшаяся в истории как «королева на девять дней», была низложена, и на английский престол, при полной поддержке народа, взошла Мария Тюдор. Елизавета была рядом с сестрой. Ярая католичка, Мария Первая стала железной рукой уничтожать любые побегы протестантизма, в том числе притесняя и сторонников основанной ее отцом англиканской церкви. Репрессии и казни еретиков были столь многочисленны, что в историю Мария вошла с прозвищем Кровавая. Постепенно в стране росло недовольство ее религиозной политикой, а когда стало известно, что Мария собирается выйти замуж за испанского инфанта Филиппа, ревностного католика, от бывшей любви народа не осталось и следа. Елизавета, воспитанная в протестантском духе и верная англиканской церкви, естественно рассматривалась как единственная надежда на восстановление протестантского учения.

Поначалу отношения между сестрами были вполне равными; однако Елизавета не хотела переходить в католицизм, как на том настаивала Мария. Это можно понять: по мнению католической церкви, брак Генриха с ее матерью был незаконным, и следовательно, Елизавета была незаконнорожденной. Юная принцесса старалась, как могла, ладить со своей венценосной сестрой – однако той слишком многие говорили, что Елизавета очень опасна. Мария долго не верила: Елизавета казалась ей легкомысленной, не способной вмешаться в большую политику. Но разгоревшееся в начале 1554 года антипапистское восстание под предводительством Томаса Уайатта настолько напугало Марию, что она повелела заключить Елизавету в Тауэр. Несколько недель принцесса провела там, гадая о своей дальнейшей судьбе. Там же, в Тауэре, находился тогда и Роберт Дадли, друг детства Елизаветы: некоторые считают, что молодые люди виделись во время нечастых прогулок, и общая судьба стала началом их любви.

После недолгого разбирательства Томаса Уайатта казнили: перед смертью он поклялся, что Елизавета ничего не знала о заговоре. Хотя многие придворные настаивали на том, что Елизавету следует оставить в Тауэре, ее все же освободили: скоро предстояло бракосочетание Марии с Филиппом Испанским, будущим королем Испании, и королева перед этим событием решила проявить великодушие. Однако Елизавете не было дозволено остаться при дворе: ее сослали в Вудсток под строгий надзор и лишь через год разрешили вернуться в столь любимый ею Хэтфилд.

В апреле 1555 года Елизавету снова призвали ко двору: Мария была на последнем сроке беременности, и присутствие ее сестры было необходимо: если Мария умрет при родах, Елизавета унаследует престол. Однако беременность оказалась ложной: с тех пор положение Елизаветы стало относительно устойчивым – на ее праве наследования настаивал даже Филипп Испанский. Рассказывают, что он весьма благоволил к свояченице: девушка была молода, красива, обаятельна и здорова, в то время как Мария, на одиннадцать лет старше Филиппа, не отличалась ни красотой, ни здоровьем. Филипп строил планы замужества Елизаветы, а едва овдовев, и сам предложил ей руку и сердце.

Мария скончалась 17 ноября 1558 года. Хронисты сообщают, что Елизавета, узнав о смерти сестры, сказала: «Так решил Господь. Чудны дела его в наших глазах».

Елизавета стала королевой в двадцать пять лет – впрочем, выглядела она гораздо моложе: в то время как многие ее сверстницы, изнуренные постоянными беременностями, преждевременно старели, незамужняя Елизавета, чьими любимыми развлечениями были танцы и охота, заметно выделялась свежестью и здоровьем. Она короновалась 15 января 1559 года в Вестминстерском аббатстве – собор окружали восторженные толпы, видевшие в Елизавете спасительницу страны.

Елизавета наградила всех, кто был рядом с нею в последние годы: в частности, Роберт Дадли получил место конюшего, а Томас Пэрри, много лет заведовавший казной Елизаветы, стал казначеем двора. Государственным секретарем Елизавета назначила Уильяма Сесила, который начинал свою карьеру еще при Эдуарде: выбор был на удивление удачен: Сесил, обладавший бесспорным талантом дипломата и государственного деятеля, верой и правдой служил королеве до самой своей смерти – почти сорок лет. Именно его мудрости, прозорливости и преданности обязана Елизавета многими своими достижениями.

Страна досталась Елизавете в плачевном состоянии: казна пуста, религиозные распри разъедали Англию изнутри, а постоянные войны – снаружи. При Марии Англия стала почти придатком Испании, и теперь надо было не только наладить разрушенную экономику страны, но и укрепить престиж Англии на мировой арене. Время показало, что со всем этим Елизавета – с помощью своих советников – блестяще справилась.

Первым делом молодая королева решила религиозную проблему: она не стала преследовать или как-то ограничивать права католиков, но, тем не менее, снова ввела англиканство как государственную религию. Историки до сих пор спорят, насколько искренней и глубокой была вера Елизаветы, однако все сходится на том, что она была весьма прагматичной даже в вопросах веры.

С первых дней царствования самым главным вопросом было замужество королевы: парламент даже официально просил ее как можно скорее избрать себе супруга, дабы обеспечить наследника. В разное время руки Елизаветы домогались Филипп Испанский и эрцгерцог Карл Габсбург, шведский кронпринц Эрик, герцог Анжуйский и даже русский царь Иван Грозный. Хотя Елизавета не раз говорила, что не собирается выходить замуж, она, тем не менее, не давала сватавшимся монархам решительного отказа: ее своеобразный флирт с ними был немаловажной частью внешней политики Англии.

Однако придворные поговаривали, что истинной причиной переборчивости Елизаветы был тот факт, что она была уже давно влюблена – в того самого Роберта Дадли, который делил с нею заключение в Тауэре: отец Роберта, герцог Нортумберленд, был главой заговора, приведшего на трон Джейн Грей, бывшую замужем за братом Роберта – Гилфордом Дадли. Гилфорд и его отец были казнены, однако стараниями Филиппа Испанского брата Гилфорда были освобождены – вместо Тауэра они оказались на войне с Францией. Позже Дадли, молодой красавец и щеголь, лишь на несколько месяцев старше Елизаветы, был одним из тех, кто скрашивал одиночество принцессы в Хэтфилд-хаусе, а теперь, когда она стала королевой, он получил не только место конюшего, но и орден Подвязки и должность смотрителя королевской резиденции в Виндзоре, не считая множества роскошных подарков.

Елизавета так любила проводить время с Дадли, что совершенно забывала об осторожности: она сажала его рядом с собой, разговаривала, ездила вдвоем на прогулки, в беседах с другими неизменно превозносила его достоинства. По Лондону поползли слухи, что Дадли нередко проводит ночи в королевской опочивальне и что королева даже родила от него сына – однако сама Елизавета была искренне удивлена подобными сплетнями: она круглые сутки была окружена фрейлинами и может дать клятву, что у нее никогда не было с Дадли ничего предосудительного. Королеве приходилось беречь свою честь: любое пятно на ее репутации могло поставить под удар и ее будущее как королевы, и всю страну.

Между тем слухи продолжали множиться: утверждали, что Дадли собирается жениться на королеве, и его не остановит даже тот факт, что у него уже была жена: несколько лет назад Дадли женился – по всей видимости, по страстной любви – на юной Эми Робсарт, и хотя Эми никогда так и не была представлена ко двору, скрывать факт своей женитьбы Роберт не мог.

Однако 8 сентября 1560 года Эми Робсарт нашли мертвой: она лежала у подножия лестницы со сломанной шеей. Немедленно стали говорить о том, что Дадли убил свою жену, чтобы иметь возможность вступить в брак с королевой. Елизавета немедленно отдала его от себя

и повелела тщательно расследовать обстоятельства гибели Эми Робсарт: хотя расследование показало, что смерть Эми произошла в результате несчастного случая – Эми была давно больна (современные исследователи говорят о раке), и в частности страдала головокружениями и хрупкостью костей, – это не остановило сплетников, обвиняющих Дадли в гибели жены. Из-за этой трагической истории королева отдалила от себя бывшего фаворита и даже отказалась подписывать грамоту на вроде бы обещанный ему титул графа. Однако через два года, когда Елизавета заболела оспой, она назвала Роберта Дадли в качестве лорда-протектора королевства, хотя по статусу эта должность должна была достаться другому. Титул графа Лестера Дадли получил лишь в 1564 году; фаворитом Елизаветы он оставался еще почти три десятка лет.

Перенесенная оспа лишь слегка испортила кожу на лице Елизаветы, прежде безупречно гладкую и белую. Но хотя оспины пришлось прятать под толстым слоем грима, льстецы продолжали наперебой уверять королеву в том, что она прекраснейшая из женщин, а придворные джентльмены поголовно были демонстративно влюблены в свою королеву.

Говорят, Елизавета умело этим пользовалась: чтобы сэкономить деньги, которых всегда не хватало, она с удовольствием перекладывала часть расходов на своих приближенных, которые из любезности оплачивали ее платья, украшения и лошадей. Вместе со своим двором Елизавета много путешествовала, и не только потому, что любила ездить по стране, – останавливаясь в жилищах состоятельных вельмож, она сильно экономила на расходах.

Елизавета, женщина молодая и слишком много испытавшая, любила развлечения: балы, охоту, разнообразные игры – карты, шахматы, бильярд, театр и музыку. Много времени королева уделяла верховой езде, прогулкам и чтению. Хотя может показаться, что блеск ее двора должен был стоить огромных денег, на деле она тратила намного меньше, чем ее предшественники и наследники: с одной стороны, она была вынуждена экономить – казна была пуста, зато долги огромны, а с другой – прагматизм и бережливость всегда были в ее характере. Даже роскошные платья, в которых она предстает на своих портретах, нередко переделывались, экономя таким образом немалые деньги.

Несмотря на постоянный флирт, замуж Елизавета так и не вышла. Почему – на этот вопрос историки до сих пор не могут дать однозначного ответа. Одни считают, что она не хотела делить власть с посторонним человеком – ведь если она выйдет замуж, главой семьи и государства станет ее супруг. Другие полагают, что Елизавета имела какой-то анатомический изъян, не позволявший ей стать достойной женой: либо она знала о своем бесплодии, либо вообще по каким-то причинам не могла вступить в интимные отношения – возможно, в этом были виноваты и психическая травма, нанесенная Томасом Сеймуром, и обстоятельства ее детства. Кроме того, Елизавете было категорически невыгодно иметь наследника: пока она остается единственной претенденткой на престол, она может не опасаться возможных переворотов, но стоит ей обзавестись ребенком или хотя бы супругом – и никто не мог дать гарантии, что кто-нибудь не захочет сменить монарха.

Со временем при английском дворе развился настоящий культ королевы-девственницы: Елизавету сравнивали с Девой Марией и языческими богинями, поэты воспевали ее в образах Глорианы и Королевы фей, портреты королевы наполнялись символами ее девственности: она изображалась, например, с решетом, или лилией. Даже столь любимый Елизаветой жемчуг, который она носила в изобилии, тоже ведь был символом чистоты и непорочности. Известно, что Елизавета в ответ на уговоры выйти замуж говорила, что с нее будет довольно, если на ее могиле напишут, что она «жила и умерла девственницей». А одному из придворных она сказала, что «лучше быть незамужней нищенкой, чем замужней королевой».

Наиболее вероятной наследницей английской короны была небезызвестная Мария Стюарт, шотландская королева: она была внучкой Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха Восьмого, и хотя линия Стюартов не была упомянута в завещании Генриха Восьмого, фактически была не последней в очереди наследников. К тому же ее права – как истинной като-

лички, представительницы католического рода, – поддерживал Рим. Корону Шотландии она унаследовала, когда ей было всего несколько дней от роду, и страной от ее имени управляла королева-мать Мария де Гиз. Еще в раннем детстве Марию предполагалось выдать замуж за английского принца Эдуарда, однако в возрасте пяти лет она была просватана за Франциска, сына французского короля, и с тех пор воспитывалась при французском дворе. Советники убеждали ее в том, что именно у нее наиболее веское право на английскую корону, – Мария даже включила английский герб в свой личный и титуловалась как королева французская, шотландская, английская и ирландская.

После внезапной смерти ее супруга, тогда короля Франциска Второго, она вернулась в Шотландию. На руку овдовевшей королевы немедленно нашлось множество претендентов – сама Елизавета предлагала ей в мужья Роберта Дадли, получившего графский титул именно по этому поводу. Однако Мария вышла за молодого, смазливового и весьма недалекого Генри Дарнли, ставшего отцом ее сына – будущего короля Якова. Однако супруги не ладили; всего через полгода Дарнли погиб при загадочных обстоятельствах, и Мария считалась одной из вероятнейших его убийц – особенно учитывая тот факт, что уже через три месяца она вышла замуж за лорда Ботвелла. Все эти события вызвали восстание в стране, в результате которого 24 июля 1567 года Мария Стюарт отреклась от престола в пользу своего сына. Она сбежала в Англию, где попросила убежища у Елизаветы.

Елизавета не была готова ни восстанавливать Марию на престоле, ни оказывать ей какую-либо помощь: Мария по-прежнему считала именно себя законной королевой Англии. Так что у Елизаветы было достаточно причин не любить Марию, помимо простой женской ревности, о которой так любят говорить писатели. По совету лорда Сесиля, Марию поселили в замке Карлейл (откуда ее позднее перевели в Шеффилд, где она провела почти восемнадцать лет), давали весьма щедрое содержание, но не допускали ко двору, да и вообще никуда не выпускали.

Между тем появление Марии в Англии спровоцировало целую серию католических заговоров. Поначалу Елизавета не верила в причастность к ним Марии – или не хотела верить – но в конце концов (не без участия провокаторов) были получены неопровержимые доказательства того, что Мария замышляла убить Елизавету. Хотя английской королеве категорически не хотелось подписывать смертный приговор Марии – это было бы слишком зловещим прецедентом, – ей все же пришлось. Восьмого февраля 1587 года Мария была казнена.

Эта казнь обострила отношения Англии с Испанией, и без того весьма натянутые. Елизавета много сделала для развития английского флота: именно при ней Англия стала великой морской державой. Но раньше моря всецело принадлежали Испании – испанские корабли регулярно курсировали в Новый свет и обратно, привозя в Испанию тонны золота и других ценных грузов. Английские пираты – знаменитые братья Хоукинсы, прославленный Френсис Дрейк и другие – регулярно грабили испанские корабли: Елизавета не только знала об этом, но и имела с этого неплохой доход. Официально «пиратских войн» словно и не существовало, однако на самом деле они изрядно трепали нервы испанской короне. Постепенно Англия завоевывала авторитет на море и даже утверждалась в Новом Свете, ранее безраздельно принадлежавшем Испании: в 1587 году была основана первая английская колония, получившая в честь Елизаветы имя Вирджиния – «девственная». В ответ испанцы поддерживали католические волнения в Ирландии и вынашивали планы нападения на Англию. Однако им не суждено было сбыться – как известно, подготовленная для битвы Великая армада была разбросана штормом, а ее остатки добил в Гравелинском сражении Френсис Дрейк. За это Дрейк был произведен королевой в рыцари. Говорят, Френсис Дрейк весьма заинтересовал пожилую королеву, и между ними даже началось что-то вроде романа – весьма, правда, непродолжительного. Королева оставалась верна своему Дадли – их долгой связи не помешала даже тайная женитьба Дадли в 1578 году на Летиции Ноллис, родственнице и фрейлине королевы, весьма похожей на Елизавету внешне: поначалу королева разгневалась, однако потом простила Дадли. Летиции

же пришлось еще долго находиться вдали от двора, скрываясь от королевского гнева. Дадли скончался от лихорадки в сентябре 1588 года. За четыре дня до смерти он написал Елизавете письмо, справляясь о её здоровье – «самом дорогом для него». Уже после смерти Елизаветы это послание было обнаружено среди ее бумаг с ее собственноручной пометкой: «Его последнее письмо».

Стареющая королева оставалась все той же кокеткой, которой была в юности, – с поправкой на власть и возраст. Если раньше она принимала лесть, теперь она ее требовала, если раньше она соперничала с придворными красавицами – теперь во фрейлины набирали лишь некрасивых дам, и платья им разрешалось носить только простые белые или серебристые – в то время как сама Елизавета ходила в богато разукрашенных нарядах всех цветов радуги. Ее прежняя бережливость переросла в скупость, а осторожность – в бездействие. Тем не менее королева сохраняла ясный и острый ум, работоспособность и прежние привычки.

Вместо умершего Роберта Дадли королева стала отличать его пасынка, сына Летиции Ноллис от первого брака, Роберта Девере, графа Эссекса, женатого, кстати, на вдове знаменитого поэта Филиппа Сидни. Молодой красавец – а ему было всего 23 года, когда королеве уже исполнилось 55 лет, – был представлен ко двору еще Дадли, и Елизавета почти сразу обратила на него внимание. Храбрый и в то же время весьма романтичный юноша совершал подвиги во имя своей королевы и осыпал ее изысканными комплиментами. Уже скоро она вела себя с ним так же вольно, как когда-то с любимым Дадли – однако Эссекс вовсе не был столь терпелив, как его отчим. После нескольких лет в положении королевского фаворита начал зарываться: он стал несдержан, требователен и к тому же позволял себе повышать голос на королеву. Он совершал одну ошибку за другой: сначала чуть не упустил испанский флот, против которого должен был выступить, а летом 1599 года – несмотря на огромную армию – не смог подавить восстание в Ирландии, да к тому же бросил войско без разрешения. Разгневанная Елизавета отдала любимца под суд, отлучила от двора и лишила многих привилегий. Несмотря на покаянные письма, Елизавета не простила Эссекса.

Тогда он оказался во главе заговора, намеревавшегося захватить Лондон и свергнуть Елизавету. Однако все кончилось фарсом: обещанного оружия не было, мятежники разбежались, а Эссекс, вернувшийся в собственный дом, был арестован и предстал перед судом. Эссекс признал себя виновным в измене: он назвал себя «самым большим, самым подлым и самым неблагодарным предателем из всех, когда-либо живших на земле». Ему отрубили голову 25 февраля 1601 года.

По одной из легенд, королева была готова простить его – она лишь ожидала, что Эссекс пришлет ей перстень, который она когда-то даровала ему в знак любви. Однако перстень перехватили, и Эссекс был казнен.

Королева очень тяжело перенесла и предательство Эссекса, и его казнь. Она так и не оправилась от этой потери: ее здоровье резко ухудшилось, и к тому же у нее начались приступы душевного расстройства, во время которых она лишь плакала и звала Эссекса. Она понимала, что ее дни сочтены, – в упрек придворным, почти переставшим считаться с нею, она повторяла: «Мертва, но еще не погребена!» В своей последней речи, которую она произнесла перед парламентом в октябре 1601 года, она сказала: «На том месте, что я сейчас занимаю, никогда не появится тот, кто более предан стране и ее гражданам, чем я, кто с такой же готовностью отдаст жизнь за ее безопасность и процветание. Жизнь и царствование имеют для меня цену только до тех пор, пока я служу благу народа».

В последние годы положение страны резко ухудшилось: череда неурожаев подорвала экономику, военные расходы опустошили казну, налоги выросли, и вместе с ними росло недовольство старой королевой. В последние месяцы она уже едва держалась на ногах – однако отказывалась лечь, уверенная, что именно в постели ее настигнет смерть. Она скончалась рано

утром 24 апреля, успев перед смертью назвать имя своего наследника – Якова Стюарта, короля Шотландии, сына Марии Стюарт.

Гроб с телом королевы проплыл на освещенной факелами барже до Уайтхолла, а 28 апреля доставлен в Вестминстерское аббатство. По словам летописца Джона Стоу, «Вестминстер был переполнен: множество людей на улицах, в домах, окнах, на крышах и даже на водосточных трубах, которые пришли, чтобы увидеть погребение, и когда они увидели ее извятие, лежащее на крышке гроба, они испустили такой вздох, и стон, и плач, которого никогда не было раньше в памяти человека».

Екатерина Великая Матушка царица

Волею судеб девочка из нищего немецкого княжества стала великой правительницей великой страны. Она узурпировала престол, но правила страной, как заботливая мать, вникая во все тонкости жизни. В те времена правление было типично мужской профессией, но Екатерина справлялась с нею с настоящим женским изяществом и тактом.



Волею судеб девочка из нищего немецкого княжества стала великой правительницей великой страны. Она узурпировала престол, но правила страной, как заботливая мать, вникая во все тонкости жизни. В те времена правление было типично мужской профессией, но Екатерина справлялась с нею с настоящим женским изяществом и тактом, даже в самые тяже-

лые минуты оставаясь прежде всего женщиной. Недаром Карамзин писал о ней: «Екатерина – Великий Муж в главных собраниях государственных – является женщиной в подробностях монаршей деятельности».

Екатерина Великая, урожденная София Августа Фредерика Амалия, была дочерью герцога Христиана Августа Анхальт-Цербстского и его супруги Иоганны Елизаветы. Ее отец принадлежал к весьма многочисленному отряду полунищих немецких принцев, про которых говорили, что расходы на содержание их родового замка превышают доходы от владений.

У Христиана Августа владений не было: герцогством правил сначала его кузен, а затем старший брат, так что его сиятельству пришлось поступить на службу к прусскому королю Фридриху Второму, которому нравилось окружать себя титулованными особами. Христиан Август был женат на внучке шведского короля – у отца Иоганны Елизаветы, герцога Гольштейн-Готторпского, было пять дочерей, и то, что ей в пятнадцать лет удалось выйти замуж за неимущего принца, было немалой удачей. Однако замужняя Иоганна, легкомысленная и избалованная, невыносимо скучала в Штеттине, куда ее муж был назначен губернатором: даже рождение дочери – это событие произошло в Штеттине 21 апреля (2 мая) 1729 года – ее не обрадовало. Девочка росла, по собственным воспоминаниям, как трава в лесу: ее воспитанием и образованием почти не занимались, и она проводила дни, играя на пыльных улицах Штеттина с детьми отцовских придворных. Однако позже герцогиня Иоганна решила, что удачный брак дочери может вырвать ее саму из штеттинской тоски, и взялась за ее воспитание. В то время Германия была настоящим питомником невест для владетельных домов всей Европы, и на фоне многочисленных принцесс надо было выделиться. В жены брали красивых, образованных и послушных, так что Иоганна взялась за свою дочь всерьез. Чтобы вытравить из девочки зарождающуюся гордость, мать заставляла ее целовать платья знакомых дам, чтобы отучить от безделья – забрала все игрушки, а чтобы осанка у принцессы была величавой – ее заставляли ходить, пристегнув косу к платью. Софию Августу, которую дома звали Фике, учили языкам, танцам, музыке, началам истории, географии, богословию и прочим необходимым для будущей влиятельной особы вещам. Согласно мемуарам Екатерины, мать не слишком церемонилась с нею – за малейшую провинность, шалость или неподчинение она могла отвесить дочери пощечину.

С ранних лет Фике, обладающая от природы независимым характером, научилась скрывать и свои чувства, и свой немалый ум. От гнева матери она часто пряталась в библиотеке и там пристрастилась к серьезному чтению, изучая античных философов, ренессансные трактаты и политические мемуары. Она с ранних лет была весьма привлекательна, обаятельна и грациозна – недаром к ней, как пишут историки, собирався посвататься ее родной дядя, брат Иоганны Георг-Людвиг. Впрочем, сватовство не состоялось: Фике ждала совсем другая судьба.

Еще в 1739 году в Эйтине, где встречались все члены Гольштейн-Готторпского дома, Фике встретила своего троюродного брата Карла Петера Ульриха: вялый и некрасивый мальчик уже тогда славился безудержным пьянством, плохим воспитанием и непомерным честолюбием. Именно его – внука Петра Первого, сына его дочери Анны – избрала в 1742 году своим наследником незамужняя российская императрица Елизавета Петровна. Юношу перевезли в Россию, под именем Петра Федоровича крестили в православие, обучили русскому языку и стали подыскивать ему супругу. Поначалу Елизавета хотела женить его на сестре прусского короля Фридриха Второго, однако тот предпочел отправить в далекую Россию кого-нибудь попроще: его выбор пал на Софию Фредерику, дочь его фельдмаршала – говорили, что ее мать, герцогиня Иоганна, была шпионкой на службе Фридриха, и тот надеялся, что она будет продолжать свою службу и при дворе Елизаветы. Как бы то ни было, в январе 1744 года Фике вместе с матерью, тайно, под именем графинь Рейнбек приехали в Россию: вспоминают, что весь багаж Фике состоял из дюжины неновых сорочек, трех платьев и медного кувшина для умывания.

Ошеломленная роскошью и весельем русского двора, Фике решила во что бы то ни стало остаться здесь. Она сделала все, чтобы понравиться Петру и особенно Елизавете – была послушна, любопытна, сыпала комплиментами и даже публично рассорилась с матерью, когда ту уличили в тайной переписке с Фридрихом. Когда Фике тяжело заболела, она послала не за лютеранским пастором, а за православным священником, продемонстрировав, к немалой радости Елизаветы, свою решимость стать русской. После полутора лет при дворе, когда Фике обучали русскому языку и истории, наставляли в православной вере и придворном этикете, ее окрестили, дав ей имя Екатерины Алексеевны – так же звали мать Елизаветы, супругу Петра Первого, – а на следующий день, 29 июня (10 июля) обручили с великим князем Петром Федоровичем.

Свадьба, по пышности превосходящая все прежние торжества Елизаветы, состоялась 21 августа (1 сентября) 1745 года: молодым были пожалованы Люберцы под Москвой и Ораниенбаум под Петербургом, назначено щедрое денежное содержание и дарованы различные должности. Однако счастья в новой семье не предвиделось: Екатерина и Петр, поначалу пытавшиеся было подружиться, довольно быстро охладели друг к другу. Они были слишком разные: избалованный инфантильный Петр, который играл в супружеской спальне в солдатики, выставив супругу в караул, и воспитанная в строгости Екатерина, читавшая запоем научные труды и сочинения французских просветителей. Елизавета поначалу благоволила к невестке – Екатерина умело льстила, слушалась «тетушку» и к тому же всегда одевалась очень скромно, что известная щеголиха Елизавета, не терпевшая, когда кто-то выделялся своим нарядом из толпы или затмевал ее красотой, весьма ценила.

Кроме того, Екатерина старательно пыталась «стать русской»: прилежно учила язык, читала русских авторов, соблюдала религиозные обряды – чего от ее мужа двор так и не дождался. Но позже Елизавета, женщина весьма проницательная, поняла, что под маской послушания скрывается незаурядная личность, независимая и непокорная. Екатерина казалась императрице слишком умной, и следовательно – опасной. За ней был постоянный надзор: Елизавета желала знать, куда, когда и с кем ходит Екатерина, что читает и о чем думает: даже ее письма родным вскрывались и прочитывались. Придворные, видя такое отношение к великой княгине, тоже не спешили заводить с нею дружбу. Оказавшись перед печальной перспективой остаться при дворе без малейшей поддержки, Екатерина сделала все, чтобы завоевать симпатии окружающих: она выслушивала монологи придворных старух и играла в карты с престарелыми князьями, была щедра, любезна и подчеркнуто набожна. Постепенно слава о Екатерине как о женщине сердечной, доброй и душою русской распространилась в высшем свете – что вызвало явное недовольство среди ближайших сторонников Елизаветы, углядевших в этом коварство и интриги молодой княгини.

Но главной виной Екатерины было то, что она медлила с исполнением своего главного долга – родить Петру наследника. Через несколько лет напрасного ожидания Елизавета велела подвергнуть Екатерину медицинскому осмотру – и, как пишут историки, выяснилось, что та все еще девственница: из-за врожденного порока ее муж не мог исполнять свои супружеские обязанности. Петру немедленно была проведена операция, и после двух неудачных беременностей Екатерина 20 сентября (1 октября) 1754 года родила сына Павла. По мнению некоторых мемуаристов, отцом Павла был вовсе не Петр, а молодой дворянин Сергей Салтыков, чуть ли не специально для этой цели приставленный к великой княгине Елизаветой. Однако историки склонны считать, что если связь с Салтыковым и имела место, сына Екатерина родила от мужа: об этом свидетельствует, например, несомненное сходство Павла с Петром.

Сразу после рождения ребенка забрали у родителей: Елизавета желала воспитать мальчика сама, а Екатерине и Петру разрешалось навещать его лишь раз в неделю. Заведя наследника, Петр окончательно отстранился от супруги: он открыто имел любовниц – особнным его расположением пользовалась на редкость некрасивая фрейлина Елизавета Воронцова, но и не

возражал, когда Екатерина отвечала ему тем же. Он называл жену «запасной мадам», нередко ругал ее на людях, но, тем не менее, всегда доверял ее уму, советуясь с нею по всем важным вопросам, и в знак благодарности прозвал супругу и *Madame la Ressource* – «Мадам Ресурс».

Быстро забыв Салтыкова, которого отослали из Петербурга, Екатерина влюбилась в польского дипломата Станислава Понятовского, который, по воспоминаниям, был в неожиданно хороших отношениях с Петром: обе влюбленные пары – Петр с Воронцовой и Екатерина с Понятовским – нередко ужинали вместе, а затем расходились по разным спальням. Вероятно, именно от Понятовского Екатерина родила в декабре 1758 года дочь Анну: Петр, узнав об интересном положении супруги, произнес: «Бог знает, почему моя жена опять забеременела! Я совсем не уверен, от меня ли этот ребенок и должен ли я его принимать на свой счет». Анна умерла через два года; Понятовского тоже удалили от двора: через много лет Екатерина в знак признательности сделает его королем Польши, а место рядом с Екатериной занял Григорий Орлов. Он был личностью необыкновенной: силач, отчаянный смельчак, герой Семилетней войны, талантливый администратор и к тому же один из самых красивых мужчин своего времени. В отличие от многих придворных он был искренним и скромным, практически – по крайней мере на фоне братьев – лишенным честолюбия и корысти. Его любовь и преданность Екатерине не подлежала сомнению – равно как и любовь к нему Екатерины.

После воцарения Петра Третьего жизнь его супруги, вопреки ожиданиям, стала еще хуже: Петр открыто говорил о том, что намерен сослать ее в монастырь, дабы жениться на Воронцовой. Екатерина, которую муж поселил в противоположном от себя крыле Зимнего дворца, между тем снова была беременна: в апреле 1762 года она родила от Орлова сына, которого немедленно после рождения отдали в чужие руки. Говорят, верный Орлов устроил пожар, чтобы Петр, охочий до подобных зрелищ, не заметил суматохи в палатах своей жены. Мальчик, получивший имя Алексея Бобринского, воспитывался в семье приближенного Екатерины, учился за границей, где прославился своим вольным поведением, а позже жил в Ревеле. Лишь после смерти Екатерины Павел Первый признал в нем брата и даровал графский титул.

Между тем положение Екатерины при дворе мужа-императора становилось все тяжелее. Когда в апреле Петр публично оскорбил жену, не желавшую пить провозглашенный им тост «за Пруссию», и даже повелел заключить ее в крепость, лишь заступничество придворных спасло Екатерину. К тому же Петр, человек явно психически неуравновешенный, своими пропускскими реформами вызвал огромное недовольство русского дворянства, особенно военных, которые уже начали подумывать о том, чтобы возвести на трон Екатерину – благочестивую, умную, доброжелательную и к тому же «русскую душой». Братья Орловы, преданные Екатерине, организовали заговор: когда в июне Петр, обуреваемый новой сумасшедшей идеей воевать с Данией, отбыл из столицы, Екатерина в мужском мундире (который ей необыкновенно шел) проехала по гвардейским казармам, подняв полки против императора. На следующий день Петр отрекся от престола, а еще через неделю погиб в Ропше – то ли от геморроидальных колик, то ли от рук заговорщиков. Когда Григорий Орлов сообщил императрице о смерти ее мужа, она заплакала: «Слава моя погибла! Никогда потомство не простит мне этого невольного преступления».

Историки сомневаются, что она имела отношение к гибели Петра: смерть его была слишком «ранней для ее славы», как заметила Екатерина Дашкова. Скорее всего, его слабое здоровье действительно не вынесло потрясений переворота...

По логике закона Екатерина, свергнувшая супруга, должна была стать опекуницей при наследнике – Павле Петровиче. Однако она не желала упускать власть: в высочайших манифестах было объявлено о том, что она станет императрицей по «желанию всех Наших верно-подданных явному и нелицемерному». В сентябре 1762 года Екатерина Вторая короновалась в Москве.

Историк Ключевский писал о ней: «У Екатерины был ум не особенно тонкий и глубокий, но гибкий и осторожный, сообразительный. У нее не было никакой выдающейся способности, одного господствующего таланта, который давил бы все остальные силы, нарушая равновесие духа. Но у нее был один счастливый дар, производивший наиболее сильное впечатление: память, наблюдательность, догадливость, чутье положения, умение быстро схватить и обобщить все наличные данные, чтобы вовремя выбрать тон». Политические заслуги Екатерины, недаром прозванной Великой, огромны: она реформировала страну, увеличила ее территорию, присоединив Крым, Причерноморье и Восточную Польшу, наполнила опустошенную веселой Елизаветой казну, заботилась об образовании и воспитании подданных. Она основала полторы сотни городов, организовала Смольный институт, установила черту оседлости и реформировала монастыри. Екатерина Вторая вошла в историю как сторонница «просвещенного абсолютизма», друг Вольтера и Дидро, писательница и меценатка. Но при всех государственных заботах Екатерина ни на минуту не забывала о своей женской сущности: с истинно женским интересом она регламентировала даже наряды дам. Именно Екатерине принадлежит идея «мундирного платья»: каждый приходящий ко двору обязан быть одет в цвета своей губернии, и в тех же цветах должны быть одеты их жены и дочери. Женские платья имели элементы военной формы: на простое сукно нашивались галуны, а верхняя роба напоминала сюртук.

Воспитанная в бедности и немецкой строгости Екатерина на всю жизнь сохранила любовь к простоте и сдержанности во всем, в том числе и одежде: особым указом придворным запрещалось чересчур украшать свои платья – они должны были соблюдать «более простоту и умеренность в образе одежды». Хотя в Европе в то время царил изысканный и роскошный стиль рококо, Екатерина, словно специально, игнорировала веяния моды, вводя вместо этого собственный стиль: простые прически, гладкие, без парижских бантов и оборок, юбки, ткани без пышного рисунка и обязательно русского производства. Модные в то время огромные фижмы императрица надевала только в крайних случаях, предпочитая платья с мягкими юбками из гладкого атласа или бархата. Желая подчеркнуть величие страны и единство ее правящего класса, Екатерина ввела русское придворное платье: напоминавший сарафан наряд, дополненный традиционным кокошником, часто надевала и сама императрица, и ее фрейлины. Впечатленные европейские послы ввели на Западе моду на подобные платья – которые в честь Екатерины стали называться «царицыными», «по царице», *a-la Catherine*.

В педагогике Екатерина тоже слыла реформатором: хотя по велению судьбы ей так и не удалось почувствовать себя настоящей матерью, она наверстала свое с внуками, особенно со старшими – Александром и Константином, которых воспитывала как будущих правителей по собственной системе, основанной на философии Руссо. Екатерина даже придумала для внуков специальный детский костюм, позволявший им свободно двигаться: наряд был настолько удобен, что выкройку просили для своих детей европейские монархи. Азбуку для своих внуков Екатерина также написала сама.

В обращении Екатерина была, не в пример многим монархам, очень проста и равно учтивая со всеми, от слуг до собственных фаворитов. Вспоминали, что приглашенные на ее обеды не должны были вставать, когда разговаривали с императрицей, даже если она стояла, – недаром перед входом во дворец стоял щит с надписью: «Хозяйка здешних мест не терпит принуждения».

Баронесса Димсдейл, представленная Екатерине в 1781 году, описывала ее как «очень привлекательную женщину с прелестными выразительными глазами и умным взглядом». О царице баронесса писала, что летом та носит белый капор и кожаные туфли, по вечерам накидывая платок, любит делать замысловатые прически и наряжаться, но делает это с похвальной скромностью и экономией.

По укоренившейся с детства привычке, Екатерина и будучи императрицей вела очень строгую жизнь. Ее распорядок дня вызывал у послов оторопь: Екатерина вставала в шесть утра,

завтракала крепким кофе с пирожными, с восьми утра принимала доклады, а потом занималась делами до обеда. К обеденному столу подавали 3–4 блюда, достаточно простых и дешевых – больше всего императрица любила разварную говядину с соленым огурцом и смородиновый морс. После обеда она занималась рукоделием – императрица прекрасно вышивала, вязала, гравировала, знала токарные работы, резала по янтарию и камню, – а потом читала. К ужину Екатерина выходила только в случае празднеств, предпочитая вместо застолья провести время с книгой или в обществе любимого человека.

Как любой женщине, императрице хотелось любви, понимания, заботы – то есть простого женского счастья, которым судьба обделила ее в браке. Несмотря на обилие слухов, воспевающих чувственность и легкомыслие Екатерины, у нее было не так много любовников – авторитетные исследователи насчитывают всего два десятка, из которых несколько провели рядом с царицей долгие годы. К Григорию Орлову, которому Екатерина была обязана тронem, она испытывала настолько сильные чувства, что даже собиралась выйти за него замуж: однако советники отговорили ее – во главе Российской империи не может стоять графиня Орлова. Однако она продолжала жить с ним как супруга и доверять ему те дела, которые по идее должен был исполнять супруг-император: Орлов командовал войсками, управлял подавлением Чумного бунта, возглавлял Вольное экономическое общество. Однако его чрезмерная чувственность проявлялась не только в постели императрицы, но и в беспорядочных связях. Екатерине это надоело, и она заменила его на его же брата, Алексея, которого позже сменил блистательный князь Потемкин. Расставшись с императрицей, Григорий Орлов влюбился в свою юную кузину, фрейлину Екатерину Зиновьеву, и со скандалом в 1777 году на ней женился. Разгневанная Екатерина была готова отослать обоих супругов в монастырь, однако позже простила их и даже наградила. Когда через несколько лет граф Орлов после внезапной смерти жены сошел с ума и вскоре умер, императрица искренне его оплакивала.

Григорий Потемкин, которому Екатерина позже за заслуги даровала титул светлейшего князя и прозвание Таврического, был, наверное, самым сильным чувством в ее жизни. «Ласка наша есть чистейшая любовь, и любовь чрезвычайная», – писала она. По некоторым данным, Екатерина даже вступила с ним в 1775 году в морганатический брак – правда, все будто бы имевшиеся свидетельства этого события были утрачены. В июле 1775 года Екатерина тайно – придворным было объявлено, что у императрицы расстройство желудка, – родила от Потемкина дочь, получившую имя Елизавета Темкина (первый слог фамилии отца был по обычаю отброшен). Девочке были пожалованы богатые имения в Херсонской губернии, а воспитателями ее были сначала племянник Потемкина Александр Самойлов, затем лейб-медик Екатерины Иван Бек. Хотя Лиза не отличалась особой красотой, она удачно вышла замуж – ее супругом стал майор Иван Калагеорги, друг детства великого князя Константина Павловича, позже назначенный губернатором Екатеринославской губернии. У Елизаветы Калагеорги родилось десять детей, она провела свои годы в счастье и спокойствии.

В Потемкине Екатерина нашла нежного любовника, понимающего друга, заботливого мужчину и талантливейшего государственного мужа. «С прекрасным сердцем, он соединил необыкновенно верное понимание вещей и редкое развитие ума. Виды его всегда были широки и возвышенны», – писала о нем Екатерина. К сожалению, по государственным делам он часто отсутствовал в столице, и, чтобы не скучать в одиночестве, Екатерина заводила себе фаворитов, которых нередко представлял ей сам Потемкин: гвардейских офицеров, молодых аристократов или просто прославившихся своей мужской статью дворян. По распространенной легенде, кандидата в царские любовники сначала проверял личный врач Екатерины, затем ее статс-дама – и если после трехдневных постельных испытаний юноша признавался достойным, его поселяли в дворцовых покоях. Когда очередной фаворит надоедал императрице, она делала ему крупный подарок – имение, чин, сумму денег – и расставалась.

Связь с Потемкиным длилась более десяти лет, дружба – всю его жизнь. Когда в октябре 1791 года пришло известие о смерти Потемкина от горячки, Екатерина была потрясена: она несколько дней рыдала, билась в истерике, ей даже пришлось пустить кровь. С его смертью она почувствовала себя невероятно одинокой...

Утешал императрицу молодой красавец Платон Зубов, на сорок лет ее моложе: в свое время он специально набивался Екатерине в любовники и, в отличие от Орлова или Потемкина, усиленно пользовался ее милостями, не давая ничего взамен. Он был рядом с Екатериной до ее смерти, украсив своей красотой и легкомыслием ее последние годы.

В старости Екатерина располнела, почти не могла ходить, хотя сохраняла, по признанию современников, обаяние, зрелую красоту и некоторую грациозность. Пятого ноября 1796 года она внезапно потеряла сознание и на следующий день скончалась. Воцарившийся Павел Первый повелел, захоронив ее в Петропавловском соборе, похоронить рядом с нею бывшего императора Петра Третьего, своего отца и кумира. Так закончилась долгая и счастливая эпоха, вошедшая в историю как «век Екатерины».

Королева Виктория Бабушка Европы

Ее имя стало символом целой эпохи – викторианского века, который до сих пор рассматривается в английской истории как время счастливой стабильности и процветания. За шестьдесят четыре года своего царствования – самый длинный срок правления за всю историю европейских монархий – королева Виктория и сама стала живой эмблемой своего времени и своих принципов: честности, успеха, порядочности и величия.



Во времена королевы Виктории Великобритания достигла невиданного расцвета, зенита своего могущества. При ней границы империи расширились, а роль Великобритании в мировой политике стала главенствующей. Но главной заслугой королевы Виктории все же считают то, что она подняла престиж английской королевской семьи на небывалую высоту, стряхнув со своей короны всю грязь, налипшую за последние два столетия.

Виктории не повезло с родственниками. Немецкая по происхождению Ганноверская династия прославилась своими многочисленными пороками – чревоугодием, распутством, мотовством, а дед Виктории Георг III и вовсе закончил свои дни в безумии. Из его тринадцати доживших до совершеннолетия детей практически все отличались либо хронической глупостью, либо распутством, либо транжирством, а то и всем букетом пороков разом, а из шести

десятков внуков короля Георга лишь пятая часть были законнорожденными. У его старшего сына, принца-регента и будущего короля Георга IV, была единственная дочь, скончавшаяся при родах в декабре 1817 года, и на этот момент ни у одного из шести его братьев не было законных детей. Чтобы спасти вымирающую династию, три еще не женатых принца – Вильгельм, герцог Кларенс (будущий король Вильгельм IV), Эдвард Кентский и Адольф, герцог Кембриджский, срочно обзавелись супругами.

Эдвард Кентский женился на Виктории Саксен-Кобургской, вдове принца Лейнингенского. У нее уже было двое детей, так что Эдвард мог быть спокоен относительно ее способности родить ему будущего наследника английского престола. Их единственная дочь родилась 25 мая 1819 года в Кенсингтонском дворце – родители специально приехали в Лондон из Баварии, дабы ни у кого впоследствии не возникло сомнений в истинно английском происхождении их ребенка.

Девочке хотели дать длинное имя, почтив таким образом почти всех родственников: Джорджина (в честь принца-регента) Виктория (в честь матери) Александрина (в честь русского императора Александра I, с которым после победы над Наполеоном Англия поддерживала дружеские отношения) Шарлотта Августа (в честь сестер отца). Однако регент, который по традиции был крестным отцом и руководителем церемонии, не позволил назвать ребенка Джорджиной – и разрешил лишь два имени: Александрина и Виктория, с тем условием, чтобы «имя матери шло после имени императора». Первые несколько лет жизни девочку звали уменьшительным именем Дрина.

Уже через два года, когда умерла последняя из законных дочерей герцога Кларенса, стало ясно, что Александрине Виктории предстоит унаследовать трон. Увы, ее отец не дожил до этого момента – он умер, когда Виктории было всего восемь месяцев, оставив жене в наследство одни долги.

Детство будущей королевы было совсем не королевским: в доме царила строжайшая экономия, так что у девочки не было игрушек, пища была очень простая, а новое платье она получала лишь тогда, когда полностью износится старое, – даже став королевой, Виктория была уверена, что все дамы, без конца меняющие туалеты, безнравственные мотовки. Рассказывают, что когда Виктория совершила свой первый визит во Францию, ее наряды были куплены у лавочника в Кале, в то время как французская императрица Евгения щеголяла в туалетах от Чарльза Ворта – англичанина, перебравшегося в Париж из-за недостатка клиенток.

Воспитанием Виктории занималась мать, герцогиня Кентская, и ее секретарь и фаворит сэр Джон Конрой. Выработанная ими система получила название «кенсингтонской»: согласно ей юная принцесса должна была круглосуточно находиться под полным контролем. Она спала в комнате матери, ей запрещалось общаться с посторонними, бездельничать, читать романы и развлекаться. Лишняя конфета или ложка супа были непозволительной роскошью, а вся жизнь текла по строжайшему, не подлежащему изменению распорядку. Большую часть времени занимали уроки: языки – Виктория занималась латынью, греческим, немецким, французским и итальянским, арифметика, история, география, музыка, рисование, танцы, верховая езда.

Герцогиня и Конрой делали все возможное, чтобы обеспечить свое безграничное влияние на будущую королеву, и в результате Виктория росла очень одинокой, зависимой от чужого мнения и оторванной от реального мира. Кроме матери и Конроя, Виктория общалась лишь с дядей – бельгийским королем Леопольдом, заменившим ей отца, – и с немкой-гувернанткой Луизой Лецен, дамой весьма строгой и суровой, но сумевшей вызвать искреннюю любовь принцессы. Лецен приучала Викторию к сдержанности чувств и верности долгу, самодисциплине и добросовестности – то есть привила ей все те качества, которые потом обеспечили Виктории успех ее правления. О том, что ей предстоит стать королевой, Виктория узнала лишь в 12 лет – и по легенде, сказала лишь: «Я буду хорошей».

Она унаследовала трон после смерти своего дяди, Вильгельма VI, 20 июня 1837 года, когда ей было всего восемнадцать лет. В этот день она записала в дневнике, что неопытность в государственных делах не помешает ей проявлять твердость в принятии решений.

Великобритания уже давно нуждалась в твердой руке – три последних короля в силу душевного нездоровья, слабого характера или преклонного возраста не могли в должной мере управлять страной, и состояние монархии было весьма шатким. Даже коронация была организована из рук вон плохо: никто не знал, что ему делать, все перепуталось, а кольцо – символ королевской власти – оказалось слишком маленьким для будущей королевы, так что архиепископ Кентерберийский едва смог натянуть его на палец Виктории. Юная королева лишь спрашивала: «Умоляю, скажите мне, что я должна делать?»

Однако уже скоро всем стало ясно, что королева прекрасно знает, что ей нужно делать. «Я очень молода, но если не во всех, то во многих делах я отнюдь не могу считать себя несведущей», – написала она своему дяде в первые дни правления. Первым делом она избавилась от надоевшей опеки матери и Конроя, которого давно возненавидела. Она вполне справедливо считала, что отныне она отвечает не только за себя, но и за всю страну, и вмешательство посторонних в государственные дела – пусть даже это ее ближайшие родственники – просто недопустимо.

Виктория не была ни великим политиком, ни сильной личностью. Ее способности и образование были весьма средними, но зато она прекрасно умела находить людей, которые наилучшим образом могли помочь ей в управлении государством, чьи советы были полезными, а верность Англии – несомненной. Ее собственные качества – сдержанность эмоций, прагматизм, высокие моральные принципы и преданность интересам государства – служили образцом для всех британцев. К своей стране Виктория относилась как к дому, где она была рачительной хозяйкой, а к подданным – как к семье, для которой она стала любящей матерью. Частые поездки по стране не только позволили хорошо узнать жизнь своих подданных, но и обеспечили ей популярность в народе, а ее безупречный образ жизни и личное обаяние сделали королеву любимицей страны.

Ее новым наставником в государственных делах стал премьер-министр страны лорд Уильям Мельбурн, который не только помог юной королеве освоиться на троне, но и стал ее ближайшим другом. В английской литературе их отношения нередко характеризуются как «романтическая дружба», и почти никто не сомневается, что лорд Мельбурн был первой любовью молодой королевы. Его влияние на Викторию было почти безраздельным – до тех пор, пока она не встретила своего будущего мужа, принца Альберта Саксен-Кобург-Готского.

Брак королевы – дело первостепенной важности для всей страны, и сама Виктория понимала это лучше всех. Правда, в первые годы своего правления она не слишком старалась найти себе спутника жизни – избавившись от надоевшей опеки матери, она спешила насладиться всеми теми удовольствиями, которых была лишена в детстве, и не торопилась связывать себя семейными узами. Однако ко двору нередко приезжали иностранные принцы, и Виктория не отказывала себе в удовольствии пофлиртовать с ними. Не будучи явной красавицей, Виктория все же была необыкновенно мила, а ее царственные манеры, спокойствие, достоинство и огромное обаяние делали ее весьма привлекательной женщиной. Этому не мешала даже ее всегдашняя склонность к полноте – правда, в молодости Виктории удавалось весьма успешно с нею справляться – и невысокий рост. «Мы, однако, довольно не высоки для королевы», – с иронией писала она в дневнике.

В 1839 году Виктория влюбилась в наследника русского престола Александра Николаевича, будущего императора Александра II, который был в Лондоне на торжествах в честь двадцатилетия королевы, – статный красавец в белоснежном мундире прекрасно танцевал и вообще показал себя настоящим джентльменом. Правда, из этого ничего не вышло. Сам цесаревич записал в дневнике, что королева «очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна,

но мило разговаривает», его отец в ответ на сообщение о нежных чувствах королевы отрезал: «Россия нуждается в будущем царе, а не в муже английской королевы», а лорд Мельбурн сказал Виктории, что «о русских лучше забыть».

По мнению короля Леопольда, лучшей партией для Виктории был бы его племянник (и двоюродный брат Виктории) принц Альберт Саксен-Кобург-Готский: по его мнению, они были связаны самой судьбой – даже на свет их принимала одна и та же повитуха. Леопольд уже давно вынашивал план поженить их и даже устроил в 1836 году визит Альберта и его брата Эрнеста в Лондон. Правда, тогда Альберт Виктории совершенно не понравился: он был слишком худым, очень застенчивым и весьма занудным. В письмах к дяде Виктория называла его «инвалидом» и «деликатным желудком». Он тоже был не в восторге от Виктории, которая была слишком пухлой, и к тому же очень стеснялась в обществе своих кузенов. Леопольду стоило немалого труда уговорить Альберта снова навестить свою кузину – тот согласился лишь для того, чтобы дядя навсегда отказался от своих планов. Виктория, в свою очередь, тоже заявила, что «не имеет особого желания встречаться с Альбертом, поскольку вся эта тема (замужества) вообще ей противна».

Однако в октябре 1839 года Альберт снова прибыл в Лондон. Виктория встретила его на ступенях своего дворца – и, по собственному признанию, тут же влюбилась. За прошедшие годы Альберт превратился в очень красивого мужчину, раскованного, обаятельного и полного талантов: он прекрасно разбирался в технике, ездил верхом, знал и любил музыку, искусство и историю, обладал энциклопедическими знаниями по всем вопросам. В дневнике Виктория записала: «Встреча с Альбертом всколыхнула мои чувства. Как он красив! Его губы заоражают, у него такие симпатичные усики и бакенбарды!»

Виктория была уверена, что он будет ей прекрасным мужем, но она не могла дождаться, пока Альберт сам решится сделать ей предложение. На балу она протянула ему розу, и Альберт, не найдя, куда деть цветок, проколол перочинным ножом дырку во фраке напротив сердца и воткнул туда розу. Виктория восприняла это как знак его чувств к ней – и на следующий же день сама сделала ему предложение: «Спустя несколько минут я сказала, – записала в дневнике королева, – что он, должно быть, догадывается, зачем я его позвала – и что я была бы очень счастлива, если бы он уступил этому моему желанию (жениться на мне)». Альберт ответил: «Я недостойн Вас... Я буду счастлив провести рядом с Вами всю жизнь!»

Венчание Виктории и Альберта состоялось 10 февраля 1840 года. Виктория была в белом атласном платье, сшитом – из патриотических соображений – только из английских тканей, с венком из флердоранжа на голове. С тех самых пор свадебные платья, которые ранее могли быть практически любого цвета, надолго стали исключительно белыми.

Несмотря на все плохие ожидания и пророчества недоброжелателей, брак Виктории и Альберта был идеальным – никаких измен, скандалов или даже слухов. Виктория всю жизнь страстно и преданно любила Альберта – в отличие от ее подданных, считавших, что он женился на королеве исключительно из корыстных побуждений. К тому же его немецкое происхождение, характер и воспитание делали его не самым привлекательным для англичан, уставших за двести лет от немецких правителей и их дурных привычек. Виктории пришлось выдержать целую войну с парламентом, который, как она считала, не ценил Альберта по достоинству, и все же титула принца-консорта (то есть супруга) ему пришлось ждать семнадцать лет – парламент подписал соответствующий акт лишь в 1857 году. Другую войну, хотя и гораздо более мирную, ей пришлось выдержать с самим Альбертом. Поначалу она решительно отказывалась впускать его в свои дела – лишь недавно обретшая независимость, Виктория панически боялась снова попасть под чье-то влияние. Хотя в первый же день супружеской жизни в кабинете королевы был поставлен письменный стол для Альберта, его реальные обязанности прекрасно определялись известной фразой самой Виктории: «Я читаю и подписываю бумаги, а Альберт их промокает». Но постепенно он смог добиться не только любви, но и уважения своей супруги,

которая стала прислушиваться к его мнению, а затем и советоваться с ним по всем вопросам. Мнение Альберта стало для нее решающим, под его влиянием она довольно быстро превратилась из легкомысленной, легко поддающейся влиянию девушки в серьезную, рассудительную, весьма прагматичную правительницу, которая не только имела власть, но и могла правильно ее использовать. Именно Альберт привил королеве любовь к техническим новинкам, особенно к езде по железным дорогам, что подтолкнуло развитие технического прогресса в стране, ему же Великобритания обязана развитием рыночных отношений: «Делать деньги нужно из всего», – учил он супругу. По его задумке и под его руководством в 1851 году в Лондоне прошла первая Всемирная выставка машин, промышленных товаров и предметов искусства, где были представлены экспонаты со всего мира. Для выставки был построен знаменитый Хрустальный дворец – когда скептики заявили, что здание слишком ненадежно, принц Альберт первым прогулялся по его галереям, и в дальнейшем он и королева неоднократно посещали выставку. На деньги, полученные от выставки, был построен Южный Кенсингтонский музей, впоследствии переименованный в музей Виктории и Альберта.

Виктория прекрасно понимала, чем Альберту пришлось пожертвовать, когда он дал согласие на ней жениться: отныне все его значение в глазах публики сводилось к роли производителя – он был обязан дать королеве детей, быть ей надежным тылом и ни в коем случае не вмешиваться в управление государством. С первым делом Альберт справился блестяще: уже через девять месяцев после свадьбы королева родила первенца – дочь Викторию Аделаиду, а еще через год – наследника престола Альберта Эдуарда (будущего короля Эдуарда VII). Затем были Алиса (родилась в 1843 году), Альфред (1844), Елена (1846), Луиза (1848), Артур (1850), Леопольд (1853) и Беатрис (1857). Королева была уверена, что ее истинное предназначение состоит в рождении и воспитании детей, и всю жизнь осуждала женщин, которые пытаются увильнуть от исполнения этого «высшего для женщины» долга. Альберт занимался не только воспитанием детей – в его сферу интересов входили различные культурные учреждения, больницы и приюты, он покровительствовал развитию искусств, приглашал ко двору лучших писателей, художников и изобретателей Англии – чтобы, по его собственному выражению, оживить придворный «пейзаж в серых тонах».

Виктория и Альберт в сопровождении своих детей постоянно показывались на публике, являя собой лучший пример «настоящей семьи». Их образ жизни (по крайней мере тот, каким его изображала пресса) стал образцом для всех подданных. С легкой руки принца Альберта, привезшего из родной Германии обычай праздновать Рождество в кругу семьи – с елкой, индейкой и обязательными подарками для прислуги, – такое обыкновение распространилось по всей Англии, а затем и в английских колониях. Виктория любила Ирландию и часто там бывала – и ее любимый городок Килларни превратился в процветающий курорт. По примеру королевы, которая обзавелась загородным домом – сначала поместьем Осборн на острове Уайт, а затем замком Бальморал в Шотландии, состоятельные англичане тоже стали покупать себе сельские коттеджи, где, подобно принцу Альберту, собственноручно копались в земле. Королева Виктория использовала во время родов принца Леопольда хлороформ – и на анестезию во время родов перестали смотреть как на нарушение библейской заповеди. В 1845 году, когда в Ирландии случился крупный неурожай картофеля – основной сельскохозяйственной культуры острова, – Виктория пожертвовала 5000 фунтов в помощь голодающим, и даже самые ярые ненавистники католиков последовали ее примеру. Даже традиции прославленного английского чаепития были установлены королевой Викторией, посвятившей им трактат *Tea Moralities*. Моральные принципы, привычки и личное мнение королевы были для простых подданных руководством к действию, хотя иногда это и принимало странные формы. Виктория очень любила морские купания, но когда она была беременной, ей стало тяжело заходить в воду, и ее закатывали в волны на кресле – и скоро английские пляжи заполнились курьезно знаменитыми «пляжными кабинками»: небольшими будками на колесах, куда женщина заходила, переде-

валась, а затем кабинка заезжала в воду. Известно, что Виктория не принимала при дворе разведенных женщин и вдов, которые вторично вышли замуж, – говорят, чтобы не видеть свою мать, которая не желала мириться с потерей влияния на дочь. По соображениям этикета Виктория и Альберт на людях обращались друг к другу официально – и публичное проявление чувств даже между супругами стало считаться неприличным, а муж и жена звали друг друга «миссис такая-то» и «мистер такой-то».

Идеальная семья Виктории и Альберта не только подняла на недостижимую прежде высоту престиж английской королевской семьи, но и повысила в общественном сознании статус личной, частной жизни: из формального института, где супругов связывали скорее деловые отношения, чем чувства, семья превратилась в ту самую ячейку общества, обладающую первостепенным для государства значением, где любовь ценилась и приветствовалась (правда, сексуальную сторону брака было принято не только скрывать, но даже отрицать). Хотя сама королева была явно не чужда плотских радостей: когда измученной постоянными родами Виктории врачи деликатно посоветовали единственное на тот момент действенное средство контрацепции – воздержание, она отказалась: «Может быть, это и вредно, но зато как приятно!»

Конечно, и в королевской семье случались ссоры: Виктория была эмоциональной и независимой натурой, к тому же постоянное нервное напряжение и частые беременности сильно портили ее характер. Она нередко срывалась на супруга, который всеми силами старался достойно переносить вспышки ее недовольства: он молча давал ей выговориться, а затем спокойно излагал свою точку зрения. Их самая крупная ссора случилась, когда заболела их первая дочь, Виктория: оба родителя имели свое мнение по вопросу лечения ребенка, и после долгих криков Виктория хлопнула дверью, а Альберт написал ей письмо: если с девочкой что-нибудь случится, именно Виктория будет виновата в ее смерти. Именно тогда Виктория признала авторитет мужа и стала ценить его мнение. Через двадцать лет их семейной жизни она уже не могла себе представить жизни без Альберта.

В 1860 году королевская чета задумалась о подходящей партии для наследника престола. Наибольшие симпатии Виктории вызвала Александра, дочь датского короля: красивая, обаятельная, нежная и весьма умная девушка была настоящим сокровищем – даже русский император Александр II подумывал женить на ней своего старшего сына. Узнав об этом, Виктория немедленно организовала встречу Александры и принца Уэльского, а затем и их помолвку. Русский император довольствовался младшей сестрой Александры – Дагмарой, ставшей со временем императрицей Марией Федоровной.

В это время при дворе стало известно о связи Альберта-Эдуарда с актрисой Нелли Клифден, особой весьма вольного поведения. Альберт был в шоке: он всегда считал, что у настоящего джентльмена может быть только одна женщина – его жена, и связь старшего сына с дамой, которая имела репутацию содержанки, да еще накануне свадьбы, была воспринята им как чудовищное преступление. Нервный срыв подкосил здоровье принца-консорта, к тому же он простудился и не нашел времени как следует лечиться. В декабре 1861 года принц Альберт скончался.

Виктория была безутешна. Со дня его смерти и до конца жизни она всегда носила траур – лишь через десять лет сменив черный вдовий чепец на белые кружева. «Моя жизнь как жизнь счастливого человека окончилась. Мир померк для меня», – писала она своему дяде Леопольду. Убитая горем вдова практически удалилась от мира, запершись в своих покоях, где все должно было оставаться, как при жизни Альберта: в его кабинете ставили живые цветы, заводили часы, на постель приносили его пижаму. И в государственных делах Виктория следовала заветам Альберта: «Я твердо решила, что все его пожелания, планы, мысли будут для меня руководством к действию», – писала она дяде. Она продолжала править твердой рукой, и важнейшим делом ее было увековечивание памяти ее «драгоценного и несравненного» Альберта: она написала мемуары о нем, в его честь были построены мемориал в Гайд-парке и

Альберт-Холл в Кенсингтоне, установлены памятники в различных городах, переименованы улицы.

Несколько лет королева практически не появлялась на публике – в конце концов это привело к тому, что англичане, ранее обожавшие свою королеву и искренне сочувствующие ей в ее горе, стали критиковать Викторию за пренебрежение своими основными обязанностями – представлять свою страну перед миром и Господом: она не появлялась в парламенте, не встречалась с народом, даже на свадьбах своих детей она сидела в боковой комнате, незаметная гостям. «За что мы платим королеве, если она не работает и не выполняет свои функции», – вопрошали газеты. К тому же стали распространяться слухи о неподобающем расположении, которое Виктория оказывает своему слуге, шотландцу Джону Брауну, который когда-то был конюхом Альберта, а теперь стал ее личным и любимым слугой. Об их отношениях говорят всякое: от того, что Браун был медиумом, который устраивал для Виктории спиритические сеансы связи с умершим мужем, до того, что у них была интимная связь. Говорили, что Виктория решила, будто дух Альберта вселился в Брауна, а один священник перед смертью утверждал, что он даже тайно обвенчал королеву и ее слугу. Подробности уже никто никогда не узнает. Известно лишь, что Виктория очень дорожила Брауном – по сути он стал ее единственным другом, верным, преданным и бескорыстным, который дважды спасал Виктории жизнь: когда однажды карета королевы перевернулась и во время покушения 1872 года, когда Артур О'Коннор бросился к карете королевы, размахивая пистолетом (как оказалось впоследствии, незаряженным) – Браун сбил его на землю прежде, чем королева успела заметить оружие и испугаться. Когда он умер в 1883 году, Виктория искренне его оплакивала, повелела поставить его статую в Бальморале и даже посвятила ему книгу воспоминаний. Место любимого слуги рядом с королевой занял индеец Абдулла, который говорил ей витиеватые комплименты, учил ее говорить на хинди и со временем стал ее личным советником по индийским вопросам.

Виктория стала снова появляться на публике лишь в 1871 году: после того, как ее старший сын и наследник успешно перенес тяжелый тиф, по всей стране прошли благодарственные торжества, в один миг вернувшие королевской семье былую популярность, а Виктории – искреннюю любовь подданных.

Она правила еще тридцать лет, и каждый день был до отказа заполнен делами. Через руки королевы проходили тысячи бумаг, и каждую она просматривала, прежде чем подписать или отклонить, – Виктория всегда считала своим долгом вникать во все мелочи, и ни одно решение не принималось без ее участия. Под ее руководством Англия добилась невероятных успехов в индустриальном развитии, торговле, финансах, морском транспорте, ее власть распространилась на четверть суши, и в образовавшемся «английском мире» Виктория занимала центральное место. В 1876 году она – по инициативе лорда Дизраэли – получила от парламента титул Императрицы Индии, которым она безмерно гордилась. Ее империя стала для всего мира символом стабильности, процветания и успеха, а сама королева – хранительницей традиций, образцом порядочности и примером великого монарха. Она заботилась о стране – и страна процветала. Она была верна своим принципам, которые со временем переросли в привычки, а привычки королевы стали традициями, которым Великобритания во многом верна до сих пор. Через своих детей Виктория породнилась со всеми правящими домами Европы – ее потомки сидели на тронах Германии и России, Испании, Румынии и Греции. Недаром Викторию называли «бабушкой всей Европы». Всего у нее и Альберта было сорок внуков.

Пятидесятилетний юбилей правления королевы Виктории был отмечен с большой помпой: на торжественный банкет были приглашены 50 европейских королей и принцев, а народные гуляния наглядно показали все растущую любовь подданных к своей государыне. Еще более пышно праздновали шестидесятилетний, «алмазный» юбилей: на празднование были приглашены управляющие всех британских колоний с семьями, а в торжественной процессии приняли участие военные отряды от каждой колонии, включая солдат, присланных индий-

скими принцами. Никого уже не интересовало, что Виктория имела все меньше власти, все меньше сил. Она плохо видела, не могла ходить, почти все время болела. Она тяжело перенесла смерть своего сына Альфреда и двух внуков, очень близко к сердцу принимала все неприятности в личной жизни своих детей. Будто стараясь удержать слишком быстро ускользающую жизнь, Виктория противилась любым переменам в своей жизни – будь то смерть старых слуг, новинки техники или вопросы этикета. Хотя все парламентские документы давно печатались на пишущей машинке, специально для королевы их переписывали от руки. Поезд королевы всегда ездил с той же скоростью, что и при принце Альберте, а дворец по-прежнему освещали свечами вместо распространившегося газа. Но она до последнего дня продолжала заниматься делами государства, которому отдала почти всю свою жизнь. Последней публичной церемонией, в которой приняла участие Виктория, была закладка нового здания будущего музея Виктории и Альберта в 1899 году.

У. Брант писал в своих записках: «Из того, что я слышал о королеве в последние годы ее жизни, явствует, что она была довольно банальной почтенной старой дамой и напоминала многих наших вдов с ограниченными взглядами, без всякого понимания искусства и литературы, любила деньги, обладала некоторым умением разбираться в делах и некоторыми политическими способностями, но легко поддавалась лести и любила ее... Впрочем, публика стала видеть в конце концов в этой старой даме нечто вроде фетиша или идола». Так что нет ничего удивительного в том, что когда королева Виктория скончалась 22 января 1901 года, ее подданные были в шоке: по выражению поэта Роберта Бриджса, «казалось, что колонна, державшая небосвод, обрушилась» – ведь практически все англичане не знали другого монарха.

Согласно завещанию, в гроб к королеве положили слепок руки принца Альберта и его халат, а по другую руку – портрет Джона Брауна и прядь его волос. Она была одета в белое платье – именно в нем она собиралась вновь встретиться со своим «милым ангелом» Альбертом. Ее похоронили рядом с ним в мавзолее Фрогмор в Виндзорском замке. Вместе с нею англичане похоронили девятнадцатый век – век спокойствия, стабильности и викторианских ценностей.

Елена Блаватская Лики Белого Лотоса

Она, безусловно, была великой женщиной, удивительной и необычайной – в этом уверены ее сторонники. Это признают даже ее непримиримые противники. Вот только великой она была, по их мнению, в разных областях: одни чтут ее как замечательного философа, писателя и мыслителя, общественную деятельницу и просветительницу, другие считают Блаватскую уникальной авантюристкой, фокусницей и одной из величайших обманщиц в истории, выдумавшей ради прославления своего имени целое учение – теософию. Третьи же, самые верные ее последователи, уверены, что Блаватской было открыто высшее знание, и вся жизнь ее была отдана тому, чтобы донести людям ранее неизвестное.



Поэтому все ее биографии словно написаны о разных людях: в них совпадают только имена, некоторые даты и города, а все остальное может не иметь между собою ничего общего. Каждый из биографов считает своим долгом опровергнуть предшественников, обвинив их в

предвзятости, излишней фантазии, а то и просто в клевете, и сам сочиняет новые легенды о своей героине. Так, слой за слоем, образ Блаватской покрывался то позолотой, то копотью, и в итоге ее истинное лицо давно скрылось под многочисленными покровами, приподнять которые еще предстоит будущим ее исследователям...

Елена Петровна Блаватская происходила из весьма примечательной семьи: по материнской линии она была потомком князей Долгоруких, возводящих свой род к святому князю Михаилу Черниговскому. Ее прадед, князь Павел Васильевич Долгорукий, генерал и масон, женился на Генриетте де Бандре дю Плесси, дочери сподвижника Суворова. Их дочь Елена Павловна была одной из образованнейших женщин своего времени: знала пять языков, прекрасно рисовала, занималась естественными науками, археологией и этнографией, состояла в переписке с виднейшими европейскими учеными. Она была замужем за крупным государственным чиновником, столбовым дворянином Андреем Михайловичем Фадеевым. Их старшая дочь, вышедшая замуж за артиллерийского офицера Петра Алексеевича Гана, была известной писательницей: под псевдонимом «Зенеида Р-ва» Елена Андреевна Ган издала несколько повестей и романов, пользовавшихся большой популярностью. Благосклонная критика даже назвала ее «русской Жорж Санд».

Род Ганов многие почитатели Блаватской возводят к мекленбургским графам фон Ган, потомкам Каролингов, однако никаких доказательств этому не найдено: скорее всего, предки ее отца были эстляндскими дворянами.

Брак Елены Фадеевой и Петра Гана был неудачным: слишком разными были характеры и устремления супругов, к тому же избалованная в богатом отеческом доме Елена Андреевна тяжело переживала относительную бедность своего положения офицерской жены. Лишь рождение одного за другим троих детей как-то примирило ее с замужеством: детей оба родителя обожали.

Старшая дочь Елена родилась в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) в ночь на 31 июля (12 августа) 1831 года. Через четыре года в Одессе появилась на свет ее сестра Вера, а еще через пять лет в Саратове – брат Леонид.

По долгу военной службы семье Ганов приходилось постоянно мотаться по провинциальным гарнизонам, где Елена (или Лёля, как звали ее в семье) немедленно заводила себе друзей среди подчиненных отца. Ее родственники вспоминали, что солдаты выучили девочку не только ездить верхом и готовить на костре, но и разговаривать «простонародным» языком: использовать крепкие словечки Елена Петровна не гнушалась до самой старости.

Ее мать, женщина утонченная и романтическая, больше всего хотела дать своим детям «фундаментально хорошее образование», для чего к девочкам были приставлены гувернантки – француженка и англичанка, им давали уроки танцев и музыки, выписывали лучшие книги и учебники. Но сама Елена Андреевна, унаследовавшая от матери неординарную натуру и многообразные таланты, среди полковой жизни не могла найти иного выхода переполнявшим ее чувствам, кроме литературы, а обремененная тремя детьми, могла писать только по ночам, когда дети спят. Такой напряженный образ жизни быстро подорвал ее и без того слабое здоровье, и в 1842 году, всего двадцати восьми лет от роду, она скончалась от скоротечной чахотки.

Заботу о детях взяли на себя бабушка и дедушка Фадеевы, жившие тогда в Саратове. Елена Павловна сама занималась образованием и воспитанием внуков, а ее библиотека и особенно кабинет, полный чучел животных и ботанических рисунков, стал любимым местом для их игр.

С детских лет Лёля обращала на себя внимание не только ранним развитием ума и общей одаренностью, но и определенными странностями поведения. Ее тетка, Надежда Андреевна Фадеева, вспоминала: «С раннего детства Елена отличалась от обыкновенных детей. Очень живая, невероятно одаренная, полная юмора и отваги, она удивляла всех своим своеволием и решительностью поведения... Ее беспокойный и очень нервный темперамент, ее неразумное

тяготение к умершим и в то же время страх перед ними, ее страстная любовь и любопытство в отношении всего неизвестного, скрытого, необыкновенного, фантастического и, более всего, ее стремление к независимости и свободе, которое никто и ничто не могли обуздать, – все это, соединенное с необычайно богатым воображением и исключительной чувствительностью, показывало, что ее воспитателям надо применять к ней особые методы воспитания». Кроме такого необычного характера, Лёля страдала лунатизмом, галлюцинациями, слышала голоса, разговаривала с деревьями, а главное – постоянно видела загадочного индуса в белой чалме, который будто бы защищал ее от опасностей: например, когда тринадцатилетняя Лёля упала с лошади, запутавшись в стремях, то, по ее воспоминаниям, ей казалось, что чьи-то невидимые руки держали ее, оберегая, пока лошадь не остановилась. Из всех книг своей бабушки Лёля отдавала предпочтение томам по средневековому оккультизму и мистическим практикам. В своем дневнике Лёля записала: «Счастье женщины – в обретении власти над потусторонними силами. Любовь всего лишь кошмарный сон».

В 1847 году семья Фадеевых перебралась из Саратова в Тифлис. Здесь Лёля стала настоящей светской львицей: она завела множество знакомств, бывала на балах, посещала вечеринки. Елена выросла в хорошенькую, грациозную, остроумную девушку, любящую шутки и веселье. И в то же время она очень выделялась среди тамошней молодежи: «Как ребенок, как молодая девушка, как женщина она всегда была настолько выше окружающей ее среды, что никогда не могла быть оцененной по достоинству, – писала Н.А. Фадеева. – Необыкновенное богатство ее умственных способностей, тонкость и быстрота ее мысли, изумительная легкость, с которой она понимала, схватывала и усваивала наиболее трудные предметы, необыкновенно развитый ум, соединенный с характером рыцарским, прямым, энергичным и открытым – вот что поднимало ее так высоко над уровнем обыкновенного человеческого общества и не могло не привлекать к ней общего внимания, следовательно, и зависти, и вражды всех, кто в своем ничтожестве не выносил блеска и даров этой поистине удивительной натуры».

В июле 1848 года Елена скоропалительно вышла замуж: ее супругом стал чиновник Никифор Владимирович Блаватский, человек намного старше ее (биографы указывают его возраст от сорока двух до семидесяти лет), вскоре назначенный вице-губернатором Еревана. Как говорят, от исполнения супружеского долга Елена успешно уклонялась, а через три месяца и вовсе сбежала от надоевшего супруга обратно в дом деда. По всей видимости, брак нужен ей был только ради обретения свободы: с выписанным от супруга разрешением она могла свободно передвигаться по миру, тогда как незамужней это было гораздо труднее.

Весьма недовольный скорым разрывом внучки с мужем Андрей Михайлович отправил Елену в сопровождении слуг к отцу – но в грузинском порту Потти она ночью сбежала от сопровождающих, села на пароход и уплыла в Константинополь, а оттуда в Египет, Грецию и на Балканы.

Следующие несколько лет Блаватская провела в постоянных путешествиях – сейчас уже весьма затруднительно установить, где именно она была и чем занималась. Одни пишут, что в Константинополе она поступила в цирк наездницей и там же научилась у фокусника его трюкам, а потом будто бы вышла замуж (хотя развод с Блаватским так и не был оформлен) за оперного певца родом из Венгрии Агарди Митровича, затем перебралась в Англию, где вроде бы снова вступила в брак, а оттуда уехала в Америку. Другие утверждают, что в Египте Блаватская училась древней магии у старого копта, в Европе училась музыке, и даже ради заработка дала несколько концертов под псевдонимом Мадам Лаура. Когда же она оказалась в Англии, у нее произошла важная встреча, имевшая влияние на всю ее дальнейшую жизнь: в Лондоне в день своего двадцатилетия она наяву встретила Учителя – того самого индийца в чалме, который так часто являлся ей в детстве. Индус, которого звали Махатма Морья, сопровождал в Лондон индийских принцев – в разговоре он поведал Елене Петровне о ее великом предна-

значении: после обучения тайным знаниям в Тибете она должна была основать Теософское общество, которое призвано нести людям свет истины.

Однако Блаватская не сразу отправилась в Тибет – сначала она предпочла побывать в Новом Свете: отплыв в Канаду, она пропутешествовала до Центральной Америки, а оттуда через Вест-Индию и мыс Доброй Надежды добралась до острова Цейлон и берегов Индии. Деньги ей высылал отец, который единственный из всей семьи знал, где находится его дочь. В этот раз ей не удалось добраться до Тибета, два года прошли в путешествиях по Индостану. Она изучала древние языки и священные тексты, труды великих мудрецов и монашеские практики. Вернувшись через Сингапур в Англию, где Елена Петровна снова встретила своего Учителя, она затем вновь оказалась в Северной Америке, вместе с переселенцами добравшись из Нью-Йорка до Сан-Франциско, откуда через Японию в очередной раз добралась до Индии. Подобные путешествия, на первый взгляд не имевшие ни цели, ни причин, на много лет стали ее образом жизни. По словам соратников, ее гнала вперед неутолимая жажда знаний, детское неуемное любопытство и стремление познакомиться с тайными знаниями самых разных народов. Противники же считали, что она просто нигде не может ужиться.

В 1855 году ей, наконец, удалось попасть на Тибет: по рассказам последователей, там она провела несколько лет, обучаясь у махатм (то есть учителей) тайным эзотерическим знаниям. По словам самой Блаватской, под их руководством она открыла в себе дар ясновидения и установила прочную нематериальную связь со своими учителями: отныне она могла беседовать с ними мысленно, а в случае необходимости махатмы посылали ей письма, падающие ей в руки прямо с потолка. Впрочем, в детали таинственного обучения она никогда не вдавалась, ссылаясь на принесенный обет молчания. Зато подробности своего путешествия по Индии Блаватская через несколько лет описала в серии очерков «Из пещер и дебрей Индостана», опубликованных под псевдонимом Радда-Бай в «Московских ведомостях». Литературный талант и оригинальность темы снискали очеркам огромную популярность; позднее некоторые из них были переведены на английский язык.

Из Индии Елена Петровна уехала в Европу, где, по воспоминаниям ее родных, сначала была ассистенткой у известного в те годы спирита Даниэля Юма (Хоума), прославившегося своим умением левитировать, успешно выступала с концертами и даже получила должность капельмейстера при дворе сербского короля Милана.

В самом конце 1858 года Елена Петровна неожиданно объявилась в России: под Рождество она появилась в доме у своей сестры, Веры Желиховской, а затем отправилась к родителям матери на Кавказ. Вместе с ней был маленький мальчик Юра – по документам он значился приемным, но злые языки до сих пор не устают повторять, что это был незаконнорожденный сын самой Блаватской, причем в его отцы записывают кого угодно – от неизвестного индийского йога до принца Эмиля фон Сайн Витгенштейна, знавшего Елену Петровну и очень уважавшего ее таланты. Он умер через несколько лет в Киеве. Блаватская писала, что с его смертью «потеряла все, что мне было дороже всего на свете, и чуть не лишилась рассудка». В Пскове, а позднее и в Петербурге, Блаватская без стеснения демонстрировала свои силы как медиум и спирит – давала сеансы, показывала «феномены», то есть необъяснимые чудеса, и говорила о своей необыкновенной силе. Желиховская в своих воспоминаниях о сестре писала: «Ее окружали постоянные стуки и постоянные движения, происхождение и значение которых она тогда еще не умела объяснить. «Сама не знаю, что за напасть такая! – говорила она. – Пристала ко мне какая-то сила, из Америки я ее вывезла. Мало того, что кругом меня все стучит и звенит, но вещи движутся, поднимаются без толку и надобности... Да и, кроме того, осмысленные проявления выказывает: в разговоры стуками мешается и на вопросы отвечает, и даже мысли угадывает. Чертовщина какая-то!» Такие же сеансы она проводила и в Тифлисе, надолго запомнившись жителям продемонстрированными чудесами. Она даже снова сошлась со своим законным мужем и некоторое время жила с ним под одной крышей. Сергей Витте вспоминал:

«Хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилой женщиной и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но со временем крайне расплывалась и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а потому никакой привлекательности не имела... Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я после никогда в моей жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать... то эти глаза все время страшно искрились». По словам Витте, вскоре в Тифлисе оказался ее «второй муж» Агарди Митрович, который устроил своей беглой «супруге» такой скандал, что ей пришлось вместе с ним бежать с Кавказа в Киев.

Последователи же Блаватской утверждают, что во время странствований по Кавказу Блаватская переживала глубокий духовный кризис, который в итоге помог ей подняться на новый уровень знания. Надо сказать, что подобные противоположные точки зрения нередки в описаниях даже внешности Блаватской: одним она представлялась величественной женщиной с горящими глазами, царственной осанкой и очень красивыми руками, другим – неряшливой, обрюзгшей, с неправильными чертами лица. Впрочем, судя по воспоминаниям близких к ней людей, Елена Петровна и сама была личностью весьма противоречивой: в ней уживались детская наивность и необыкновенная мудрость, неопытность в житейских делах и умение выживать в любых условиях, необыкновенные познания в самых разных областях и в то же время странные пробелы в вещах, казалось бы, известных каждому. Ее соратники говорили, что у нее четыре разных почерка – меняющихся в зависимости от вопроса, о котором она писала, и даже ее стиль и знание языка менялось время от времени: некоторые страницы ее книг были написаны прекрасным английским языком, а другим требовалась серьезная правка, как стилистическая, так и орфографическая. Объяснения таким странностям никто дать так и не смог.

Из России Блаватская снова отправилась путешествовать, на это раз по Европе – в 1867 году Елена Петровна, по рассказам некоторых биографов, переодевая в мужское платье, участвовала на стороне гарибальдийцев в битве при Ментане – как известно, под Ментаной папские и французские войска разгромили армию Гарибальди, шедшую на Рим. Блаватскую, получившую несколько тяжелейших ран (в том числе, как утверждают, кинжальный удар в область сердца), сочли убитой и лишь позже достали из-под груды мертвых тел. Ко всеобщему удивлению, она невероятно быстро оправилась от ран. Подобные чудесные исцеления еще несколько раз случатся в ее жизни – сама она объясняла это чудесным вмешательством заботившихся о ней махатм, которые не давали ей умереть, пока она не исполнит своего великого предназначения.

В 1868 году Блаватская снова оказалась на Тибете. Как пишут ее биографы, она несколько лет обучалась в ашраме (монастыре) Ташилунпо, бывала в Лхасе и хорошо знала панчен-ламу VIII – это подтвердил следующий панчен-лама, по просьбе которого в двадцатых годах прошлого века были изданы в Китае книги Блаватской. Потом она жила в доме своего Учителя, вместе с которым посещала отдаленные ламаистские монастыри. Многие специалисты по буддизму утверждали, что Блаватская без сомнения не только была знакома со многими известными священными ламаистскими книгами и духовными практиками, но и получила от своих учителей доступ к скрытым сакральным знаниям, сделавшим ее в Европе уникальным специалистом.

Между тем многие ее ученики позже недоумевали, зачем Елене Петровне, имевшей духовную связь с махатмами, которые могли ей поведать о чем угодно, где бы она ни находилась, понадобилось лично ехать в Тибет. Сама она отвечала: «Действительно, совершенно незачем ехать в Тибет или Индию, дабы обнаружить какое-то знание и силу, что таятся в каждой человеческой душе, но приобретение высшего знания и силы требует не только многих лет напряженнейшего изучения под руководством более высокого разума, вместе с решимостью, которую не может поколебать никакая опасность, но и стольких же лет относительного уеди-

нения, в общении лишь с учениками, преследующими ту же цель, и в таком месте, где сама природа, как и неофит, сохраняет совершенный и ненарушаемый покой, если не молчание! Где воздух, на сотни миль вокруг, не отравлен миазмами, где атмосфера и человеческий магнетизм совершенно чисты и где никогда не проливают кровь животных».

Считается, что после этого визита в Тибет обучение Блаватской закончилось, и отныне начался новый этап ее жизни – проповедование нового знания.

В 1871 году через Суэцкий канал Блаватская вернулась в Европу, и после недолгого путешествия по Малой Азии отплыла в Каир на пароходе «Эвномия». Однако в Эгейском море ее корабль потерпел крушение и затонул. По версии двоюродного брата Блаватской Сергея Витте, Елену Петровну спас плывущий с нею Митрович, который сам, правда, погиб. По словам Блаватской, Митрович умер от тифа. Как бы то ни было, Елена Петровна оказалась в Каире без денег и документов. Чтобы как-то поправить положение, она основала Спиритическое общество: сама Блаватская проводила спиритические сеансы, на которых выступала в роли медиума. Позже она будет категорически выступать и против спиритов, которые считали, что могут разговаривать с духами умерших (Блаватская утверждала, что духи умерших недоступны живым, а вместо них голову легковверным спиритам морочат мелкие зловердные потусторонние силы), и против использования медиумов. Елена Рерих так передает отношение Блаватской к медиумам: «Пусть никто... не рассматривает медиумизм как дар, наоборот, это есть величайшая опасность и камень преткновения для роста духа. Медиум есть постоянный двор, есть одержание... Запомним одно правило – нельзя получать никаких Учений через медиумов».

Однако Общество быстро прекратило свое существование: выяснилось, что многие его члены просто выкачивали деньги и из обывателей, и из самой наивной Блаватской. Она немедленно распустила Общество, однако шлейф нехороших слухов вокруг Блаватской уже неумолимо начал расти. Неудивительно: одинокая женщина, живущая непонятно на какие деньги, путешествующая без видимой цели по всему свету, да еще занимающаяся вещами, непонятными обычному человеку, она не могла не превратиться в мишень для всевозможных слухов, сплетен и легенд, нередко даже более фантастических, чем ее реальные деяния. Сама Елена Петровна тоже подливала масла в огонь, никогда толком не сообщая родным или знакомым, где она и что делает. По ее мнению, поскольку они все равно не поняли бы ее высокой цели, а то и были бы оскорблены в высших христианских чувствах, то любой вымысел был лучше правды. «Будь я обыкновенной п..., – писала она, – они предпочли бы это моим занятиям оккультизмом». Правда, далеко не все слухи были столь «безобидны»: падкие до сенсаций русские газеты, привлеченные той популярностью, какой их бывшая соотечественница обладала за рубежом, посвящали ей немало газетных страниц, и нередко, путая Елену Петровну с ее однофамилицами или просто придумывая, обвиняли ее то в убийстве ее мужа, то в других тяжких преступлениях. Но Блаватской до этого не было никакого дела – она шла к своей великой цели.

В 1873 году она по указаниям Учителя прибыла в Нью-Йорк: здесь она должна была обрести соратников и помощников. Первым из них стал полковник Генри Стил Олькотт – ветеран Гражданской войны в США, крупный юрист и известный специалист по оккультизму – незадолго до знакомства с Блаватской он издал книгу «Люди с того света», посвященную спиритизму. С первой встречи между ними вспыхнуло чувство, которое можно было бы назвать любовью – только без эротического подтекста: это было родство душ, союз единомышленников. Вскоре к ним присоединился адвокат-ирландец Уильям Куон Джадж: оба они впоследствии стали видными деятелями теософического движения.

Едва оказавшись в США, где в то время увлечение спиритизмом достигло размеров массовой эпидемии, Блаватская немедленно начала писать статьи с критикой спиритизма и его последователей, что за короткое время принесло ей и определенную известность, и верных сторонников. По ее утверждению, она «была послана доказать реальность существования фено-

менов и выявить ошибочность спиритуалистической теории относительно духов». Дабы вернее привлечь на свою сторону, Блаватская сама давала сеансы, правда, общалась на них не с духами умерших, как спириты, а со своими учителями-махатмами, а также показывала «феномены», доказывая тем самым, что ее силы и возможности далеко превосходят спиритов и им подобных.

Один из ее почитателей даже оставил ей свое состояние – с условием, что она примет американское гражданство. В июле 1878 года Елена Блаватская стала гражданкой США – правда, по ее собственным словам, не перестала «любить Россию и уважать Государя». Наоборот: когда во время русско-турецкой войны американское (да и европейское) общество было настроено против России, она вела настоящую пророссийскую пропаганду в прессе, не боясь вступать в спор ни с прославленными политиками, ни с самим папой римским, а гонорары переводила русскому Красному Кресту.

Наконец 7 сентября 1875 года на квартире у Елены Петровны было организовано Теософическое общество: на первом заседании присутствовало лишь семнадцать человек – всего через пятнадцать лет в нем будут состоять почти сто тысяч! Задачами общества были заявлены, во-первых, создание всемирного братства людей, без различия вероисповедания, происхождения и общественного положения; взаимная нравственная и материальная поддержка; изучение восточных языков и литератур; и самое главное – производство изысканий в области еще неизведанных законов природы и психических сил человека. Теософия мыслилась Блаватской и ее последователями как учение, вобравшее в себя все религии и практики, которые, по их мнению, имеют общее происхождение, идеи и цели: собрав воедино тайные знания древних буддистов, религиозные тексты и последние научные достижения, теософия вполне логично должна заменить людям любую другую веру, таким образом и соединив их в единое братство. «Идеалы и вера почти везде утрачены, – говорила Блаватская. – Люди нашего века требуют... научных доказательств бессмертия духа: древняя эзотерическая наука – Оумная религия (от санскритского слова Оум – высшая сила) – дает им их».

Первым теософским трактатом стала посвященная истории оккультных знаний Isis unveiled – «Разоблаченная Изида» (более корректный перевод «Изида без покровов»). Эта написанная менее чем за год объемная книга стала бестселлером и произвела на читателей весьма двойственное впечатление: одни называли ее «большой кучей мешанины» и «помоечным хламом», другие – «одним из выдающихся и интереснейших творений века». Придирчивые критики нашли в книге более двух тысяч текстологических совпадений с древними трудами или исследованиями других авторов, что позволило недоброжелателям обвинить Блаватскую в плагиате – впрочем, позже выяснилось, что практически все цитаты были оформлены должными ссылками.

Сама Блаватская всегда утверждала, что не является в полном смысле слова автором своих книг: по ее словам, они были «надиктованы» ей махатмами, все необходимые знания она получала непосредственно от них. В письме к сестре она писала: «Разве ж самой тебе не очевидно, что я сама, без помощи, не могла бы писать «о Байроне и о материях важных»... Что мы с тобой знаем о метафизике, древних философиях и религиях? О психологии и разных премудростях? Кажется, вместе учились, только ты гораздо лучше меня... Передо мной проходят картины, древние рукописи, числа, я только списываю и так легко пишу, что это не труд, а величайшее удовольствие».

Это необыкновенное качество Блаватской отмечали многие: она вполне способна была поддержать беседу на любую тему, и высказывала при этом такие познания, которых, казалось бы, ниоткуда не могла получить. Если знаменитые «феномены», которые она показывала ради привлечения внимания к своим идеям, судя по письмам, сама же называла дешевыми фокусами, годящимися лишь для легковверных простаков, то такой открытый доступ к любым знаниям до сих пор не объяснен. Более того, она предсказывала научные открытия, которые

будут совершены лишь через несколько десятков лет, – в ее время даже помыслить о некоторых из них было невозможно, ибо для таких выводов отсутствовала база. «Все это для любого физиолога удивительная задача, – писала она в письме. – У нас в обществе есть очень ученые члены... и все они являются ко мне с вопросами и уверяют, что я лучше их знаю и восточные языки, и науки, положительные и отвлеченные... Так вот, скажи ты мне, как могло случиться, что я до зрелых лет, как тебе известно, круглый неуч, вдруг стала феноменом учености в глазах людей действительно ученых?.. Ведь это непроницаемая мистерия!.. Я – психологическая задача, ребус и энигма для грядущих поколений, сфинкс... Подумай только, что я, которая ровно ничего не изучала в жизни, я, которая ни о химии, ни о физике, ни о зоологии – как есть понятия не имела, – теперь пишу обо всем этом диссертации. Вхожу с учеными в диспуты и выхожу победительницей... Я не шучу, а говорю серьезно: мне страшно, потому что я не понимаю, как это делается!.. Все, что я ни читаю, мне кажется теперь знакомым».

Надо сказать, что Елена Блаватская, хоть, и правда, не получила никакого официального систематического образования, была все же женщиной необыкновенно одаренной. Она прекрасно рисовала, музицировала – всего за пару лет освоив несколько инструментов на уровне профессионала-виртуоза, – обладала немалым литературным талантом и даже писала стихи. Витте писал в своих мемуарах: «Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громаднейшим талантом все схватывать самым быстрым образом:... никогда не изучая теорию музыки – она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; никогда серьезно не изучая языков – она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, – многократно, на моих глазах, она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным, с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились, как музыка».

В 1879 году по общему решению штаб-квартира Теософского общества была перенесена в Индию: здесь Блаватская и Олькотт обзавелись еще одним важным знакомством – судьба свела их с Альфредом Перси Синнеттом, редактором аллахабадской газеты *The Pioneer*, который вскоре стал одним из виднейших членов Общества. При посредничестве Блаватской он даже вел переписку с махатмами, отвечавшими на все интересовавшие его вопросы, – позже их письма были изданы отдельной книгой. Правда, Синнетт считал, что посредничество Блаватской в их переписке было лишним и только затемняло смысл ответов великих Учителей – при издании он самовольно внес в текст множество поправок, исправляя допущенные Блаватской, по его мнению, ошибки.

Три года Блаватская, Олькотт и их последователи путешествовали по Индии, проповедуя теософию и пытаясь возродить среди простых индусов интерес к древним знаниям. В 1880 году Олькотт и Блаватская официально приняли буддизм – как объяснял полковник, это было «формальным подтверждением их убеждений». Хотя Блаватская всегда настаивала на том, что члены Общества могут принадлежать к любым религиям, ее последователи все же настаивали на их обязательном переходе в буддизм.

В 1882 году Общество приобрело небольшое имение в Адьяре, под Мадрасом, куда к концу года перенесли штаб-квартиру Теософского общества. В небольшом доме жила сама Блаватская и ее соратники, там же размещались библиотека и редакция основанного Еленой Петровной журнала *The Theosophist*, редактором и крупнейшим автором которого она была – во многом благодаря этому изданию число сторонников Общества за последующие несколько лет выросло в сотни раз. Однако тяжелый климат Индии оказался вреден для Блаватской, чье здоровье и без того было подорвано постоянной работой и жизнью в весьма спартанских условиях. В начале 1884 года она покинула Индию, доверив присматривать за домом супружеской чете Куломб.

Неизвестно, что произошло между Куломами и Блаватской перед ее отъездом, но почти сразу после отбытия Елены Петровны в местных газетах появились скандальные публикации: Куломы обвиняли Блаватскую и ее соратников в мошенничестве и обмане. Они утверждали, что все «феномены», которые демонстрировала Блаватская, письма от махатм и прочие утверждения были ложью и обманом. В доказательство приводились письма Блаватской с указаниями, каким образом обустроить проведение того или иного фокуса. Сенсацию быстро подхватили газеты по всему миру, а Лондонское общество психических исследований даже прислало в Мадрас своего эксперта Ричарда Ходжсона, который после недолгих разбирательств заявил, что Блаватская без сомнений была обманщицей и авантюристкой, выдумавшей и махатм, и все их учение, и свою силу.

Разгоревшийся скандал трудно описать: по всему миру газеты наперебой спорили о том, правду ли говорила Блаватская. Ее сторонники писали разгневанные письма, где обвиняли в подлогах и некомпетентности самого Ходжсона, который не удосужился как следует разобраться в ситуации, доверившись коварным Куломам и не выслушав других теософов. Было опубликовано даже официальное письмо из Индии, в котором ученые монахи-индусы защищали и существование махатм, и лично Блаватскую: «Смеем заявить, что существование Махатм, иначе Садху, никоим образом не измышлено ни г-жей Блаватской и никем другим. Наши прапрадеды, жившие и умершие задолго до рождения m-me Blavatsky, имели полную веру в их существование и психические силы, знали их и видели. И в настоящие времена есть много лиц в Индии, не имеющих ничего общего с Теософическим Обществом, находящихся в постоянных сношениях с этими высшими существами. Мы владеем многими средствами для доказательства этих достоверных фактов; но нет у нас ни времени, ни охоты доказывать это европейцам». Но обвинения были слишком серьезны: многие члены Общества покинули его, многие прежде благожелательно настроенные почувствовали себя обманутыми.

К этой истории вернулись спустя сто лет, когда то же Общество психических исследований опубликовало работу Вернона Харрисона, который убедительно доказал, что отчет Ходжсона является ненаучным, некомпетентным и не заслуживавшим доверия. «Согласно данным нового исследования, – писал он, – мадам Блаватская, основатель Теософского общества, была осуждена необоснованно». В своем докладе Ходжсон использовал поддельные письма и лже-свидетельства, высказывал недоказанные предположения и даже откровенную ложь.

Елена Петровна очень тяжело переживала произошедшее. Ее здоровье резко ухудшилось, к тому же сильно возросший поток корреспонденции – члены Общества по всему миру стремились лично пообщаться с Блаватской – занимал много сил и времени. Лишь по настоянию ближайших друзей ее удалось отправить на небольшой отдых, после которого Блаватская с новыми силами принялась за главный труд своей жизни – «Тайную Доктрину», многотомную библию теософии. В этой книге, имеющей подзаголовок «Синтез науки, религии и философии», она излагала свои взгляды на происхождение Вселенной, развитие человечества, мировые религии и прочие вечные вопросы. Первый том «Тайной Доктрины» вышел в свет в 1888 году, вскоре был опубликован второй. Огромный размер книг, написанных за столь короткое время, поражает – иначе как помощью высших сил их написание объяснить не получается.

К этому времени Блаватская поселилась в Лондоне, где основала Ложу Блаватской Лондонского теософического общества, члены которой обязались посвятить себя теософским исследованиям. Здесь Блаватская начала выпускать журнал *Lucifer* – из-за названия журнала ей пришлось выдержать целую войну с ортодоксальными христианами, обвинявшими ее чуть не в сатанизме. «Что вы на меня напали за то, что я свой журнал Люцифером назвала? – писала она. – Это прекрасное название. *Lux*, *Lucis* – свет; *ferre* – носить: «Носитель света» – чего же лучше?.. Это только благодаря мильтоновскому «Потерянному раю» *Lucifer* стал синонимом падшего духа. Первым честным делом моего журнала будет снять поклеп недоразумения

с этого имени, которым древние христиане называли Христа. Эсфорос – греков, Люцифер – римлян, ведь это название звезды утра, провозвестницы яркого света солнечного. Разве сам Христос не сказал о себе: «Я, Иисус, звезда утренняя» («Откров. Св. Иоанна XXI I ст. 16)?.. Пусть и журнал наш будет, как бледная, чистая звезда зари предвещать яркий рассвет правды – слияние всех толкований по букве, в единый, по духу, свет истины».

Одной из самых ярых сторонниц Блаватской в этот период стала Анни Безант, женщина весьма примечательная. Когда-то вышедшая замуж за священника, она довольно быстро разочаровалась и в муже, и в религии, став воинствующей атеисткой, а также социалисткой и суфражисткой. Познакомившись с Блаватской и ее учением, Анни воспылала к ней таким уважением и любовью, что историю ее обращения в теософы использовали в своих проповедях даже священники, приводя ее в пример внезапного обретения веры. Она верно служила Елене Петровне в последние годы, когда здоровье Блаватской требовало к себе много внимания – которого сама она, тем не менее, никогда ему не уделяла, тратя все силы на написание трудов по теософии. В 1889 году вышли «Ключ к теософии» и «Голос Безмолвия», куда вошли переводы избранных отрывков сакральных тибетских текстов, было опубликовано множество статей в самых разных журналах. Несмотря на совершенно расстроенное здоровье, Блаватская работала по двенадцать часов, а потом принимала посетителей и вела заседания Общества.

В 1890 году штаб-квартира Общества переехала на Авеню-роуд, 19. Дом был просторный и очень красивый, однако Блаватская, входя в него, заявила, что не проживет здесь долго: в номере не было ее любимой цифры, священного оккультного числа – семерки. «Отсюда меня понесут на сожжение», – заявила она, добавив, впрочем, что ничуть не опечалена этим: «Я ведь и не считаю смерть несчастьем! Страдая, как я, можно ли считать освобождение от тела – несчастьем? Окунуться в бестелесный покой, в блаженную Нирвану – что может быть желанней?»

Елена Петровна Блаватская освободилась от тела 8 мая 1891 года: по свидетельствам ее близких, она умерла сидя в кресле, во время работы над третьим томом «Тайной доктрины». Книга была закончена верной Анни Безант.

Согласно завещанию, тело Блаватской было сожжено, а пепел разделен между тремя центрами теософии: части его покоятся в Лондоне, Нью-Йорке и Адьяре. И поныне день ее смерти отмечается ее сторонниками как День Белого Лотоса.

Елена Рерих Вдохновительница

Она росла в то время, когда женщины боролись за право самостоятельно идти по жизни: самим принимать решения, жить в одиночку, самим заботиться о себе. Но она выбрала другой путь: Елена Рерих прошла по жизни рядом с мужем, не просто держаась за его руку, но помогая, вдохновляя и дополняя его. Недаром Николай Рерих писал о ней: «Она прозревала на всех путях наших. Нашла водительство и укрепила путь наш».



Елена Ивановна Шапошникова принадлежала к славному роду: через мать, урожденную Екатерину Васильевну Голенищеву-Кутузову, она состояла в родстве и с прославленным фельдмаршалом Михаилом Илларионовичем, родным братом ее прадеда, с поэтом Арсением Аркадьевичем Голенищевым-Кутузовым и композитором Модестом Петровичем Мусоргским,

приходившимся Екатерине Васильевне двоюродным братом. Отец Елены, известный архитектор Иван Иванович Шапошников, вел свой род из Прибалтики: по преданию, его прадед, бургомистр Риги, преподнес Петру Первому роскошно украшенную шапку – и в благодарность получил приглашение перейти на службу в Россию и памятную фамилию Шапошников. Как вспоминала Елена Ивановна, ее отец мечтал стать военным либо художником, но по настоянию матери выучился на архитектора.

Елена родилась 31 января (12 февраля) 1879 года в Петербурге – при рождении у нее была сильная желтуха, и врачи боялись, что девочка не выживет, однако все обошлось. Более того – по своему развитию она опережала сверстников: рано начала ходить, говорить, читать, а к шести годам читала и писала на трех языках. Любимой книгой Елены была тяжелая семейная Библия с иллюстрациями Гюстава Доре – маленькая девочка нередко тайком утаскивала тяжелые фолианты в свою комнату, чтобы там в одиночестве насладиться картинками. Любила она и двухтомник «Путешествий по Центральной Азии и по Дальнему Востоку», чьи роскошные иллюстрации и доступный текст служили ей окном в мир.

Как писал о жене Николай Рерих, «Традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству. Были большие исторические познания, был особый, глубокий поэтический дар». С раннего детства Елена тянулась ко всему красивому, любила читать – причем переживала за героев так, словно они были живыми, была религиозной и в то же время отрицала всякие догмы: даже молилась она исключительно своими словами, отвергая отшлифованные поколениями слова молитв.

Позже Елена вспоминала, что ее детство было наполнено предчувствиями ее дальнейшего пути. Однажды – ей было около шести – она увидела в саду высокого мужчину в белом одеянии, который вскоре растаял, как туман, а во время болезней ее навещали двое незнакомцев в белых чалмах. Она видела сны, которые оказывались вещими, а некоторые события просто предвидела – за две недели предупредила о пожаре, за десять лет до смерти отца точно указала день.

Она с блеском училась в Мариинской женской гимназии, но получаемых там знаний ей явно не хватало: Елена много читала сама – ее любимыми книгами были труды индийских философов Шри Рамакришны Парамахамсы и Свами Вивекананды – посещала выставки и концерты. В результате еще юной девушкой она тонко разбиралась в живописи (и сама неплохо рисовала), знала литературу и философию, читала книги по истории религии и оккультизму, которых было много в библиотеке ее родителей. В 1895 году Елена окончила гимназию с золотой медалью и поступила в частную музыкальную школу: она была прекрасной пианисткой и намеревалась позже выступать с концертами. Правда, в консерваторию родители ее не пустили: в молодости Елена была, по выражению сына, «несколько революционной», и они боялись, что дочь по примеру многих ровесников пойдет в политику. Елена занималась с частными педагогами, а параллельно продолжала свое образование: хотя поступить в высшее учебное заведение в России для женщины тогда было невозможно, запретить читать книги ей никто не мог.

По воспоминаниям, в молодости Елена была очень красива, всегда элегантно одевалась, любила украшения и изысканные вещи – в нарядах всегда демонстрировала свое чувство прекрасного и развитый, тонкий вкус. Ее подруга описывала ее так: «Высокого роста, очень пропорционально сложенная. Полная изящества, женственности, грации и какого-то внутреннего обаяния всего ее облика, она невольно притягивала к себе все взоры. У нее были роскошные светло-каштановые, с золотым отливом волосы и пышная прическа, высокая, по моде того времени; прелестный, небольшой ротик, жемчужные зубы и ямочки на щеках; и когда она улыбалась, а улыбалась она часто, все лицо освещалось теплом и лаской. Но что было самое притягательное в ее лице, это ее глаза, темно-карие, почти черные, миндалевидные, продолговатые, как бывают у испанок, но с другим выражением. Это были лучезарные очи, с длинными ресницами, как опахала, и необычайно мягким теплым, излучающим какое-то сияние взглядом».

Она была окружена поклонниками, многие из которых просили ее руки, но она отказывала им, будто ожидая чуда, которое должно с нею обязательно случиться.

Летом 1899 года Елена вместе с матерью отдыхала под Бологом, в имении Высокое, принадлежавшем князю Путятину, мужу ее тетки. Однажды она увидела в прихожей дома незнакомого человека и позже настояла, чтобы его пригласили к столу. Незнакомец оказался Николаем Рерихом – известным петербургским художником, который приехал к князю по делам археологических раскопок: они велись неподалеку. Как выяснилось, Рерих с первого взгляда был покорен красотой Елены и за те несколько дней, что он прожил в имении, сумел вызвать в Елене ответное чувство. Оказалось, что она с детства мечтала связать свою судьбу с человеком искусства, чтобы быть для него другом, опорой и источником вдохновения, – и в Николае Рерихе она встретила свою судьбу.

Николай Константинович Рерих родился 9 октября 1874 года в Санкт-Петербурге, в семье нотариуса. Он с детства любил рисовать, интересовался археологией и ботаникой, собирал коллекции монет, минералов и окаменелостей. Николай мечтал о поступлении в Академию художеств, однако отец настаивал на том, что сын должен пойти по его стопам и выучиться на юриста – в результате Рерих поступил сразу и на юридический факультет университета, и в академию. Владимир Стасов, известный музыкальный и художественный критик, один из основателей «Могучей кучки», познакомил Рериха и с классической музыкой, которой художник ранее пренебрегал, и с известными композиторами – Мусоргским, Римским-Корсаковым, Стравинским. Отныне увлечение музыкой осталось с Николаем Рерихом на всю жизнь: он даже пытался скрестить музыку и живопись, утверждая, что каждая краска, каждая линия имеют соответствующее звучание. Окончив университет и получив диплом, Рерих намеревался провести год в Европе и накануне отъезда познакомился с Еленой Шапошниковой. Разлука и постоянные письма лишь укрепили зародившееся чувство – уже через несколько месяцев они были помолвлены. «Ладушка, если Ты свернешь в сторону, если Ты обманешь меня, то на хорошей дороге мне места не будет, – писал он ей из Парижа. – Тебя я люблю только как человека, как личность, и если я почувствую, что такая любовь невозможна, то не знаю, где та граница скверного, до которой дойду я. Ты держишь меня в руках и Ты, только Ты приказываешь быть мне идеальным эгоистом, или эгоистом самым скверным – Твоя воля». Хотя родственники Елены категорически возражали против ее выбора: к ней сватались сын миллионера и титулованные особы, а она выбрала какого-то художника с туманными перспективами! Но Елена была неумолима – именно с Николаем она решила связать всю свою жизнь, и никакие уговоры не могли ее остановить. Едва Рерих вернулся в Россию, они обвенчались.

Свадьба состоялась в церкви Святой Екатерины Императорской Академии Художеств 28 октября 1901 года: по стечению обстоятельств, семейная жизнь Рерихов началась вместе с новым веком. Уже в августе 1902 года у Рерихов родился сын Юрий – будущий ученый-востоковед, а в октябре 1903 – Святослав. Елена Ивановна сама разработала программу воспитания детей: они не читали «бездарных и лживых» детских рассказов – вместо этого она давала детям научно-популярные книги, дарила коллекции и гербарии, чучела животных и атласы. Святослав Николаевич вспоминал: «Моя матушка мудро и с самого начала руководила нашей жизнью, следила за нашими интересами, порывами и чувствами. Она никогда не настаивала ни на чем, никогда не старалась как-то нас убедить в чем-то, но всегда ставила на нашем пути то, что нам было нужно... Таким образом, наш маленький мир был насыщен замечательными впечатлениями». Дети всегда присутствовали при беседах родителей, с самого детства получая пример любви, работоспособности, этических и моральных норм. «Самое страшное, – писала Елена Ивановна, – это развить в ребенке эгоизм и скупость, ибо эти свойства ограничат и его мышление».

Но заботы о детях не отдалили Елену Ивановну от мужа. Как вспоминали их друзья, «с первого года замужества она проводила лето на раскопках Новгородской губернии, живя с ним

в землянках». Когда в 1903 году Николай Рерих отправился в путешествие по старым русским городам, – художника интересовали обычаи и ремесла, памятники старины, их история, архитектурные особенности, – Елена Ивановна сопровождала его в этой поездке. Специально для этого случая она освоила искусство фотографии – в те времена не самое простое дело – и даже реставрации. Во время поездки ею были сделаны сотни снимков, а Рерих написал несколько десятков картин. Ужасное состояние многих древних церквей поразило Рерихов: «Мне довелось увидеть много нашей настоящей старины и мало любви вокруг нее», – писал Николай Константинович. Рерихи много сделали, чтобы привлечь внимание к этой проблеме – писали статьи, выступали с докладами. Возможно, именно тогда у них зародилась идея о необходимости сохранять и охранять памятники культуры – мысль, позже воплотившаяся в Пакт Рериха.

Забывая о пропитании семьи, Николай Рерих устроился директором Школы при Обществе Поощрения Искусств: он мечтал реформировать обучение, дав ученикам возможность учиться в одном заведении многим видам искусства – от игры на музыкальных инструментах до лепки, от танца до живописи. В это время Елена Ивановна была рядом с ним, помогая создавать программу обучения и находить экспонаты для школьного музея. Рерихи собрали и прекрасную домашнюю коллекцию – у Елены Ивановны было настоящее чутье на произведения искусства, и нередко она обнаруживала под новыми наслоениями настоящие шедевры – картины Рубенса, Брейгеля, Ван Дейка. Позже коллекция была передана в Эрмитаж.

В 1916 году Николай Рерих серьезно заболел: из-за болезни легких ему посоветовали покинуть Петроград с его гнилым климатом, однако в Европу, которую обычно советовали при таких заболеваниях, из-за мировой войны нельзя было попасть. Рерихи выбрали Карелию и переехали в Сердоболь на берегу Ладожского озера, где пережили и Февральскую революцию, и Октябрьский переворот. В 1918 году Финляндия объявила о своей независимости; границы с Россией были закрыты. Так Рерихи, сами того не желая, оказались в эмиграции.

Некоторое время они надеялись на то, что им удастся вернуться, однако ситуация не менялась. В 1920 году Рериху предложили организовать выставку в Швеции – и семья тронулась в путь. Так началось их путешествие длиною в жизнь.

Из Швеции Рерихи перебрались в Англию, где произошло событие, перевернувшее всю дальнейшую жизнь Елены Ивановны: как и Елена Блаватская много лет назад, именно в Лондоне 24 марта 1920 года Елена наяву встретила тех, кто когда-то являлся ей во снах и видениях – Махатму Мориа, а позднее и Махатму Кут-Хуми, глав Белого Братства, руководящего развитием человечества. С этого дня она начала работу, которую продолжала всю оставшуюся жизнь: под диктовку Учителей Елена Рерих стала создавать учение Живой Этики – Агни Йоги. Об этом учении Елена Ивановна говорила: «Оно вмещает в себя всю жизнь, все области ее, имеет в виду все усовершенствования». Последователи Рерихов утверждали, что Елена Ивановна обладала столь высокой духовностью, что могла – без дополнительной подготовки или обучения – слышать слова Махатм, которые она записывала в дневник, а позже на основе этих записей создавала книги, ныне составляющие основу учения Агни Йоги. Сама Елена Ивановна была настолько уверена в том, что она лишь записывает то, что ей передают Учителя, что даже отказывалась ставить свое имя на обложке: практически все ее труды были изданы под разными псевдонимами.

Наследница Елены Блаватской и ее теософических знаний, Елена Ивановна, однако, не повторяла выводов своей предшественницы, а излагала собственные. Если Елена Петровна излагала общие теоретические знания, касающиеся существования человечества и его взаимодействия с мировым космосом, то Елена Ивановна, особенно поначалу, сосредоточилась на советах и указаниях, позволявших отдельному человеку двигаться по пути самосовершенствования к вершинам духовного развития. По словам Махатм, Земля была накануне решающей битвы Добра и Зла, и человечеству было необходимо встать на путь духовного очищения, которое не только приведет его к новым знаниям, но и позволит навсегда победить силы зла.

Грубо говоря, Живая Этика является руководством к действию, и представляет собой именно слияние философских, этических и религиозных принципов жизни, собранных в разных культурах и разных временах. Сама Елена Рерих писала: «Это синтез всех учений, но в новом осознании всех Основ Бытия и на новом понимании космического значения человека и его страстной ответственности и поддержания равновесия в мире. Как прекрасно осознание Полноты Бытия! Эта мысль красной нитью проходит в Учении, столь щедро проливаемом сейчас на помощь страждущему и смятенному человечеству, Истинно, Новое Откровение, явленное светом Учения, станет Учением Ведущим, книги станут книгами любимыми, настольными». Первая книга «Листы Сада Мории. Зов» вышла из печати в 1924 году, последняя – в 1937-м.

По легенде, Елена Рерих стала первой, кто принял «огненное крещение», открыв для себя доступ к высшим сферам, – ей было дано новое имя Урусвати, что на санскрите означает «свет утренней звезды». Отныне она, подобно далекой звезде, несущей надежду во тьме вечной ночи, несла людям новое знание, призванное очистить их и наставить на путь самосовершенствования.

В конце 1920 года Рерихи прибыли в США, где Николай Константинович с огромным успехом демонстрирует коллекцию своих картин: турне по стране было настолько успешным, что на этой волне Рерихи создали в США несколько организаций, призванных проповедовать и изучать идеи Рерихов: Музей Николая Рериха, которому художник пожертвовал свои картины, Институт объединенных искусств, призванный воплотить в жизнь те принципы, на которых Николай Константинович когда-то мечтал перестроить школу в Петрограде, художественный центр *Corona Mundi* – «Венец мира», объединение художников *Cor Ardens* – «Пылающие сердца». В каждом из этих начинаний активнейшую роль играла Елена Ивановна: она вдохновляла и направляла соратников и учеников, влияя через них на всю культурную жизнь. «Радостно видеть, – писала она, – как в дни разрушения светлые души собираются во имя Культуры, стараясь сохранить огонь и дать радость творческого созидания и расширения сознания ищущим выхода из создавшегося умственного тупика, ведущего за собою и материальное бедствие».

В декабре 1923 года Рерихи наконец отправились в страну своих грез – в Индию. Едва освоившись на новом месте, они задумали совершить экспедицию по отдаленным и малоизученным районам Азии, которая должна была занять несколько месяцев, но длилась пять лет. Елена Рерих была единственной женщиной, принявшей участие в Великом путешествии – Центрально-Азиатской экспедиции, причем шла она наравне с мужчинами, но, как и подобает истинной женщине, с большим смирением, заботясь не только об успехе предприятия, но и о здоровье и душевном спокойствии каждого участника. «Принести помощь, ободрить, разъяснить, не жалея сил, – на все готова Елена Ивановна, – писал Николай Рерих. – Часто остается лишь изумляться, откуда берутся силы, особенно же зная ее слабое сердце... На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она все же пыталась лично участвовать и в устройении каравана, и в устройении всех путевых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к тому бывало немало поводов самого различного характера». Во время экспедиции была собрана масса ценнейшего материала по истории, археологии, этнографии, географии и лингвистике, найдены уникальные тексты, предметы народного искусства и быта, а Елена Ивановна написала несколько книг, освещавших учение Агни Йоги, а также перевела на русский часть знаменитых «Писем Махатм» из сборника посланий, которыми Махатмы при помощи Елены Блаватской обменивались с Альфредом Синнеттом – эти переводы вошли в книгу «Чаша Востока», опубликованную под псевдонимом Искандер Ханум. В 1926 году в Монголии было опубликовано под именем Натальи Рокотовой исследование «Основы буддизма», – где Елена Ивановна объясняла европейцам основные положения буддийской фило-

софии: карма, нирвана, перерождение, – и общие принципы буддийской этики, к тому моменту практически неизвестные широкой публике. Во время экспедиции Рерихам удалось ненадолго посетить Россию: в 1926 году Николай, Елена и Юрий Рерихи, как гласит легенда, прибыли в Москву с ларцом гималайской земли на могилу Ленина и посланием Махатм советскому правительству – но, к сожалению, большевики не пожелали учесть рекомендаций Белого Братства, и Советский Союз не стал первой страной, где началась бы Великая трансмутация – переход человечества на принципиально иной уровень развития.

Вернувшись в Индию, Рерихи поселились на севере страны, в долине Кулу – там удачно сочетался мягкий климат и вид на древние Гималаи, в которых, по преданиям, скрыта Шамбала – место жительства Учителей. Там они основали Гималайский институт научных исследований, получивший в честь Елены Ивановны имя Урусвати. Елена Ивановна мечтала, что когда-нибудь Институт станет центром Города Знания, в котором все страждущие смогут приобщиться к любой науке. «Мы желаем в этом Городе, – писала она, – дать синтез достижений, поэтому все области науки должны быть впоследствии представлены в нем. И так как Знание имеет своим источником весь Космос, то и участники станции должны принадлежать всему миру, то есть всем национальностям».

С этого момента Елена Ивановна почти целиком посвятила себя трудам во славу Агни Йоги: она писала книги, переводила древние священные тексты, вела обширнейшую переписку с корреспондентами по всему миру: переписываться с Еленой Ивановной считали за честь виднейшие ученые, писатели и политики того времени. Ее письма, которые она, в отличие от книг, писала от собственного имени, представляют собой уникальнейший материал. В 1929 году она (под именем Жозефины Сен-Илер) издала в Париже книгу «Криптограммы Востока», представляющую собой сборник апокрифических преданий из жизни великих пророков и учителей человечества – от Будды Гаутамы и Иисуса Христа до Сергия Радонежского. Через несколько лет вышли переводы на русский язык знаменитой книги Елены Блаватской «Тайная доктрина»: по воспоминаниям, Елена Ивановна работала так быстро, что было непонятно даже, как она успевает записывать, не говоря уже о переложении мысли с одного языка (а точнее с нескольких – Блаватская обильно уснащала свой текст цитатами на многих древних языках) на другой. Постепенно Елена Ивановна стала одним из ведущих специалистов по культуре, истории и филологии Индии и народов Востока: даже Юрий Николаевич Рерих, получивший прекрасное образование и сам признанный одним из самых знающих людей в этих областях, нередко в затруднительных случаях консультировался с матерью и всегда получал исчерпывающие ответы.

В начале тридцатых годов, когда еще никто, кроме самых прозорливых умов, не ожидал мировой войны, Елена Рерих предчувствовала неизбежное столкновение, которое она в эзотерическом смысле толковала как проявление мировой битвы Добра и Зла: нацистская Германия и лично Гитлер для нее были персонификацией темных сил, с которыми должна была бороться Страна Лучшая – то есть СССР. Уже давно обеспокоенный судьбой мирового культурного наследия, Николай Рерих в конце двадцатых годов составил проект международного договора о защите культурного наследия и создал эскиз Знамени Мира, которым следовало отмечать подлежащие охране памятники: на белом полотнище три красных круга, объединенные красной окружностью. По разным толкованиям, круги означают либо единство религии, искусства и науки, объединенные культурой, либо общность прошлого, настоящего и будущего, объединенные Вечностью. Елена Рерих принимала самое активное участие в утверждении Пакта: во многом благодаря ее усилиям в 1935 году Пакт был подписан двадцатью двумя странами.

Многие ученики Рерихов говорили, что очень обязаны Елене Ивановне: ее духовности, свету ее личности, ее книгам и личному примеру. Но больше всех ценил свою жену сам Николай Константинович, самый верный ее друг, соратник и советчик. Он не только рисовал ее на своих картинах, воспевал в стихах и прославлял в теоретических работах, он, казалось, всю

свою жизнь посвятил служению ей, как и она посвятила свою жизнь ему. В день сорокалетия их семейной жизни он записал в дневнике: «Сорок лет – немалый срок. В таком дальнем плавании могут быть извне встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы всякие препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои: «Елене, жене моей, другине, спутнице, вдохновительнице». Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. И в Питере, и в Скандинавии, и в Англии, и в Америке, и по всей Азии мы трудились, учились, расширяли сознание. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения должны бы носить два имени – женское и мужское».

И до войны, и после нее Рерихи всеми силами стремились вернуться на Родину: однако в силу каких-то обстоятельств ни одно их прошение не было удовлетворено. В декабре 1947 года скончался Николай Рерих: по индуистскому обычаю, его тело было предано огню. На месте его сожжения установлен камень с надписью: «15 декабря 1947 года здесь было предано огню тело Махариши Николая Рериха – великого русского друга Индии. Да будет мир».

Смерть мужа стала для Елены Ивановны тяжелейшим ударом – но ее поддержал Махатма, приславший ей слова утешения и поддержки: «Осиротевшая Моя, нужно принять новую ношу. Храните силы. Надо до родины донести «Чашу»... Под Чашей подразумевалось учение Агни-Йоги, которое надо было донести до Советского Союза. Елена Рерих продолжала верить, что именно ее страна должна стать проводником нового знания, «оплотом новой цивилизации, идущей на смену прежней». Елена Ивановна с сыном Юрием еще несколько месяцев ждали парохода, который должен был привезти им визу в Советский Союз: корабль пришел, а документы – нет. Тогда она, из-за сложной политической ситуации в окрестностях Кулу, переехала в Калимпонгу, городок в Восточных Гималаях, где продолжала свои мысленные беседы с Учителями.

Она ушла из жизни 5 октября 1955 года. Когда ее тело несли к погребальному костру, тысячи окрестных жителей пришли проводить ее в последний путь: далеко не все знали ее лично, но все почувствовали, что в тот день должны выйти на улицу. На месте ее сожжения была установлена ступа из белого мрамора – первая в Индии ступа, посвященная женщине. Ныне рядом с ней построен буддийский монастырь.

Дело Рерихов продолжали сыновья – Юрий, который смог исполнить мечту родителей и вернуться на родину, где он стал проповедовать их учение, и Святослав, который, как и отец, стал художником. В 1990 году он передал России наследство своих родителей – картины, книги, личные документы. Благодаря стараниям сыновей Николая Константиновича и Елены Ивановны ныне в России действует Музей Рериха, Международный Центр Рериха, несколько культурных и научных организаций, занимающихся изучением и распространением учения Агни-Йоги.

Именем Елены Рерих названы астероид и горный перевал, колледж искусств в Индии и народная библиотека на Алтае. И поныне светит людям утренняя звезда – учение Урусвати.

Зинаида Гиппиус Декадентская мадонна



...Современники называли ее «ильфидой», «ведьмой» и «сатанессой», прославляли ее литературный талант и «боттичеллиевскую» красоту, боялись ее и поклонялись ей, оскорбляли и воспевали. Она всю жизнь старалась держаться в тени великого мужа – но ее считали единственной настоящей женщиной-писателем в России, умнейшей женщиной империи. Ее мнение в литературном мире значило чрезвычайно много; а последние годы своей жизни она прожила практически в полной изоляции. Она – Зинаида Николаевна Гиппиус.

Род Гиппиусов ведет свое происхождение от некоего Адольфуса фон Гингста, который в XVI веке переселился из Мекленбурга в Москву, где сменил фамилию на фон Гиппиус и открыл первый в России книжный магазин. Семья оставалась по преимуществу немецкой, хотя случались браки с русскими – в жилах Зинаиды Николаевны русской крови было на три четверти.

Николай Романович Гиппиус познакомился со своей будущей женой, красавицей-сибирячкой Анастасией Степановой, в городе Белеве Тульской губернии, где он служил после окон-

чания юридического факультета. Здесь же 8 ноября 1869 года родилась их дочь, названная Зинаидой. Через полтора месяца после ее рождения Николай Романович был переведен в Тулу – так начались постоянные переезды. После Тулы был Саратов, потом Харьков, потом – Петербург, где Николая Романовича назначили товарищем (то есть заместителем) обер-прокурора Сената. Но этот достаточно высокий пост он в скором времени вынужден был оставить: врачи обнаружили у Николая Романовича туберкулез и посоветовали перебраться на юг. Он перевелся на место председателя суда в городок Нежин Черниговской губернии. Нежин был известен лишь тем, что в нем воспитывался Николай Гоголь.

Зину отдали было в Киевский институт благородных девиц, но уже через полгода забрали обратно: девочка так тосковала по дому, что практически все шесть месяцев провела в институтском лазарете. А поскольку в Нежине не было женской гимназии, Зина училась дома, с преподавателями из местного Гоголевского лицея.

Проработав в Нежине три года, Николай Романович сильно простудился и в марте 1881 года умер. На следующий год семья – кроме Зины, были еще три маленьких сестры, бабушка и незамужняя сестра матери – переехала в Москву.

Здесь Зину отдали в гимназию Фишер. Зине очень нравилось там, но через полгода врачи обнаружили туберкулез и у нее – к ужасу матери, боявшейся наследственности. Была зима. Ей запретили выходить из дому. Гимназию пришлось оставить. А весной мать решила, что семье надо год прожить в Крыму. Таким образом, домашнее обучение стало для Зины единственно возможным путем к самореализации. Она никогда особо не увлекалась науками, но от природы была наделена энергичным умом и стремлением к духовной деятельности. Еще в ранней юности Зина начала вести дневники и писать стихи – сначала шуточные, пародийные, на членов семьи. Да еще и заразила этим остальных – тетку, гувернанток, даже мать. Поездка в Крым не только удовлетворила развившуюся с детства любовь к путешествиям, но и предоставила новые возможности для занятий тем, что интересовало Зину больше всего: верховой ездой и литературой.

После Крыма семья переехала на Кавказ – там жил брат матери, Александр Степанов. Его материальное благосостояние позволило всем провести лето в Боржоме – курортном городке недалеко от Тифлиса. На следующее лето поехали в Манглис, где Александр Степанович скоропостижно скончался от воспаления мозга. Гиппиусы вынуждены были остаться на Кавказе.

Зина покорила тифлисскую молодежь. Высокая, статная красавица с пышной золотисто-рыжей косой ниже колена и изумрудными глазами неудержимо влекла к себе взоры, мысли, чувства всех, кто с нею сталкивался. Ее прозвали «поэтессой» – признавая тем самым ее литературный талант. В кружке, который она собрала вокруг себя, почти все писали стихи, подражая популярнейшему в то время Семену Надсону, недавно умершему от чахотки, – но ее стихи были лучше всех. В Тифлисе Зине попался в руки петербургский журнал «Живописное обозрение» со статьей о Надсоне. Там, помимо прочего, упоминалось имя другого молодого поэта, друга Надсона, – Дмитрия Мережковского, и приводилось одно его стихотворение. Оно Зине не понравилось, но имя почему-то запомнилось...

Весной 1888 года Гиппиусы и Степановы снова едут в Боржом. Туда же приезжает Дмитрий Сергеевич Мережковский, путешествующий по Кавказу после окончания Петербургского университета. К тому времени он уже выпустил свою первую книгу стихов и был достаточно известным поэтом. Как оба считали, их встреча носила мистический характер и была предопределена свыше. Через год, 8 января 1889 года, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский обвенчались в тифлисской церкви Михаила Архангела. Ей было 19 лет, ему – 23.

По обоюдному желанию молодоженов свадьба была очень скромной. Невеста была в темно-стальном костюме и маленькой шляпке на розовой подкладке, а жених в сюртуке и форменной «николаевской» шинели. Не было ни гостей, ни цветов, ни молебна, ни свадебного застолья. Вечером после венчания Мережковский ушел к себе в гостиницу, а Зина осталась

у родителей. Утром мать разбудила ее криком: «Вставай! Ты еще спишь, а уж муж пришел!» Только тут Зина вспомнила, что вчера вышла замуж... Так родился семейный союз, которому суждено было сыграть важнейшую роль в истории русской культуры. Они прожили вместе более пятидесяти лет, не расставаясь ни на день.

Дмитрий Мережковский происходил из состоятельной семьи – отец его, Сергей Иванович, служил при дворе Александра II и вышел в отставку в чине генерала. В семье было три дочери и шесть сыновей, Дмитрий – младший, любимец матери. Именно благодаря матери Дмитрий Сергеевич смог добиться от отца, довольно скупого человека, согласия на свадьбу и материальной помощи. Она же сняла и обставила для молодых квартиру в Петербурге – сразу после свадьбы Зинаида и Дмитрий перебрались сюда. Жили так: у каждого отдельная спальня, собственный кабинет – и общая гостиная, где супруги встречались, читали друг другу написанное, обменивались мнениями, принимали гостей.

Мать Дмитрия Сергеевича умерла через два с половиной месяца после его свадьбы, 20 марта. Сергей Иванович, страстно любивший жену и равнодушный к детям, уехал за границу, где увлекся спиритизмом и практически перестал общаться с семьей. Исключение делалось лишь для Дмитрия – как любимца покойной жены. Умер Сергей Иванович в 1908 году – через 19 лет, день в день, после смерти жены.

Современники утверждали, что семейный союз Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского был в первую очередь союзом духовным и никогда не был по-настоящему супружеским. Телесную сторону брака отрицали оба. При этом у обоих случались увлечения, влюбленности (в том числе и однополые), но они лишь укрепляли семью. У Зинаиды Николаевны было много увлечений – ей нравилось очаровывать мужчин и нравилось быть очарованной. Но никогда дело не шло дальше поцелуев. Гиппиус считала, что лишь в поцелуе влюбленные равны, а в том, что должно следовать дальше, кто-нибудь обязательно будет стоять над другим. А этого Зинаида ни в коем случае не могла допустить. Для нее самым важным всегда было равенство и союз душ – но не тел.

Все это позволяло недоброжелателям называть брак Гиппиус и Мережковского «союзом лесбиянки и гомосексуалиста». Мережковскому подбрасывались в квартиру письма: «Отомстила тебе Афродита, послав жену-гермафродита».

Чаще у Гиппиус случались романы с мужчинами. Хотя романами их можно было назвать лишь с некоторой натяжкой. В основном это – общие дела, письма, затянувшиеся на всю ночь разговоры в доме Мережковских, несколько поцелуев – и все. В начале 1890-х годов Зинаида Николаевна близко сходитя сразу с двумя – поэтом-символистом Николаем Минским и драматургом и прозаиком Федором Червинским, университетским знакомым Мережковского. Минский любил ее страстно – а Гиппиус лишь, по ее собственным словам, была влюблена «в себя через него». В 1895 году у Зинаиды Николаевны начинается роман с Акимом Флексером (Волынским), известным критиком, идеологом журнала «Северный вестник». Знакомство было давнее. Именно Аким Волынский первым напечатал стихи Гиппиус, которые ни один журнал не хотел брать. Долгое сотрудничество постепенно переросло сначала в дружбу, затем – в любовь. По воспоминаниям современников, чувство Гиппиус к Волынскому было самым сильным чувством в жизни Зинаиды Николаевны. Но и с ним она осталась самой собой: больше всего в Акиме Львовиче ее пленило то, что он, подобно ей, собирался сохранить свою «телесную чистоту»... Как потом написала Гиппиус, расстались они из-за «невозможного русского языка», которым Флексер писал свои критические статьи.

В конце 1890-х – начале 1900-х годов Гиппиус была в близких отношениях с английской баронессой Елизаветой фон Овербек. Происходившая из семьи обрусевших немцев, она как композитор сотрудничала с Мережковским – написала музыку к переведенным им трагедиям Еврипида и Софокла, которые поставили в Александринском театре. Гиппиус посвятила Ели-

завете фон Овербек несколько стихотворений. Отношения эти современники называли и чисто деловыми, и откровенно любовными...

Тем не менее брак Гиппиус и Мережковского был поистине уникальным творческим союзом. Существуют различные точки зрения на то, кто же все-таки лидировал в нем, но сходятся в одном: именно Зинаиде принадлежали те идеи, которые развивал потом в своих произведениях Мережковский. Без него все ее идеи остались бы только словами, а он бы без нее замолчал. Бывало, что под фамилией Мережковского публиковались статьи, написанные Зинаидой Николаевной. Был и такой случай: как-то она «подарила» Дмитрию Сергеевичу два стихотворения, которые очень ему понравились. Сопроводив одно из них длинным эпиграфом из Апокалипсиса, Мережковский включил их в собрание своих стихов. Но и Гиппиус, «забыв» о подарке, напечатала эти стихотворения в своем сборнике. И хотя было сразу видно, что стихи написаны не Мережковским – как поэт Гиппиус была гораздо сильнее, – шутка сошла ей с рук. Никто ничего не заметил.

Зинаида довольно быстро заняла в литературной жизни столицы заметное место. Уже с 1888 года она начала печататься – первой ее публикацией были стихи в журнале «Северный вестник», затем рассказ в «Вестнике Европы». Семья жила практически только на гонорары – в основном за критические статьи, которые оба писали в большом количестве. Стихи Зинаиды Гиппиус, как и проза Дмитрия Мережковского, поначалу не находили издателей – так мало они вписывались в принятые тогда рамки «хорошей литературы», унаследованные от либеральной критики 1860-х годов. Однако постепенно с Запада приходит и приживается на русской почве декаданс, и в первую очередь такое литературное явление, как символизм. Зародившийся во Франции, символизм проникает в Россию в начале 1890-х годов и за несколько лет становится ведущим стилем в русской литературе. Гиппиус и Мережковский оказываются у истоков зарождающегося в России символизма – вместе с Николаем Минским, Иннокентием Анненским, Валерием Брюсовым, Федором Сологубом, Константином Бальмонтом они были названы «старшими символистами». Именно они приняли на себя главный удар критики, продолжавшей стоять на отживших позициях народничества. Ведь «шестидесятники» считали, что первая задача литературы – вскрывать язвы общества, учить и служить примером, и любое литературное произведение оценивали не по его художественным достоинствам, а по той идее (в идеале – гражданско-обличительной), которую там находили. Символисты же боролись за восстановление эстетического принципа в литературе. И победили. «Младшие символисты» поколения Александра Блока и Андрея Белого пришли на позиции, уже отвоеванные для них старшими братьями по перу, и лишь углубили и расширили сферу завоеванного.

В начале 1890-х годов Мережковский начинает работу над трилогией «Христос и Антихрист»: сначала над романом «Юлиан Отступник», а затем над «Леонардо да Винчи», самым известным своим романом. Собирая материал для трилогии, Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич совершают два путешествия по Европе. Зинаида впервые попадает в Париж – город, который сразу же очаровал ее и где впоследствии Мережковские проведут многие годы. По возвращении они поселяются на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы, в «доме Мурузи» – в доме, который благодаря им стал центром литературно-художественной и религиозно-философской жизни Петербурга. Здесь Зинаида Николаевна устроила известнейший литературный салон, где собирались многие видные деятели культуры того времени.

Культурная среда XIX века во многом складывалась из деятельности разнообразных кружков – домашних, дружеских, университетских, складывавшихся вокруг издательств альманахов, журналов, многие из которых тоже в свое время возникали из кружков. Встречи в редакции журнала «Новый путь», вечера журнала «Мир искусства», «воскресники» писателя и философа Василия Розанова, среды в «башне» Вячеслава Иванова, «пятницы» Николая Минского, «воскресенья» Федора Сологуба – чета Мережковских была непременным участником всех этих – и многих других – собраний. Их дом также был открыт для гостей – поэтов, писа-

телей, художников, религиозных и политических деятелей. «Здесь воистину творили культуру. Все здесь когда-то учились», – писал Андрей Белый, один из постоянных гостей салона. Гиппиус была не просто хозяйкой салона, собирающей в своем доме интересных людей, но вдохновительницей, подстрекательницей и горячей участницей всех случавшихся дискуссий, центром преломления разнородных мнений, суждений, позиций. Влияние Гиппиус на литературный процесс признавалось едва ли не всеми современниками. Ее называли «декадентской мадонной», вокруг нее роились слухи, сплетни, легенды, которые Гиппиус не только с удовольствием собирала, но и деятельно преумножала. Она очень любила мистификации. Например, писала мужу письма разными почерками, будто бы от поклонниц, в которых – в зависимости от ситуации – ругала или хвалила его. Оппоненту могла послать письмо, написанное его же почерком, в котором продолжала ранее начатую дискуссию.

Она активнейшим образом участвовала в литературной и личной жизни своих современников. Постепенно знакомство с Гиппиус, посещения ее салона становятся обязательными для начинающих литераторов символистского – и не только – толка. При ее активном содействии состоялся литературный дебют Александра Блока. Она вывела в люди начинающего Осипа Мандельштама. Ей принадлежит первая рецензия на стихи тогда еще никому не известного Сергея Есенина.

Критиком она была знаменитейшим. Обычно она писала под мужскими псевдонимами, самый известный из которых – Антон Крайний, но все знали, кто скрывается за этими мужскими масками. Проницательная, дерзкая, в иронически-афористичном тоне Гиппиус писала обо всем, что заслуживало хоть малейшего внимания. Ее острого языка боялись, ее многие ненавидели, но к мнению Антона Крайнего прислушивались все.

Стихи, которые она всегда подписывала своим именем, были написаны в основном от мужского лица. В этом была и доля эпатажа, и проявление ее действительно в чем-то мужской натуры (недаром говорили, что в их семье Гиппиус – муж, а Мережковский – жена; она оплодотворяет его, а он вынашивает ее идеи), и игра. Зинаида Николаевна была непоколебимо уверена в собственной исключительности и значимости и всячески пыталась это подчеркнуть. Она позволяла себе все, что запрещалось остальным. Носила мужские наряды – они эффектно подчеркивали ее бесспорную женственность. Именно такой изобразил ее на знаменитом портрете Лев Бакст. Обожала играть людьми, ставить над ними своеобразные эксперименты. Сначала привлекает их выражением глубокой заинтересованности, очаровывает своей несомненной красотой и обаянием, а затем – отталкивает надменностью, насмешливостью, холодным презрением. При ее незаурядном уме это было несложно. Ее любимыми развлечениями было дерзить людям, конфузить их, ставить в неловкое положение и наблюдать за реакцией. Гиппиус могла принять малознамого человека в спальне, не одетой, а то и вовсе принимая ванну. В историю вошли и знаменитая лорнетка, которой близорукая Зинаида Николаевна пользовалась с вызывающей бесцеремонностью, и ожерелье, сделанное из обручальных колец ее поклонников.

Гиппиус сознательно провоцировала окружающих на отрицательные чувства в свой адрес. Ей нравилось, когда ее называли «ведьмой» – это подтверждало, что тот «демонический» образ, который она усиленно культивировала, успешно работает. Она шила себе платья, на которые в недоумении и ужасе оглядывались прохожие и в Петербурге, и в Париже, до неприличия явно пользовалась косметикой – на нежную белую кожу накладывала толстый слой пудры кирпичного цвета.

Она пыталась скрыть свое истинное лицо, пытаясь таким образом научиться не страдать. Обладающая ранимой, сверхчувствительной натурой, Гиппиус специально ломала, переделывала себя, чтобы обрести психологическую защиту, обрасти панцирем, охраняющим ее душу от повреждений. А поскольку, как известно, лучший способ защиты – нападение, Зинаида Николаевна и избрала столь вызывающий стиль поведения...

Огромное место в системе ценностей Зинаиды Гиппиус занимали проблемы духа и религии. Именно Гиппиус принадлежала идея знаменитых Религиозно-философских собраний (1901–1903 годы), сыгравших значительную роль в русском религиозном возрождении начала XX века. На этих собраниях творческая интеллигенция вместе с представителями официальной церкви обсуждала вопросы веры. Гиппиус была одним из членов-учредителей и непременной участницей всех заседаний.

На первое собрание она явилась в глухом черном просвечивающем платье на розовой подкладке. При каждом движении создавалось впечатление обнаженного тела. Присутствующие на собрании церковные иерархи смущались и стыдливо отводили глаза...

Во время подготовки Религиозно-философских собраний Мережковский и Гиппиус сближаются с Дмитрием Васильевичем Философовым. Двоюродный брат и ближайший друг (а по некоторым данным, и любовник) известного мецената Сергея Дягилева, он принадлежал к группе «Мир искусства», с которой у Зинаиды Николаевны и Дмитрия Сергеевича были давние дружеские связи. Члены этой группы считались последователями философа Василия Розанова, но Философову оказались ближе идеи Мережковского. Сближение было настолько сильным, что Гиппиус, Мережковский и Философов даже заключили между собой особый «тройственный» союз, напоминающий брачный, для чего был совершен специальный, совместно разработанный обряд. Союз рассматривался как зачаток будущего своего рода религиозного ордена. Принципы его работы были следующие: внешнее разделение церкви с государством и внутренний союз с православием, цель – установление Царства Божьего на земле. Именно деятельность в этом направлении все трое воспринимали как свой долг перед Россией, современниками и последующими поколениями. Зинаида Николаевна всегда называла эту задачу – Главное.

Однако наметившийся вскоре разлад с «Миром искусства» приводит к разрушению этого союза: через год Философов вернулся к Дягилеву, немало сил потратившему на то, чтобы рассорить своего кузена с Мережковскими. Философов оказывается больным, Дягилев прячет его на своей квартире и пресекает все попытки Мережковского выяснить отношения. Из-за этого прекращаются отношения и с Дягилевым. Вскоре он и Философов уезжают за границу.

В 1903 году собрания были запрещены указом Святейшего синода.

В том же году умерла мать Зинаиды Николаевны. И она, и сестры очень переживали ее смерть. В это время рядом с нею был Дмитрий Сергеевич и вернувшийся из-за границы Философов. Они снова сблизились. И с тех пор не разлучались в течение пятнадцати лет.

Дмитрий Васильевич был очень красивым, изящным, утонченным, высококультурным, широко образованным, по-настоящему религиозным человеком. Зинаида Николаевна была некоторое время увлечена им как мужчиной (именно к нему обращено ее единственное стихотворение, написанное от женского лица), но Философов отверг ее домогательства, сославшись на отвращение к любому плотскому соитию, и предложил взамен духовный и дружеский союз. Некоторые считали, что он предпочел Гиппиус Мережковского. Тем не менее он многие годы был ближайшим другом, соратником и спутником обоих – и Дмитрия Сергеевича, и Зинаиды Николаевны.

В последующие годы они живут вместе. Много времени проводят за границей, особенно в Париже. Однако события 1905 года застали их в Петербурге. Узнав о расстреле мирной демонстрации 9 января – Кровавом воскресенье, – Мережковский, Гиппиус, Философов, Андрей Белый и еще несколько их знакомых в знак протеста устраивают свою демонстрацию: явившись вечером в Александринский театр (императорский!), срывают спектакль.

В тот вечер должен был играть известный актер Николай Варламов, уже пожилой. Говорят, он плакал за кулисами: никогда его спектакли не срывались!

С 1906 года Мережковский, Гиппиус и Философов жили в основном за границей, чаще всего в Париже и на Ривьере. Вернулись на родину они уже перед самым началом мировой войны, весной 1914 года. По религиозным мотивам Мережковские сугубо отрицательно отно-

сились к любой войне. Гиппиус говорила, что война является осквернением человечества. Свой патриотизм они видели не в том, чтобы, подобно многим тогда, повсюду восхвалять силу русского оружия, а в том, чтоб объяснить обществу, куда может привести бессмысленное кровопролитие. Гиппиус утверждала, что всякая война несет в себе зародыш новой войны, порожденной национальным озлоблением побежденного.

Однако со временем она пришла к мысли, что только «честная революция» может покончить с войной. Подобно другим символистам, Гиппиус видела в революции великое духовное потрясение, способное очистить человека и создать новый мир духовной свободы. Поэтому Февральскую революцию Мережковские приняли с восторгом: самодержавие полностью дискредитировало себя, его ненавидели. Радовались, что теперь в правительстве такие же люди, как они, что там много их знакомых. Но все же понимали, что Временное правительство слишком слабо, чтобы удержать власть. Когда свершился Октябрьский переворот, Зинаида Николаевна была в ужасе: она предвидела, что той России, которую она любила, в которой жила, — больше нет. Ее дневники тех лет полны страха, отвращения, злобы — и умнейших оценок происходящего, интереснейших зарисовок, ценнейших наблюдений. Мережковские с самого начала подчеркивали свое неприятие новой власти. Зинаида Николаевна открыто порвала со всеми, кто стал сотрудничать с новой властью, публично отругала Блока за его поэму «Двенадцать», рассорилась с Белым и Брюсовым. Новая власть и для Гиппиус, и для Мережковского была воплощением «царства Дьявола». Но решение об отъезде все откладывается и откладывается. Они все еще надеялись на поражение большевиков... А когда же наконец решились и Мережковский попросил разрешения на отъезд за границу на лечение — им категорически запретили отъезд. Однако в конце 1919 года им удается вырваться из страны. Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Философов и секретарь Гиппиус Владимир Злобин нелегально перешли польскую границу в районе Бобруйска.

Сначала они поселились в Минске, а в начале февраля 1920 года переехали в Варшаву. Здесь они погрузились в активную политическую деятельность среди русских эмигрантов. Смыслом их жизни здесь стала борьба за свободу России от большевизма. Гиппиус вела активную работу в кругах, близких к польскому правительству, против возможного заключения мира с Советской Россией. Она стала редактором литературного отдела газеты «Свобода», где печатала свои политические стихи. Дмитрий Философов был избран членом Русского комитета, стал близко сотрудничать с Борисом Савинковым, бывшим членом террористической «Боевой группы» — он возглавлял антибольшевистское движение в Польше. Гиппиус давно знала Савинкова — они сблизилась в 1908–1914 годах во Франции, где Савинков организовывал тогда собрания своей группы. В результате общения с Гиппиус и под ее несомненным влиянием Савинков написал роман «Конь бледный», изданный в 1909 году под псевдонимом В. Ропшин. Гиппиус редактировала роман, придумала ему название, привезла рукопись в Россию и издала в журнале «Русская мысль». В 1917–1918 годах именно на Савинкова, наряду с Керенским, Гиппиус возлагала особые надежды как на выразителя новых идей и спасителя России.

Теперь такого спасителя Мережковский и Гиппиус увидели в маршале Юзефе Пилсудском, главе польского правительства. Они надеялись, что он, сплотив вокруг Польши все антибольшевистские силы, избавит мир от большевизма. Однако 12 октября 1920 года Польша и Россия подписали перемирие. Было официально объявлено, что русским людям в Польше под страхом высылки из страны запрещается критиковать власть большевиков.

Через неделю Гиппиус, Мережковский и Злобин выехали в Париж. Философов, попавший под сильнейшее влияние Савинкова, остался в Варшаве, где возглавил отдел пропаганды в Русском национальном комитете Польши.

Обосновавшись в Париже, где у них еще с дореволюционных времен осталась квартира, Мережковские возобновили знакомство с цветом русской эмиграции: Константином Бальмон-

том, Николаем Минским, Иваном Буниным, Иваном Шмелевым, Александром Куприным, Николаем Бердяевым и другими. Зинаида Николаевна вновь очутилась в своей стихии. Снова вокруг нее бурлила жизнь, она постоянно печаталась – не только на русском, но и на немецком, французском, нескольких славянских языках. Только все больше горечи в ее словах, все больше тоски, отчаяния и яда в стихах...

В 1926 году Мережковские решили организовать литературное и философское общество «Зеленая лампа» – своего рода продолжение одноименного общества начала XIX века, в котором принимал участие А.С. Пушкин. Президентом общества стал Георгий Иванов, а секретарем – Злобин. Мережковские хотели создать что-то вроде «инкубатора идей», среду для обсуждения важнейших вопросов. Общество сыграло видную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции и в течение ряда лет собирало лучших ее представителей.

Собрания были закрытыми: гости приглашались по списку, с каждого взималась небольшая плата, шедшая на аренду помещения. Постоянными участниками собраний были Иван Бунин, Борис Зайцев, Михаил Алданов, Алексей Ремизов, Надежда Тэффи, Николай Бердяев и многие другие. Прекратилось существование общества только с началом Второй мировой войны в 1939 году.

С годами Гиппиус менялась мало. И вдруг оказалось, что она осталась среди эмигрантских литераторов практически одна: старое поколение, ее бывшие соратники, постепенно сошло с литературной сцены, многие уже умерли, а новому поколению, начавшему свою деятельность уже в эмиграции, она не была близка. И она сама это понимала: в «Сиянии», книге стихов, вышедшей в 1938 году, было очень много горечи, разочарования, одиночества, ощущения потери привычного мира. А новый мир ускользал от нее...

Мережковский в своей ненависти к коммунизму последовательно ставил на всех диктаторов в Европе. В конце 30-х годов он увлекся идеями фашизма, лично встречался с Муссолини. В нем Мережковский видел возможного спасителя Европы от «коммунистической заразы». Зинаида Николаевна не разделяла этого представления – любой тиран был ей отвратителен.

В 1940 году Мережковские переехали в Биарриц. Вскоре Париж был оккупирован немцами, все русские журналы и газеты закрыты. Эмигрантам пришлось оставить литературу и лишь стараться не связываться с оккупантами.

Отношение Гиппиус к фашистской Германии было двойственно. С одной стороны, она, ненавидя большевизм, надеялась, что Гитлер поможет сокрушить большевиков. С другой стороны, для нее был неприемлем любой вид деспотизма, она отрицала войну и насилие. И хотя Зинаида Николаевна страстно хотела видеть Россию свободной от большевизма, она никогда не сотрудничала с гитлеровцами. Она всегда оставалась на стороне России.

Летом 1941 года, вскоре после нападения Германии на СССР, Владимир Злобин вместе со своей немецкой знакомой без ведома Гиппиус привели Мережковского на немецкое радио. Таким образом они хотели облегчить тяжелое материальное положение Дмитрия Сергеевича и Зинаиды Николаевны. Мережковский выступил с речью, где стал сравнивать Гитлера с Жанной д'Арк, призванной спасти мир от власти дьявола, говорил о победе духовных ценностей, которые несут на своих штыках немецкие рыцари-воины... Гиппиус, узнав об этом выступлении, кипела от гнева и возмущения. Однако она не смогла оставить мужа, особенно теперь. Ведь после этой речи от них отвернулись практически все. 7 декабря 1941 года Дмитрий Сергеевич скончался. Проводить его в последний путь пришли лишь несколько человек...

Незадолго перед смертью он совершенно разочаровался в Гитлере.

После смерти мужа Зинаида Николаевна была немного не в себе. Сначала она с трудом восприняла его смерть, даже хотела покончить с собой, выбросившись из окна. Затем вдруг успокоилась, говоря, что Дмитрий Сергеевич жив, даже разговаривала с ним.

Она пережила его на несколько лет. Зинаида Гиппиус умерла 9 сентября 1945 года, ей было 76. Ее смерть вызвала целый взрыв эмоций. Ненавидевшие Гиппиус не верили в ее

смерть, приходили и для того, чтобы лично убедиться в том, что она мертва, стучали по гробу палками. Те немногие, кто уважали и ценили ее, видели в ее смерти конец целой эпохи... Иван Бунин, никогда не приходивший на похороны, – он панически боялся смерти и всего, что с ней связано, – практически не отходил от гроба. Ее похоронили на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, рядом с мужем Дмитрием Мережковским.

Легенда ушла в небытие. А потомкам остались несколько сборников стихов, драмы, романы, тома критических статей, несколько книг воспоминаний – и память. Память о великой женщине, старавшейся держаться в тени великого мужа и осветившей светом своей души русскую литературу.

Анна Ахматова

Северная звезда

...Ее называли «Северной звездой», хотя родилась она на Черном море. Она прожила долгую и очень насыщенную жизнь, в которой были войны, революции, потери и очень мало простого счастья. Ее знала вся Россия, но были времена, когда даже ее имя было запрещено упоминать. Великий поэт с русской душой и татарской фамилией – Анна Ахматова.



Та, кого потом вся Россия узнает под именем Анны Ахматовой, родилась 11(24) июня 1889 года в пригороде Одессы, Большом Фонтане. Ее отец, Андрей Антонович Горенко, был морским инженером, мать, Инна Эразмовна, посвятила себя детям, которых в семье было шесть: Андрей, Инна, Анна, Ия, Ирина (Рика) и Виктор. Рика умерла от туберкулеза, когда Ане было пять лет. Рика жила у тети, и ее смерть держали в тайне от остальных детей. Тем

не менее Аня почувствовала, что случилось, – и как она потом говорила, эта смерть пролегла тенью через все ее детство.

Когда Ане было одиннадцать месяцев, семья перебралась на север: сначала в Павловск, затем в Царское Село. Но каждое лето неизменно проводили на берегу Черного моря. Аня прекрасно плавала – по словам ее брата, она плавала как птица.

Аня росла в атмосфере, довольно необычной для будущего поэта: в доме почти не было книг, кроме толстого тома Некрасова, который Ане разрешалось читать на каникулах. У матери вкус к поэзии был: она читала детям наизусть стихи Некрасова и Державина, их она знала множество. Но почему-то все были уверены в том, что Аня станет поэтессой, – еще до того, как ею была написана первая стихотворная строчка.

Аня довольно рано начала говорить по-французски – научилась, наблюдая за занятиями старших детей. В десять лет поступила в гимназию в Царском Селе. Через несколько месяцев Аня тяжело заболела: неделю пролежала в бесспамятстве; думали, что она не выживет. Когда пришла в себя, она некоторое время оставалась глухой. Позднее один из врачей предположил, что эта была оспа – которая, однако, не оставила никаких видимых следов. След остался в душе: именно с тех пор Аня стала писать стихи.

Ближайшей подругой Ани в Царском Селе была Валерия Тюльпанова (в замужестве Срезневская), семья которой жила в том же доме, что и Горенко. В канун Рождества 1903 года Аня и Валя встретили знакомых брата Вали Сергея – Митю и Колю Гумилевых, у которых была общая с Сергеем учительница музыки. Гумилевы проводили девочек домой, и если на Валу и Аню эта встреча не произвела никакого впечатления, то для Николая Гумилева в этот день началось его самое первое – и самое страстное, глубокое и долгое чувство. Он влюбился в Аню с первого взгляда.

Она поразила его не только своей неординарной внешностью – а Аня была красива очень необычной, таинственной, завораживающей красотой, сразу привлекающей к себе внимание: высокая, с длинными густыми черными волосами, с лучистыми серыми глазами на практически белом лице, ее профиль напоминал античные камеи. Валерия Срезневская так описывала ее: «Характерный рот с резко вырезанной верхней губой – тонкая и гибкая, как ивовый прутик, – с очень белой кожей – она (особенно в воде царскосельской купальни) прекрасно плавала и ныряла, выучившись этому на Черном море... Она казалась русалкой, случайно заплывшей в темные неподвижные воды царскосельских прудов. Немудрено, что Николай Гумилев сразу и на долгие годы влюбился в эту, ставшую роковой, женщину своей музы»... Аня ошеломила его полной непохожестью на все, окружавшее их в Царском Селе. Целых десять лет она занимала главное место и в жизни Гумилева, и в его творчестве.

Коля Гумилев, всего на три года старше Ани, уже тогда осознавал себя поэтом, был горячим поклонником французских символистов. Он скрывал неуверенность в себе за высокомерием, внешнюю некрасивость пытался компенсировать загадочностью, не любил ни в чем никому уступать. Гумилев самоутверждался, сознательно выстраивая свою жизнь по определенному образцу, и роковая, неразделенная любовь к необыкновенной, неприступной красавице была одним из необходимых атрибутов избранного им жизненного сценария.

Он забрасывал Аню стихами, пытался поразить ее воображение различными эффектными безумствами – например, в день ее рождения принес ей букет из цветов, сорванных под окнами императорского дворца. На Пасху 1905 года он пытался покончить с собой – и Аня была так этим потрясена и напугана, что перестала с ним встречаться.

В том же году расстались родители Ани. Отец, выйдя в отставку, поселился в Петербурге, а мать с детьми уехала в Евпаторию. Ане пришлось срочно готовиться к поступлению в последний класс гимназии – из-за переездов она сильно отстала. Занятия скрашивались тем, что между нею и репетитором вспыхнул роман: первый в ее жизни, страстный, трагический – как только обо всем стало известно, учителя тут же рассчитали – и далеко не последний.

Весной 1906 года Аня поступила в Киевскую гимназию. На лето она вернулась в Евпаторию, где к ней заехал – по пути в Париж – Гумилев. Они помирились и переписывались всю зиму, пока Аня училась в Киеве.

В Париже Гумилев принимал участие в издании небольшого литературного альманаха «Сириус», где опубликовал одно стихотворение Ани. Ее отец, узнав о поэтических опытах дочери, просил не срамить его имени. «Не надо мне твоего имени», – ответила она и взяла себе фамилию своей прабабушки, Прасковьи Федосеевны, чей род восходил к татарскому хану Ахмату. Так в русской литературе появилось имя Анны Ахматовой.

Сама Аня отнеслась к своей первой публикации совершенно легкомысленно, посчитав, что на Гумилева «нашло затмение». Гумилев тоже не воспринимал поэзию своей возлюбленной всерьез – оценил ее стихи он лишь через несколько лет. Впервые услышав ее стихи, Гумилев сказал: «А может быть, ты лучше будешь танцевать? Ты гибкая...».

Гумилев постоянно приезжал из Парижа навестить ее, а летом, когда Аня вместе с матерью жили в Севастополе, поселился в соседнем доме, чтоб быть ближе к ним.

Вернувшийся в Париж Гумилев сначала отправляется в Нормандию – там его даже арестовали за бродяжничество, а в декабре он снова пытается покончить с собой. Спустя сутки его нашли без сознания в Булонском лесу...

Осенью 1907 года Анна поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве – ее привлекали история права и латынь. В апреле следующего года Гумилев, заехав в Киев по пути из Парижа, вновь безуспешно делает ей предложение. Следующая встреча была летом 1908 года, когда Аня приехала в Царское Село, а затем – когда Гумилев по дороге в Египет останавливался в Киеве. В Каире, в саду Эзбекие, он предпринял еще одну, последнюю, попытку самоубийства. После этого случая мысль о самоубийстве стала ему ненавистна.

В мае 1909 года Гумилев приехал к Ане в Люстдорф, где она тогда жила, ухаживая за больной матерью, и снова получил отказ. Но в ноябре она вдруг – неожиданно – уступила его уговорам. Они встретились в Киеве на артистическом вечере «Остров искусств». До конца вечера Гумилев не отходил от Ани ни на шаг – и она наконец согласилась стать его женой.

Тем не менее, как отмечает в своих воспоминаниях Валерия Срезневская, в то время Гумилеву была отведена в сердце Ахматовой далеко не первая роль. Аня все еще была влюблена в того самого репетитора, петербургского студента Владимира Голенищева-Кутузова – хотя тот уже долгое время не давал о себе знать. Но, соглашаясь на брак с Гумилевым, она принимала его не как любовь – но как свою Судьбу.

Они обвенчались 25 апреля 1910 года в Никольской слободке под Киевом. Родственники Ахматовой считали брак заведомо обреченным на неудачу – и никто из них не пришел на венчание, что глубоко ее оскорбило.

После свадьбы Гумилевы уехали в Париж. Здесь она знакомится с Амедео Модильяни – тогда никому не известным художником, который делает множество ее портретов. Сохранился из них только один – остальные погибли в блокаду. Между ними даже завязывается что-то похожее на роман – но, как вспоминает сама Ахматова, у них было слишком мало времени, чтобы могло произойти что-нибудь серьезное.

В конце июня 1910 года Гумилевы, вернувшись в Россию, поселились в Царском Селе. Гумилев представил Анну своим друзьям-поэтам. Как вспоминает один из них, когда стало известно о женитьбе Гумилева, никто поначалу не знал, кто невеста. Потом выяснили: обыкновенная женщина... То есть не негрityнка, не арабка, даже не француженка, как можно было бы ожидать, зная экзотические пристрастия Гумилева. Познакомившись с Анной, поняли – необыкновенная...

Сколь ни сильны были чувства, сколь ни упорны были ухаживания, но вскоре после свадьбы Гумилев стал тяготиться семейными узами. 25 сентября он вновь отправляется в Абиссинию. Ахматова, предоставленная самой себе, с головой ушла в поэзию. Когда Гумилев в конце

марта 1911 года вернулся в Россию, он спросил у жены, встречавшей его на вокзале: «Писала?» Та кивнула. «Тогда читай!» И Аня показала ему написанное. Он сказал: «Хорошо». И с этого времени стал относиться к ее творчеству с большим уважением.

Весной 1911 года Гумилевы снова едут в Париж, затем проводят лето в имении матери Гумилева Слепнево, под Бежецком в Тверской губернии.

Осенью, когда супруги вернулись в Царское Село, Гумилев с товарищами решили организовать объединение молодых поэтов, назвав его «Цех поэтов». Вскоре Гумилев на основе Цеха основал движение акмеизма, противопоставляемого символизму. Последователей акмеизма было шестеро: Гумилев, Осип Мандельштам, Сергей Городецкий, Анна Ахматова, Михаил Зенкевич и Владимир Нарбут.

Термин «акмеизм» происходит от греческого «акмэ» – вершина, высшая степень совершенства. Но многие отмечали созвучие названия нового течения с фамилией Ахматовой.

Весной 1912 года выходит первый сборник Ахматовой «Вечер», тиражом всего 300 экземпляров. Критика встретила его очень благожелательно. Многие стихотворения этого сборника были написаны во время путешествия Гумилева по Африке. Молодая поэтесса немедленно стала очень известна. Слава буквально обрушилась на нее. Ей пытались подражать – появилось множество поэтесс, пишущих стихи «под Ахматову», – их стали называть «подахматовки». За короткое время Ахматова из простой, взбалмошной, смешливой девушки стала той величественной, горделивой, царственной Ахматовой, которая запомнилась всем, кто ее знал. А после того как в журналах стали публиковаться ее портреты – а рисовали ее много и многие, – начали подражать и ее внешнему виду: знаменитая челка и «ложноклассическая» шаль появились у каждой второй.

Весной 1912 года, когда Гумилевы едут в путешествие по Италии и Швейцарии, Анна уже была беременна. Лето она проводит с матерью, а Гумилев – в Слепневе.

Сын Ахматовой и Гумилева Лев родился 1 октября 1912 года. Почти сразу же его забрала к себе мать Николая, Анна Ивановна, – и Аня не слишком сопротивлялась. В итоге Лева почти шестнадцать лет прожил с бабушкой, видя родителей лишь изредка...

Уже через несколько месяцев после рождения сына, в начале весны 1913 года, Гумилев отправился в свое последнее путешествие по Африке – в качестве начальника экспедиции, организованной Академией наук.

В его отсутствие Анна ведет активную светскую жизнь. Признанная красавица, обожаемый поэт, она буквально купается в славе. Ее рисуют художники, ей посвящают стихи собратья по поэтическому цеху, одолевают поклонники... В поклонении мужчин она находит и развлечение, и вдохновение, и – в некоторой мере – удовлетворение своих обид на Гумилева. Он, который так долго и страстно добивался ее любви, как оказалось, не был способен на постоянство. Он влюблялся и до свадьбы (например, в августе 1907 года в Париже он познакомился с Елизаветой Дмитриевой, будущей Черубиной де Габриак, и даже делал ей предложение), и после – ему было необходимо состояние влюбленности и для творчества, и просто для того, чтобы чувствовать себя уверенно. Всего через год после рождения сына Левы у Гумилева рождается сын Орест – от Ольги Выготской. Через двадцать лет Выготская и Ахматова будут вместе стоять в тюремных очередях; братья встретятся только в конце тридцатых...

В начале 1914 года выходит второй сборник Ахматовой «Четки». Хотя критика приняла его несколько прохладно – Ахматовой ставили в вину то, что она повторяется, – сборник имел оглушительный успех. Даже несмотря на военное время, его четыре раза переиздавали.

Ахматову повсеместно признали одним из крупнейших поэтов того времени. Ее постоянно окружали толпы воздыхателей. Гумилев даже говорил ей: «Аня, больше пяти неприлично!» Ей поклонялись и за талант, и за ум, и за красоту. Она дружила с Блоком, роман с которым ей упорно приписывали (основанием для этого послужил обмен стихами, которые были опубликованы), с Мандельштамом (который был не только одним из ее ближайших дру-

зей, но в те годы пытался за нею ухаживать – правда, безуспешно), Пастернаком (по ее собственным словам, Пастернак семь раз делал ей предложение, хотя и не был по-настоящему влюблен). Одним из самых близких ей людей тогда был Николай Недоброво, написавший в 1915 году статью о ее творчестве, которую сама Ахматова считала лучшей из того, что было написано о ней за всю ее жизнь. Недоброво был отчаянно влюблен в Ахматову. В 1914 году Недоброво познакомил Ахматову со своим лучшим другом, поэтом и художником Борисом Анрепом. Анреп, живший и учившийся в Европе, вернулся на родину, чтобы участвовать в войне. Между ними начался бурный роман, и вскоре Борис вытеснил Недоброво и из ее сердца, и из ее стихов. Недоброво очень тяжело пережил это и навсегда разошелся с Анрепом. Хотя встречаться Анне и Борису удавалось нечасто, эта любовь была одной из сильнейших в жизни Ахматовой. Перед окончательной отправкой на фронт Борис подарил ей престольный крест, найденный им в разрушенной церкви в Галиции.

Уехал на фронт и Гумилев. Весной 1915 года он был ранен, и Ахматова постоянно навещала его в госпитале. Лето она, как обычно, провела в Слепневе – там была написана большая часть стихов для следующего сборника. В августе умер ее отец. К этому времени она уже сама была тяжело больна – туберкулез. Врачи посоветовали ей немедленно уехать на юг. Она некоторое время живет в Севастополе, навещает в Бахчисарае Недоброво – как оказалось, это была их последняя встреча; в 1919 году он умер. В декабре врачи разрешили Ахматовой вернуться в Петербург, где она продолжает встречаться с Анрепом. Встречи были редки, но тем сильнее ждала их влюбленная Анна.

В 1916 году Борис уехал в Англию – собирался на полтора месяца, остался на полтора года. Перед отъездом он навестил Недоброво с женой, у которых тогда была Ахматова. Они простились, и он уехал. На прощание они обменялись кольцами. Вернулся он накануне Февральской революции. Через месяц Борис, с риском для жизни, под пулями, перешел по льду Неву, чтобы сказать Анне, что он навсегда уезжает в Англию.

За последующие годы она получила от него лишь несколько писем. В Англии Анреп стал известен как художник-мозаичист. На одной из своих мозаик он изобразил Анну – ее он выбрал моделью для фигуры сострадания. В следующий раз – и в последний – они увиделись только в 1965 году, в Париже.

Борису Анрепу посвящено большинство стихотворений из сборника «Белая стая», вышедшего в 1917 году.

Тем временем Гумилев, хотя и находится на действующем фронте – за доблесть он даже был награжден Георгиевским крестом, – ведет активную литературную жизнь. Он много публикуется, постоянно выступает с критическими статьями. Летом 17-го он оказался в Лондоне, а затем в Париже. Вспоминают такой случай: русские офицеры, волею судеб оказавшиеся в период революций вдали от родины, обсуждали свои дальнейшие планы. Кто-то хотел поехать в Африку – охотиться, кто-то наняться во французский Иностранный легион, кто-то еще куда-то... А Гумилев сказал: «В Африке я уже был; война мне уже надоела. А вот революции я еще ни разу не видел. Поеду в Россию...».

Гумилев вернулся в апреле 1918 года.

На следующий день Ахматова попросила его о разводе, сказав, что выходит замуж за Владимира Шилейко.

Владимир Казимирович Шилейко был известным ученым-ассирологом, а также переводчиком и поэтом. Известие о том, что Ахматова выйдет за этого некрасивого, совершенно не приспособленного к жизни, безумно ревнивого человека, стало полной неожиданностью для всех, кто ее знал. Как она потом говорила, ее привлекла возможность быть полезной великому человеку, а также то, что с Шилейко не будет того соперничества, которое было у нее с Гумилевым. Ахматова, переехав к нему в Фонтанный дом, полностью подчинила себя его воле: часами писала под его диктовку его переводы ассирийских текстов, готовила для него, колола дрова,

делала для него подстрочники статей из зарубежных изданий. Он держал ее буквально под замком, не разрешая никуда выходить, заставлял сжигать нераспечатанными все полученные письма, не давал писать стихов.

Помог ей ее друг, композитор Артур Лурье, с которым она подружилась еще в 1914 году. Под его руководством Шилейко, как бы для лечения ишиаса, увезли в больницу, где продержали месяц. За это время Ахматова поступила на службу в библиотеку Агрономического института – там давали дрова и казенную квартиру. Когда Шилейко выпустили из больницы, Ахматова предложила ему переехать к ней. Там хозяйкой была уже сама Ахматова, и Шилейко поутих. Окончательно они расстались летом 1921 года.

Тогда обнаружилось одно забавное обстоятельство: когда Ахматова переселилась к нему, Шилейко обещал сам оформить их брак – благо, тогда надо было всего лишь сделать запись в домовоей книге. А когда они разводились, Лурье по просьбе Ахматовой пошел в домком, чтобы аннулировать запись, – и выяснилось, что ее никогда не было.

Многие годы спустя она, смеясь, объясняла причины этого нелепого союза: «Это все Гумилев и Лозинский твердили в один голос – ассиролог, египтянин! Ну я и согласилась».

От Шилейко Ахматова переехала к своей давней подруге, танцовщице Ольге Глебовой-Судейкиной – бывшей жене художника Сергея Судейкина, одного из основателей известной «Бродячей собаки», звездой которой была красавица Ольга. Лурье, которому Ахматова дала отставку за ветреность, сошелся с Ольгой и вскоре уехал в Париж. Вслед за ним спустя два года уехала в эмиграцию и Ольга.

В августе 1921 года умер Александр Блок. На его похоронах Ахматова узнала страшную весть – по так называемому Таганцевскому делу арестован Гумилев. Через две недели его расстреляли. Его виной было лишь то, что он знал о готовящемся заговоре, но не донес.

В том же августе в Греции покончил с собой брат Анны – Андрей Горенко.

Впечатления от этих смертей вылились у Ахматовой в сборник стихотворений «Подорожник», который затем, дополненный, стал называться «Anno Domini MCMXXI» – то есть «Год 1921».

После этого сборника Ахматова не выпускала сборников долгие годы, только отдельные стихотворения. Новый режим не жаловал ее творчество – за интимность, аполитичность и «дворянские корни». Даже мнение Александры Коллонтай – в одной из своих статей она сказала, что поэзия Ахматовой привлекательна для молодых работниц тем, что правдиво изображает, как плохо мужчина обращается с женщиной, – не спасло Ахматову от критической травли. Черда статей заклеила поэзию Ахматовой как вредную, поскольку она ничего не пишет о труде, коллективизме и борьбе за светлое будущее.

В это время она осталась практически одна – все ее друзья или погибли, или эмигрировали. Сама же Ахматова эмиграцию считала совершенно для себя неприемлемой. По ее твердому убеждению, место поэта – на его родине.

Печататься становилось все труднее и труднее. В 1925 году на ее имя был наложен неофициальный запрет. Ее не печатали 15 лет.

Ранней весной 1925 года у Ахматовой опять обострение туберкулеза. Когда она лежала в санатории в Царском Селе – вместе с женой Мандельштама Надеждой Яковлевной, – ее постоянно навещал Николай Николаевич Пунин, историк и искусствовед. Примерно через год Ахматова согласилась переехать к нему в Фонтанный дом.

Пунин был очень красив – все говорили, что он похож на молодого Тютчева. Он работал в Эрмитаже, занимался современной графикой. Ахматову он очень любил – хотя и по-своему.

Официально Пунин оставался женат. Он жил в одной квартире со своей бывшей женой Анной Аренс и их дочерью Ириной. Хотя у Пунина и Ахматовой была отдельная комната, обедали все вместе, а когда Аренс уходила на службу, Ахматова присматривала за Ириной. Хотя

отношения Ахматовой с Аренс и ее дочерью были относительно спокойными – по крайней мере, до открытой войны дело не доходило, – ситуация была крайне напряженной.

Не имея возможности печатать стихи, Ахматова углубилась в научную работу. Она занялась исследованием Пушкина, заинтересовалась архитектурой и историей Петербурга. Много помогала Пунину в его исследованиях, переводя ему французские, английские и итальянские научные труды. Эти языки Ахматова знала в совершенстве – правда, английский и итальянский только в письменной форме; когда она говорила, понять ее было практически невозможно – ее произношение не имело никакого отношения к оригиналу и являлось результатом собственных представлений Ахматовой о том, как же должно звучать то или другое слово... А летом 1928 года к Ахматовой переехал ее сын Лева, которому к тому времени было уже 16 лет. Обстоятельства смерти его отца препятствовали продолжению его учебы. Его с трудом удалось пристроить в школу, где директором был брат Николая Пунина Александр. Потом Лев поступил на исторический факультет Ленинградского университета.

В 1930 году Ахматова попыталась уйти от Пунина, но тот сумел убедить ее остаться, угрожая самоубийством. Ахматова осталась жить в Фонтанном доме, лишь ненадолго покидая его.

К этому времени крайняя бедность быта и одежды Ахматовой уже так бросалась в глаза, что не могла оставаться незамеченной. Многие находили в этом особую элегантность Ахматовой. В любую погоду она носила старую фетровую шляпу и легкое пальто. Лишь когда умерла одна из ее старых подруг, Ахматова облачилась в завещанную ей покойной старую шубу и не снимала ее до самой войны. Очень худая, все с той же знаменитой челкой, она умела произвести впечатление, как бы бедны ни были ее одежды, и ходила по дому в ярко-красной пижаме во времена, когда еще не привыкли видеть женщину в брюках.

Все знавшие ее отмечали ее неприспособленность к быту. Она не умела готовить, никогда не убирала за собой. Деньги, вещи, даже подарки от друзей никогда у нее не задерживались – практически сразу же она раздавала все тем, кто, по ее мнению, нуждался в них больше. Сама она многие годы обходилась самым минимумом – но даже в нищете она оставалась королевой.

В 1934 году арестовали Осипа Мандельштама – Ахматова в этот момент была у него в гостях. А через год, после убийства Кирова, были арестованы Лев Гумилев и Николай Пунин. Ахматова бросилась в Москву хлопотать, ей удалось передать в Кремль письмо. Вскоре тех освободили, но это было только начало.

Пунин стал явно тяготиться браком с Ахматовой, который теперь, как оказалось, был еще и опасен для него. Он всячески демонстрировал ей свою неверность, говорил, что ему с нею скучно, – и все же не давал уйти. К тому же уходить было некуда – своего дома у Ахматовой не было...

В марте 1938 года был вновь арестован Лев Гумилев, и на сей раз он просидел семнадцать месяцев под следствием и был приговорен к расстрелу. Но в это время его судьи сами были репрессированы, и его приговор заменили на ссылку.

В ноябре этого же года Ахматовой наконец удалось порвать с Пуниным – но Ахматова лишь переехала в другую комнату той же квартиры. Она жила в крайней нищете, обходясь часто лишь чаем и черным хлебом. Каждый день выстаивала бесконечные очереди, чтобы передать сыну передачу. Именно тогда, в очереди, она начала писать цикл «Реквием». Стихи цикла очень долго не записывались – они держались в памяти самой Ахматовой и нескольких ее ближайших друзей.

Совершенно неожиданно в 1940 году Ахматовой разрешили печататься. Сначала вышло несколько отдельных стихов, затем позволили выпустить целый сборник «Из шести книг», в который, правда, в основном вошли избранные стихи из предыдущих сборников. Тем не менее книга вызвала ажиотаж: ее смели с прилавков за несколько часов, за право ее прочесть люди дрались.

Однако уже через несколько месяцев издание книги сочли ошибкой, ее стали изымать из библиотек.

Когда началась война, Ахматова почувствовала новый прилив сил. В сентябре, во время тяжелых бомбежек, она выступает по радио с обращением к женщинам Ленинграда. Вместе со всеми она дежурит на крышах, роет окопы вокруг города. В конце сентября ее по решению горкома партии самолетом эвакуируют из Ленинграда – по иронии судьбы, теперь ее признали достаточно важной персоной, чтобы спасти... Через Москву, Казань и Чистополь Ахматова оказалась в Ташкенте.

В Ташкенте она поселилась вместе с Надеждой Мандельштам, постоянно общалась с Лидией Корнеевной Чуковской, подружилась с жившей неподалеку Фаиной Раневской – эту дружбу они пронесли через всю жизнь. Почти все ташкентские стихи были о Ленинграде – Ахматова очень волновалась за свой город, за всех, кто остался там. Особенно тяжело ей было без своего друга, Владимира Георгиевича Гаршина. После расставания с Пуниным он стал играть большую роль в жизни Ахматовой. По профессии врач-патологоанатом, Гаршин очень заботился о ее здоровье, которым Ахматова, по его словам, преступно пренебрегала. Гаршин тоже был женат, его жена, тяжелобольная женщина, требовала его постоянного внимания. Но он был очень интеллигентный, образованный, интереснейший собеседник, и Ахматова очень привязалась к нему. В Ташкенте она получила от Гаршина письмо о смерти его жены. В другом письме Гаршин попросил ее выйти за него замуж, и она приняла его предложение. Согласилась даже взять его фамилию.

В апреле 1942 года через Ташкент в Самарканд эвакуировался Пунин с семьей. И хотя отношения между Пуниным и Ахматовой после расставания были очень плохими, Ахматова пришла с ним повидаться. Из Самарканда Пунин написал ей, что она была главным в его жизни. Это письмо Ахматова хранила как святыню.

В начале 1944 года Ахматова уехала из Ташкента. Сначала она приехала в Москву, где выступила на устроенном в зале Политехнического музея вечере. Ее принимали так бурно, так восторженно, что она даже испугалась. При ее появлении зал встал. Говорят, когда Сталин узнал об этом, он спросил: «Кто организовал вставание?»

Всем знакомым она говорила, что едет в Ленинград к мужу, мечтала, как будет жить с ним... И тем страшнее был удар, который ждал ее там.

Встречавший ее на перроне Гаршин спросил: «И куда вас везти?» Ахматова онемела. Как выяснилось, он, не сказав никому ни слова, женился... Гаршин разрушил все ее надежды на обретение дома, которого у нее давно не было. Этого она ему никогда не простила.

Впоследствии Ахматова говорила, что, по всей видимости, Гаршин сошел с ума от голода и ужасов блокады.

Умер Гаршин в 1956 году. В день его смерти брошь, которую он когда-то подарил Ахматовой, раскололась пополам...

В этом была трагедия Ахматовой: рядом с ней, сильной женщиной, почти всегда оказывались слабые мужчины, пытавшиеся переложить на нее свои проблемы, и никогда не было человека, способного помочь ей справиться с ее собственными бедами...

После возвращения из Ташкента у нее изменилась манера поведения – она стала более простой, спокойной и вместе с тем более отдаленной. Ахматова отказалась от своей знаменитой челки, после перенесенного в Ташкенте тифа она стала полнеть. Казалось, Ахматова возродилась из пепла для новой жизни. К тому же ее вновь признали власти. За свои патриотические стихи она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Готовились к печати ее исследования о Пушкине, большая подборка стихов. В 1945 году, к огромной радости Ахматовой, вернулся Лев Гумилев. Из ссылки, которую он отбывал с 1939 года, ему удалось попасть на фронт. Мать с сыном зажили вместе. Казалось, что жизнь налаживается.

Осенью 1945 года Ахматову познакомили с литературоведом Исайей Берлиным, в то время сотрудником британского посольства. Берлин пришел к Ахматовой в гости, но во время их разговора Берлин с ужасом услышал, как кто-то во дворе зовет его по имени. Как оказалось, это был Рэндальф Черчилль, сын Уинстона Черчилля, журналист. Момент был кошмарный и для Берлина, и для Ахматовой. Контакты с иностранцами – особенно сотрудниками посольств – в то время, мягко говоря, не приветствовались. Личную встречу еще можно было бы не увидеть – но когда сын английского премьер-министра орет во дворе, это вряд ли пройдет незамеченным.

Тем не менее Берлин навестил Ахматову еще несколько раз.

Берлин был последним из тех, кто оставил след в сердце Ахматовой. Когда самого Берлина спрашивали о том, было ли у них что-то с Ахматовой, он говорил: «Я никак не решу, как мне лучше отвечать...».

14 августа 1946 года вышло постановление ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Журналы клеймились за то, что они предоставляют свои страницы двум идеологически вредным писателям – Зощенко и Ахматовой. Меньше чем через месяц Ахматова была исключена из Союза писателей, лишена продовольственных карточек, ее книга, уже находившаяся в печати, была уничтожена.

По словам Ахматовой, многие писатели, захотевшие после войны вернуться в Россию, после постановления передумали. Таким образом, это постановление она считала началом холодной войны. В этом она была убеждена так же абсолютно, как в том, что сама холодная война была вызвана ее встречей с Исайей Берлиным, которую она находила роковой, имеющей космическое значение. Она была твердо убеждена, что все дальнейшие неприятности были вызваны именно ею.

В 1956 году, когда он снова был в России, она отказалась с ним встречаться – не хотела снова навлечь на себя гнев властей...

После постановления она оказалась в полнейшей изоляции – с теми, кто не отвернулся от нее, она сама старалась не встречаться, чтобы не навредить. Тем не менее люди продолжали к ней приходить, приносить продукты, а по почте ей постоянно присылали продуктовые карточки. Критика ополчилась на нее – но для нее это было куда менее страшно, чем полное забвение. Любое событие она называла лишь новым фактом в своей биографии, а от биографии она отказываться не собиралась. В это время она всю работу над своим центральным произведением – «Поэмой без героя».

В 1949 году был снова арестован Николай Пунин, а затем и Лев Гумилев. Льву, единственное преступление которого было в том, что он был сыном своих родителей, предстояло провести семь лет в лагере, а Пунину суждено было там погибнуть.

В 1950 году Ахматова, ломая себя, во имя спасения сына написала цикл стихотворений «Слава миру», прославляющий Сталина. Однако Лев вернулся только в 1956 году – и то для его освобождения пришлось долго хлопотать... Из лагеря он вышел с убеждением, что мать ничего не делала для облегчения его участи, – ведь ей, такой знаменитой, не смогли бы отказать! Пока они жили вместе, их отношения были очень натянутыми, потом, когда Лев стал жить отдельно, почти совсем прекратились.

Он стал известнейшим ученым-востоковедом. Историей Востока он увлекся, находясь в ссылке в тех краях. Его труды и сейчас считаются одними из важнейших в исторической науке. Ахматова очень гордилась сыном.

С 1949 года Ахматова начинает заниматься переводами – корейские поэты, Виктор Гюго, Рабиндранат Тагор, письма Рубенса... Раньше она отказывалась заниматься переводами, считая, что они отнимают время от собственных стихов. Теперь пришлось – это давало и заработок, и относительно официальный статус.

В 1954 году Ахматова совершенно случайно заработала себе прощение. Приехавшая из Оксфорда делегация пожелала встретиться с опальными Зощенко и Ахматовой. Ее спросили, что она думает о постановлении, – и она, искренне полагая, что не дело иностранцев, не разбирающихся в истинном положении дел, задавать подобные вопросы, ответила просто, что согласна с постановлением. Больше ей вопросов не задавали. Зощенко же начал что-то странно объяснять – и этим навредил себе еще больше.

Запрет с имени Ахматовой был снова снят. Ей даже выделили от Союза писателей – хотя Ахматову исключили из него, как переводчик она могла считаться писательницей – дачу в писательском поселке Комарово под Ленинградом; этот дом она называла будкой. А в 1956 году – во многом благодаря хлопотам Александра Фадеева – был освобожден Лев Гумилев.

Последние десять лет жизни Ахматовой совершенно не походили на предыдущие годы. Ее сын был на свободе, она наконец получила возможность печататься. Она продолжала писать – и писала много, словно торопясь высказать все, что ей не давали сказать раньше. Теперь мешали только болезни: были серьезные проблемы с сердцем, из-за полноты ей было тяжело ходить. До последних лет Ахматова была царственна и величава, писала любовные стихи и предупреждала приходящих к ней молодых людей: «Только не надо в меня влюбляться! Мне это уже не нужно». Она была окружена молодыми – детьми ее старых друзей, поклонниками ее поэзии, учениками. Особенно она сдружилась с молодыми ленинградскими поэтами: Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Дмитрием Бобышевым, Глебом Горбовским и Иосифом Бродским. После ее смерти их назовут «ахматовскими сиротами».

Ахматова получила возможность выезжать за границу. В 1964 году ей была присуждена в Италии международная поэтическая премия «Этна-Таормина», а в 1965-м за ее научные работы в области пушкиноведения Оксфордский университет присвоил ей почетную степень доктора литературы. В Лондоне и Париже, куда она заехала на обратном пути, она смогла снова встретиться с друзьями своей молодости – Саломеей Гальперн, Юрием Анненковым, который когда-то рисовал ее, Исайей Берлиным, Борисом Анрепом... Она прощалась со своей молодостью, со своей жизнью.

Ахматова умерла 5 марта 1966 года – по иронии судьбы, в годовщину смерти Сталина, которую любила отмечать. Перед отправкой в Ленинград ее тело лежало в московском морге при больнице, расположенной в здании старого Шереметевского дворца, на котором, как и на Фонтанном доме, был изображен герб с девизом, прозвучавшим в «Поэме без героя»: «Deus conservat omnia» – «Бог сохраняет все».

После отпевания в Никольском соборе Ленинграда Анна Андреевна Ахматова была похоронена в Комарове – недалеко от своего единственного за много лет настоящего дома. Толпы людей провожали ее в последний путь – путь в Вечность...

Мария Закревская-Бенкендорф-Будберг Сильнее, чем жизнь



Мария Игнатьевна Закревская, графиня Бенкендорф, баронесса Будберг... Ее называли «красной Мата Хари», «железной женщиной», «русской миледи», «беззаконной кометой». Может быть, целью ее жизни было создать легенду о себе самой – легенду, где правда так тесно переплеталась бы с вымыслом, что уже никто не смог бы отделить одно от другого. Она коллекционировала мужей, оставляя себе их фамилии, и великих мужчин, оставляя огненный след в их жизни. У нее было столько масок, что казалось, за ними никого нет. Но она все-таки была – Мура Закревская-Бенкендорф-Будберг...

Всю жизнь Мура с гордостью сообщала о себе, что была правнучкой Аграфены Федоровны Закревской, жены московского генерал-губернатора – известной красавицы, воспетой Пушкиным «медной Венеры». Все знавшие ее не сомневались в этом – Вячеслав Ходасевич часто говорил Муре: «Искать примеров, как нужно жить, не нужно, когда была такая бабушка». На самом деле отец Муры Игнатий Платонович Закревский не имел к тем Закревским никакого отношения. Он происходил из Черниговской губернии, откуда переехал с семьей в Петербург, где дослужился до высоких чинов в сенате. У него было четверо детей – Платон (от пер-

вого брака), близнецы Анна и Александра и младшая Мария, родившаяся в 1892 году. После Института благородных девиц Муру отправили в Англию, где в посольстве служил ее брат Платон Игнатьевич, – для усовершенствования английского языка, который Мура знала с детства. Она провела зиму в кембриджской женской школе Ньюнхам; потом она утверждала, что закончила Кембриджский университет. Посол граф Бенкендорф покровительствовал Платону Закревскому, и в его доме Мура имела возможность познакомиться со всем цветом английского общества и российской дипломатии. В 1911 году Мура вышла замуж за Ивана Александровича Бенкендорфа – атташе посольства и дальнего родственника посла. Мура всегда называла его графом; на самом деле он принадлежал к боковой ветви этого известного рода, не имевшей прав на титул. Через год Ивана Александровича назначили секретарем русского посольства в Германии. На придворном балу Мура была представлена кайзеру Вильгельму. Жизнь обещала быть легкой и веселой... Иван Александрович повез Муру в Эстляндию (Эстонию), где у него было родовое поместье Янеда, а затем в Петербург и Ревель (ныне Таллин), где у него было множество родственников. В 1913 году у Бенкендорфов родился сын Павел, через два года – дочь Татьяна. За эти два года многое произошло: началась война, и посольство было вынуждено вернуться в Россию; Бенкендорфы обосновались в Петербурге. Мура начала работать в военном госпитале – все дамы из высших кругов считали своим долгом помогать раненым. Иван Александрович служил в военной цензуре.

Фронт проходил всего в четырехстах километрах от Петрограда, по территории Лифляндии (Латвии). Тем не менее петербургский свет продолжал выезжать на лето в свои эстонские и финские поместья. Летом 1917 года Иван Александрович и Мура с детьми выехали в Янеда, где предполагали остаться до поздней осени. Но после октябрьских событий возвращаться в город было опасно – и не менее опасно было оставаться. Мура вернулась в Петербург одна – присмотреть за квартирой и разведать обстановку. Немцы все ближе подходили к Ревелю; Мура уже собралась возвращаться, но тут пришло известие: крестьяне из соседней деревни пришли ночью в имение, зверски убили Ивана Александровича и сожгли дом. Гувернантка едва успела спасти детей, укрывшись у соседей.

Добраться до Ревеля было невозможно; из петроградской квартиры Муру выгнали – туда вселился Комитет бедноты; все знакомые или уехали, или находились в таком же бедственном положении, как она. Английское посольство – единственное место, где, как казалось Муре, ей могли бы помочь, – готовилось к срочному переезду в Москву. На вокзале посольство провожали русские жены английских дипломатов – княжна Урусова, балерина Тамара Карсавина, графиня Ностиц – и Мура... Вскоре она тоже переехала в Москву.

Из прежних ее знакомых в английском посольстве остался только молодой дипломат Роберт Брюс Локкарт, с которым Мура познакомилась еще в Англии.

Впервые Локкарт приехал в Россию в 1912 году. Его назначили вице-консулом в Москву, хотя основной его задачей было выполнение различного рода особых поручений. Очень быстро выучив русский язык, он свел близкие знакомства с цветом московского общества. Отличавшийся безграничным обаянием и неимоверной работоспособностью, он быстро дослужился до генерального консула и параллельно начал журналистскую карьеру. Его жена, потеряв при родах первого ребенка, рожать второго уехала в Англию – и на этом Локкарт счел свою семейную жизнь фактически законченной.

Слухи о романах молодого консула разошлись настолько широко, что в начале осени 1917 года ему было приказано на время вернуться в Англию – навестить семью. Когда он через четыре месяца приехал обратно, Москва – как и вся Россия – изменилась до неузнаваемости. Он увидел Муру на третий день после приезда в Петербург; а практически сразу же после переезда в Москву между ними разгорелся страстный роман. «В мою жизнь вошло нечто такое, что оказалось сильнее и прочнее всех других связей, сильнее, чем сама жизнь», – написал позднее Локкарт в своих воспоминаниях «Мемуары британского агента».

Мура никогда не считалась красавицей. Миловидное лицо, «сдобная» коренастая фигура – не тот тип женщин, на которых оборачиваются мужчины на улицах. Но ее животное обаяние, сексуальность – это в то время, когда и этого слова не знали, – и, главное, настоящий талант общения и поражающая всех стойкость и жизнелюбие делали ее неотразимой – в тех случаях, когда ей этого хотелось. Мура отличалась редким умом, практической хваткой и стойкостью в любых ситуациях. И даже тогда, когда рухнул весь ее мир, она не только не сломалась, но смогла подняться выше обстоятельств.

Локкарт поселил Муру в своей квартире в Хлебном переулке. Для них началось недозволенное, недоступное, нелогичное счастье... Оно кончилось ночью с 31 августа на 1 сентября 1918 года, когда Локкарта, а заодно и Муру, арестовали по так называемому «делу послов». Только что был произведен ряд громких покушений: в июле эсером Блюмкиным был убит немецкий посол граф Мирбах, утром 30 августа Леонид Канегиссер застрелил главу Петроградского отдела ВЧК Урицкого, и вечером того же дня Дора (или, как ее стали называть позже, Фанни) Каплан стреляла в Ленина. Ночью чекисты взяли штурмом английское посольство, а на следующий день пришли за самим консулом. Разведдеятельность Локкарта была замечена ЧК, и его планировали выставить главою антиправительственного заговора; заодно с ним было решено избавиться от всех неугодных дипломатов.

Через некоторое время Локкарта перевели с Лубянки в Кремль. Он написал прошение об освобождении Муры – она же ничего не знала, да и знать не могла о мифическом заговоре... Заместитель Дзержинского Яков Петерс, руководящий «делом Локкарта», пообещал Локкарту трибунал – но Муру решил освободить. А через три недели Петерс и Мура под руку вошли в комнату Локкарта, чтобы сообщить о его освобождении.

Локкарт был вынужден уехать из России. Но он был благодарен Муре за освобождение. Многие полагают, что за его свободу Мура заплатила Петерсу собой; расходятся только в том, как именно: уступила его домогательствам или стала на него работать. И то, и другое вполне вероятно.

Снова оставшись одна, Мура продала свои последние серьги и вернулась в Петербург. На третий день ее арестовали – она обменяла соболью муфту на две продовольственные карточки, а они оказались фальшивыми. Она просила позвонить Петерсу – над ней посмеялись. Через две недели ее вызвали на допрос, и она снова попросила позвонить на Лубянку. Через четыре дня ее освободили.

1919 год в Петрограде был страшен – не было еды, тепла, одежды, только жуткий холод и тиф... Мура поселилась у своего знакомого по работе в госпитале, бывшего генерал-лейтенанта Мосолова. У нее не было ни карточек, ни прописки, ни денег. Надо было как-то жить. Однажды Муре сказали, что Корнею Чуковскому в издательстве «Всемирная литература» требуются переводчики. Чуковский обошелся с нею ласково, дал ей работу. Не переводчика: хотя Мура свободно владела английским, немецким и французским, ее русский язык был несовершенен – как у человека, много времени проведенного в другой языковой среде. Правда, это обстоятельство не мешало Муре не только пытаться переводить, но и называть себя в конце жизни известной переводчицей, у которой за плечами шестнадцать томов переведенных произведений.

Главное, что сделал Чуковский, – привел Муру к Горькому.

В то жуткое время Горький, друживший с Лениным и таким образом обладавший определенным влиянием, старался помочь всем: хлопотал, доставал еду и паспорта, вытаскивал из заключения и находил работу. В его квартире постоянно жили человек десять – не только семья, но и просто люди, которым была нужна его помощь. Со своей женой Екатериной Павловной Пешковой Горький расстался давно (хотя развод не был оформлен официально, и до конца жизни они поддерживали близкие отношения), а хозяйками в его доме были бывшая актриса МХТа Мария Федоровна Андреева (разрыв с нею произошел еще в 1912 году, но она

продолжала жить в доме Горького еще много лет), а когда Андреева куда-нибудь отлучалась – жена соратника Горького по «Всемирной литературе» Александра Тихонова Варвара Тихонова-Шайкевич, чья младшая дочь Нина поражала своим сходством с Горьким.

Горький взял Муру на работу секретарем-переводчиком, перевез к себе жить, и уже через две недели она стала необходимой. Она жила в комнате, примыкающей к спальне Горького. Вела его хозяйство, занималась его корреспонденцией, переводила, разбирала рукописи, рассказывала о своих приключениях – и главное, слушала. Умением слушать любая женщина может приручить мужчину, а Мура умела слушать как никто. Много из ее рассказов он использовал в своем творчестве; Муре был посвящен и главный труд Горького – четырехтомный роман «Жизнь Клима Самгина». В его доме она наконец обрела покой.

Но, как оказалось, и в доме Горького ей угрожала опасность. Григорий Зиновьев, в то время первый человек в Петрограде, недолго любил Горького, а Муру откровенно считал английской шпионкой – все это стало поводом для обыска в доме Горького. Для вида прошлись по всем комнатам; в комнате Муры все перевернули вверх дном. Горький срочно выехал в Москву, где нажаловался на Зиновьева Ленину.

Через некоторое время Муру все же арестовали – и после гневного письма Горького выпустили. В четвертый раз Мура попала в ЧК после попытки нелегально перейти эстонскую границу – она пыталась пробраться к детям, которых не видела уже три года. И снова ее выпустили благодаря Горькому...

Но как только восстановилось железнодорожное сообщение с Эстонией, она снова едет туда. Уже было ясно, что Горький недолго останется в СССР, – и Мура, уезжая, планировала встретиться с ним уже за границей. Но в Ревеле ее тут же арестовали, обвинив в том, что она советская шпионка. Она наняла адвоката; ее выпустили под подписку о невыезде. Как только она приехала к детям, родственники мужа, прежде содержавшие их, тут же прекратили давать деньги. Муре грозила высылка в СССР, куда ей совсем не хотелось; все остальные пути для нее были закрыты. Адвокат посоветовал ей выйти замуж за эстонца: таким образом Мура получила бы эстонское гражданство и, следовательно, возможность свободного выезда куда угодно. Муж быстро нашелся: барон Николай Будберг срочно нуждался в деньгах, а у Муры была тысяча долларов, которую ей из Берлина перевел Горький. Мура тут же вышла замуж за барона Будберга – и они расстались, как только пересекли эстонскую границу.

Здоровье Горького было расстроено. Туберкулез догрызал его. Он – и вместе с ним многочисленная свита, включая Муру, – кочевал по европейским санаториям. Херингсдорф, Сааров, Мариенбад и Сорренто – везде Мура была рядом. Варвара Шайкевич, выехавшая вместе с Горьким, сразу же ушла от него; Мура осталась за хозяйку. Она регулярно навещала детей, оставшихся в Эстонии, задерживаясь там на несколько месяцев, и тогда Горький забрасывал всех письмами с жалобами на ее отсутствие... Часто ей по делам Горького приходилось бывать в Берлине, где осел Николай Будберг. Он был кутила, картежник и постоянно в долгах. Муре надоело улаживать его дела, и она отправила мужа в Аргентину. Больше они никогда не виделись. На память о нем Мура оставила себе его фамилию и титул – единственный настоящий из всех, которые она себе приписывала.

Но ее постоянные поездки имели и другие цели. Многие считают, что Мура выполняла задания ЧК; она никогда не опровергала этих слухов – как и любых слухов, которые про нее ходили. Точно известно, что она искала Локкарта (к тому времени он сделал карьеру в журналистике, а затем и в Форин Офис), – и, найдя его в Вене, не только продолжила отношения с ним, но и стала поставлять ему информацию: об этом Локкарт написал в своих мемуарах. По его книге был поставлен фильм; на премьере Локкарт и Мура сидели вместе.

Постоянные поездки в Англию она объясняла просто: только там она может шить себе одежду по вкусу. И ей действительно очень шли английские костюмы, с которыми Мура вместо драгоценностей и шляп носила мужские часы и прическу из сколотых на затылке длинных, не

по моде, волос. Главным ее украшением были ее глаза – большие, глубокие, горящие жизнью; перед их взглядом было невозможно устоять. Мура прекрасно знала свою силу – и умела ею пользоваться.

С середины 1920-х годов Мура стала подготавливать Горького к возвращению в Россию. Ее расчет был точен: в Европе его печатали все реже и реже, доходы падали. Единственный способ сохранить материальное благополучие – это вернуться в СССР, где Горькому обещали неограниченный счет в банке и всевозможные блага. Горький возвращаться не хотел; но он все чаще и чаще стал приезжать в СССР – там издавались его книги, там жили его читатели, его именем назывались улицы, пароходы и колхозы. В 1933 году Горький окончательно переехал в СССР. Сама Мура, однако, с ним не поехала – по официальной версии, она не хотела ставить его в неловкое положение перед законной женой и читателями, исповедующими строгую коммунистическую мораль. Она обосновалась в Лондоне.

Уезжая, часть архива Горький оставил на попечение Муры: в СССР его нельзя было везти – там была переписка с людьми, недовольными советскими порядками. Но архив понадобился – в СССР готовились политические процессы, и письма с «порочающими советский строй» высказываниями очень быгодились. В 1936 году Муре намекнули: умирающий Горький хотел бы с ней проститься, а заодно было бы неплохо, если бы она привезла архив... Выбора у нее не было – добровольно или силой архив все равно оказался бы в СССР. Мура предпочла не ссориться (или просто хорошо выполнила свою работу) – и ее вместе с архивом в персональном вагоне доставили в Москву. Сначала ее привезли в Кремль; а уже оттуда – к Горькому, в санаторий Горки. Тот уже около месяца находился при смерти. Но недавно ему стало гораздо лучше; говорили о практически полном выздоровлении. Муру провели к Горькому. Некоторое время они оставались наедине...

Легенда о том, что именно Мура – по приказу из Кремля – отравила Горького, жива до сих пор; фактов, которые могут доказать или опровергнуть это, не существует.

Мура провела рядом с Горьким больше десяти лет, была его музой, секретарем, экономкой, фактической женой. Но после расставания с ним Мура не боялась остаться одна. Еще с 1931 года ее стали называть «спутницей и другом» не только Максима Горького, но и знаменитого фантаста Герберта Уэллса, старше ее на 26 лет. Когда Горький ревновал, она успокаивала его: «Даже для самой любвеобильной женщины сразу два знаменитых писателя – это слишком много!» Она познакомилась с Уэллсом еще в Англии – в счастливое время ее первого замужества. Когда в 1920 году Уэллс приехал в СССР, он остановился в доме Горького – гостиниц в то время не было; Мура была его официальной переводчицей. Петроград, все еще не оправившийся от страшной зимы, произвел на писателя ужасающее впечатление; он впал в депрессию. Спасла его Мура – она обладала удивительной способностью делать жизнь окружающих легче и проще, просто улыбаясь своей удивительно теплой, «кошачьей» улыбкой. И накануне своего отъезда то ли Уэллс ошибся комнатой, то ли Мура зашла к нему попрощаться слишком поздно (свидетельства расходятся), но они провели вместе ночь. Эту ночь Уэллс потом называл главным событием своей жизни. Следующие несколько лет они переписывались, иногда Мура встречалась с Уэллсом в своих разъездах по Европе – и по делам Горького, и по делам Локкарта. Уэллс, известный любитель женщин, в то время был женат вторым браком на Эми Кэтрин Роббинс, которую называл Джейн (она умерла от рака в 1927 году), но пользовался в браке полной свободой, не переставая менять любовниц. В то время его постоянной спутницей была Одетта Кеун, которая не собиралась уступать свое место Муре без боя. Но все же Мура оказалась сильнее. Весной 1933 года Уэллс назначил ей свидание в Дубровнике, где проходил очередной конгресс ПЕН-клуба, президентом которого Уэллс станет вместо умершего Джона Голсуорси.

Во время конгресса они были неразлучны, а после него провели в Австрии две недели вдвоем. Потом Уэллс вернулся во Францию к Одетте, но они уже с трудом выносили друг друга.

К тому же Одетта принялась шантажировать Уэллса, вынудила подарить ей его дом во Франции, угрожала опубликовать их переписку. В 1934 году Кеун – в качестве прощальной мести – напечатала своеобразные воспоминания о жизни с Уэллсом, где обвинила его во всех возможных грехах. И их отношения были кончены. Когда в том же году Уэллс вернулся из поездки в СССР, Мура ждала его в Эстонии. Они провели вместе две недели и вместе вернулись в Лондон. Мура сказала Уэллсу, что останется с ним, но замуж за него не пойдет. «Это не подходит моему возрасту», – заявляла она в ответ на его настойчивые предложения. Он не мог этого понять: «Она проводит со мной время, ест со мной, спит со мной, но не хочет выходить за меня замуж», – жаловался Уэллс. Он утешал себя тем, что Мура не выходит за него из-за сложностей с разводом: ведь ее официальный супруг, барон Будберг, был еще жив. Впрочем, однажды она согласилась сыграть свадьбу – чисто символически. Были разосланы приглашения, и, когда гости собрались в ресторане «Quo Vadis» и выпили за здоровье супружеской четы, Мура встала и призналась, что это шутка. Когда в 1934 году близкий друг Уэллса, знаменитый английский писатель Сомерсет Моэм, спросил Муру, как она может любить Уэллса, этого толстого и очень вспыльчивого человека, она ответила: «Его невозможно не любить – он пахнет медом».

Уэллс считался главным европейским интеллектуалом. Но в последние годы своим главным достижением Уэллс считал любовь Муры. Впервые за всю жизнь Уэллсу не только было достаточно одной женщины, но в этой женщине была вся его жизнь...

Во время войны Мура работала в журнале «Свободная Франция», активно сотрудничала с движением Сопротивления, имела деловые отношения с Локкартом и генералом де Голлем. Уэллс мог только восхищаться ее неумной энергией: сам он был уже тяжело и безнадежно болен. Его не стало 13 августа 1946 года, за месяц до восьмидесятилетнего юбилея. Последние полтора года Мура находилась с ним неотлучно. После кремации два его сына развеяли прах писателя над водами Ла-Манша. В завещании он оставил Муре сто тысяч долларов.

Муре было пятьдесят четыре года. Теперь она могла жить совершенно свободно – денег было достаточно, дети обходились без нее: сын жил на ферме на острове Уайт, дочь замужем. Но война и смерть Уэллса подкосили ее. Эта вечно молодая женщина начала стареть. Она много ела и еще больше пила – про нее говорили, что она может перепить любого матроса. Мура стала толстеть, перестала следить за собой. Но ее уважал весь Лондон, считая умнейшей женщиной своего времени. Она – невенчанная жена, эмигрантка, шпионка, авантюристка – смогла очень высоко себя поставить в этом самом снобистском городе Европы. Даже ее шпионская слава – а в разное время ее считали сотрудницей английской, германской, советской разведок – лишь внушала уважение к женщине, которая смогла не только выжить в самых суровых условиях, но подчинить себе эту жизнь. Великобритания не забывала ее заслуг перед Форин Офис; Франция помнила о ее сотрудничестве с генералом де Голлем; аристократия всего мира считала ее – графиню и баронессу – своей. Теперь, когда у нее была масса свободного времени, Мура стала сознательно делать то, чем раньше занималась по случаю: создавать легенду о своей жизни. В разговорах в великосветских гостиных и в интервью ведущим изданиям она много и охотно рассказывала о себе – но чем больше и, казалось, откровеннее она говорила, тем все больше запутывалась ее история. Отношения с Горьким и Уэллсом, английской разведкой и советскими спецслужбами, ее семья – все обрастало таким количеством подробностей, противоречащих друг другу, что стало практически невозможно установить истину. Удивление и восхищение ее силой убеждения вызывает тот факт, что Муре верили все и всегда, что бы она ни говорила. В одном из последних интервью она даже заявила, что происходит по прямой линии от брака императрицы Елизаветы Петровны с Алексеем Разумовским. Россия и СССР продолжали занимать важное место в ее жизни. Мура несколько раз приезжала на родину: по приглашению вдовы Горького Екатерины Павловны Пешковой в 1956 году, затем в 1958 году, в 1960-м – навестить Бориса Пастернака и взять у него интервью, потом еще три раза. Ее принимали очень торжественно – и официальные власти, и советская интеллигенция, знавшая о

ее необыкновенной судьбе. В последние годы ей было уже крайне тяжело выходить из дома. В это время ее описывали как необычайно грузную, но все еще красивую женщину, в длинной, широкой темной юбке, с несколькими нитками крупных бус, всегда с телефоном между колен, мужской палкой в руках и бутылкой водки в любое время суток. В конце концов она решила сама написать свою биографию. Для этого было собрано огромное количество документов, хранившихся в доме ее сына в Италии, недалеко от Флоренции, – она переехала сюда осенью 1974 года. Мура работала не в самом доме, а в специально оборудованном вагончике в саду. И однажды короткое замыкание вызвало пожар, уничтоживший и вагончик, и все хранящиеся там документы. Этого Мура уже не перенесла. 2 ноября 1974 года лондонская «Таймс» сообщила о ее смерти и опубликовала некролог, где она была названа «интеллектуальным вождем» современной Англии. На отпевании в первом ряду стояли французский посол с женой, а за ними – вся английская и русская эмигрантская знать.

Она оставила после себя не память, а миф, пережив всех, кто мог бы помнить правду о ней. Она сама стала мифом – женщина, которая была сильнее, чем сама жизнь...

Александра Коллонтай Валькирия революции

Только публикации ее записок, дневников, воспоминаний других участников тех событий вернули портрету Коллонтай человеческие черты – черты женщины, которой восхищались и боялись, любили и забыли. Валькирии Революции.

*Магической женщины.
Неразгаданной тайны...*



Она родилась в переломное время, когда старые порядки, все еще казавшиеся незыблемыми, уже стали подгнивать. Еще немного – и старый мир начнет рушиться, погребая под своими обломками людей, идеи, страны. Кто мог знать, что Шурочке Домонтович, родившейся 19 марта (1 апреля) 1872 года, суждено будет принять в этом участие?.. Светская красавица и революционерка, пламенный оратор, первая в истории женщина-посол и женщина-министр, Александра Коллонтай оставила за собой шлейф разбитых сердец, погубленных жизней и вечно живых слухов.

Она была первым ребенком полковника Генштаба Михаила Алексеевича Домонтовича и четвертым – у его жены. Домонтович увел Александру Александровну Мравинскую (в деви-

честве Масалину) от первого мужа, военного инженера польского происхождения, от которого у нее было трое детей. Она много лет добивалась развода – по тогдашним законам, чтобы она смогла вторично выйти замуж, ее супруг должен был взять вину за развал их брака на себя. Кто действительно был виноват в этом, неизвестно, но семейная легенда гласит, что Мравинский был «падок до баб».

Михаил Алексеевич происходил из потомственных помещиков Черниговской губернии, Александра Александровна была дочерью разбогатевшего финского крестьянина – после его смерти дочери осталось прекрасное имение под Выборгом, на мызе Кууза. Таким образом, в жилах новорожденной Шурочки смешались русская и финская кровь, с примесью немецкой (от прадеда, остзейского немца) и французской (от прабабушки).

Домонтович, скоро получивший генеральский чин, прославился благодаря Балканской войне. После победы он был назначен сначала губернатором Тырнова – бывшей столицы Болгарского царства, затем управляющим делами русского наместника в Болгарии. Он был дружен со многими виднейшими военачальниками того времени, дети их были друзьями Шурочки. Например, дочь военного судьи Леонида Шадурского Зоя – она всю жизнь будет Шуре ближайшей и вернейшей подругой. И после того, как отца перевели в Россию, Шура общалась только с детьми сослуживцев отца: на семейном совете было решено не отдавать ее в гимназию, а обучать дома. Отец не скупился на лучших преподавателей – например, учителем словесности был приглашен Виктор Острогорский, один из виднейших литературоведов того времени, редактор популярнейшего журнала «Детское чтение». Неудивительно, что экзамены на аттестат зрелости Шура сдала блестяще.

Она подружилась с сыном генерала Драгомирова Ваней – он, как и Шура, прекрасно танцевал, и они были лучшей парой на всех балах. Ваня нравился Шуре, но ей нравились и другие мальчики из их круга. А сам Ваня влюбился не на шутку. Когда он признался ей, она оттолкнула его. Через некоторое время Ваня повторил попытку. Шура расхохоталась ему в лицо. Через несколько дней Ваня застрелился. Его предсмертную записку Шуре не показали, оберегая ее чувства, – она лишь узнала, что Ваня писал о ней и для нее. Всю последующую жизнь она вспоминала день его смерти – так глубока оказалась рана.

Чтобы отвлечь дочь от печальных мыслей, генерал Домонтович отвез ее в Ялту, в имение своего друга генерала Дондукова. Там Шуру познакомили с сорокалетним генералом Тутолминым – адъютантом императора Александра III, одним из самых знатных и многообещающих военных того времени. Через некоторое время генерал сделал Шуре предложение – она ответила решительным отказом. Весь Петербург судачил о девице, которая посмела отказать самому Тутолмину. Она же – во многом благодаря высокому положению своего поклонника – стала часто появляться в Зимнем дворце и даже была представлена императрице. На светских раутах Шура Домонтович привлекала к себе внимание редким очарованием, женским обаянием, изяществом, благородными манерами и безудержным весельем.

Зная ее неукротимый нрав и непредсказуемость поступков, отец не отпускал Шуру от себя. Отправляясь по делам в Тифлис, он решил взять ее с собой. Там жила его двоюродная сестра Прасковья Коллонтай, вдова ссыльного поселенца Людвиг Коллонтай, участника польского восстания 1863 года. Она воспитывалась в семье Константина Ушинского – прославленного русского педагога и просветителя, восприняв от него, а потом и от мужа, либеральные идеи и тягу к свободе. В этом духе она воспитывала и своих детей – Ольгу и Владимира. Владимир Коллонтай, черноволосый красавец-офицер, весельчак и балагур, проводил много времени со своей троюродной сестрой. Говорили в основном о политике, обсуждали запрещенного тогда Герцена. Возможно, именно тем, что он, постоянно общаясь с Шурой, ни слова не говорил о любви, он и покорила ее сердце. Они страстно полюбили друг друга. Следом за уехавшей домой Шурой Владимир тоже перебрался в Петербург – он поступил в Военно-инженерную академию.

Родители Шуры были решительно против такой партии для своей дочери и отказали Владимиру от дома. Влюбленные встречались на квартирах друзей, сочувствовавших их несчастной любви. Домонтовичи отправили дочь в Европу, в Париж и Берлин – развеяться и забыть о ее любовном увлечении. Шура вместо этого увлеклась там запрещенной в России литературой – Маркс и Энгельс, Бебель, Сен-Симон, Карл Либкнехт и Клара Цеткин. И переписка с Владимиром не прекращалась. Сладость запретного плода манила ее. Позднее Александра Михайловна писала, что, если бы родители не так сильно сопротивлялись ее союзу с Владимиром, она, может быть, и не вышла за него. А так ее упрямство сломило их волю, и Домонтовичи вынуждены были дать согласие на столь неравный брак дочери. За час до венчания Александры и Владимира стало известно, что накануне Виктор Острогорский, тайно влюбленный в нее, пытался покончить с собой. Он травился угарным газом. Спасла его случайно зашедшая экономка – но он остался калекой на всю жизнь.

Владимир обожал свою молодую жену, буквально носил ее на руках, а когда Александра поняла, что ждет ребенка, счастьем его не было предела. Сама же Шура стала осознавать, что брак ее был ошибкой – Владимир не был тем, кого она хотела видеть рядом. Слишком зауряден. Слишком скучен.

Родившегося сына называли в честь деда Михаилом. В семье его прозвали Хохля – из-за сумрачности и серьезности не по годам. Заботы о ребенке, обустройство отдельной квартиры, денежные дела, бытовые проблемы – ко всему этому Шура не была готова, все тяготило ее, отталкивало. С завистью смотрела Шура на свою сводную (по матери) сестру Евгению – у нее был прекрасный голос, и она под псевдонимом Мравина стала примой Императорского оперного театра. У нее было «дело», и ее не обременяла семья – в отличие от самой Шуры.

На помощь пришла бывшая домашняя учительница Шуры Мария Страхова. Теперь она работала в публичной библиотеке известного собирателя книг Николая Рубакина. На базе этой библиотеки Страхова создавала передвижной музей учебных пособий – и Шура стала ее помощницей. И библиотека, и музей были местом сборищ столичной либеральной молодежи. Именно там Шура познакомилась с Лялей (Еленой) Стасовой – племянницей великого критика Владимира Стасова и дочерью известнейшего адвоката Дмитрия Стасова. Елена, убежденная марксистка, обратила новую подругу в свою веру. Шурочка вдохновилась идеями социального равенства. В свою очередь, она заразила этими мыслями свою ближайшую подругу Зою Шадурскую, а за ней – и ее сестру Веру, ставшую к тому времени знаменитой артисткой под псевдонимом Юренева.

Чтобы избавить Зою от родительской опеки, Шура задумала устроить ее фиктивный брак с приятелем и однокашником своего мужа Александром Саткевичем. Какое-то время, и вправду, жили коммуной. По вечерам собирались все вместе, говорили о делах, читали «социальную публицистику», спорили. Владимир откровенно скучал. Радикальные взгляды его жены и ее друзей были ему чужды. Одних разговоров Шуре было мало – она взялась за статьи, в основном посвященные вопросам пола и роли женщины в обществе. Как она впоследствии признавалась, муж из-за своей неопытности не смог разбудить в ней женщину – он в шутку называл ее «рыбой», она отзывалась о супружеских обязанностях как о «воинской повинности». Угнетавшая ее неудовлетворенность сублимировалась в пространных рассуждениях на сексуальные темы, перемешанные с пассажами о социальном неравенстве, классовой борьбе и тому подобных вещах, которые она сама относилась к сфере своего «настоящего дела».

План соединить Зою с Саткевичем не сработал: вместо Зои Саткевич увлекся Шурой. К сожалению, при всей своей красоте и уме Зоя была начисто лишена того женского очарования, которого у Шуры было в избытке. Саткевич долго боролся с собой – страсть к жене лучшего друга противоречила всем его принципам. Шура долго не могла определиться – любит ли она его и как можно любить двоих сразу... Да и обманывать мужа было невыносимо. В конце концов они во всем признались Владимиру. Тот был потрясен, но Шуру ни в чем не винил –

наоборот, посоветовал ей поступать так, как она сочтет нужным. Александра с сыном съехала от мужа и поселилась в меблированной комнате. Без Саткевича – ему лишь иногда позволялось навещать ее. Она хотела наконец-то начать самостоятельную жизнь – в духе тех идей, которые она почерпнула из любимых ею книг.

Однако покоя в душе не было. Чтобы разобраться в себе, она решает уехать в Швейцарию. Официальным поводом было желание Шуры Коллонтай – фамилию мужа она сохранила на всю жизнь – заполнить пробелы в образовании. Она поступила на семинар профессора Геркнера, читала запоем книги по экономике. Но постепенно для учебы не остается времени – Шура все больше и больше погружается в политику. Ее статьи о положении рабочих в Финляндии (сказалось частое проживание на дедовской мызе Кууза), предстоящих в России реформах и женском вопросе быстро принесли ей известность. Она сошлась с Розой Люксембург, Плехановым, Карлом Каутским, Лафаргами (дочерью и зятем Карла Маркса) и другими видными социалистами-марксистами. За два года пребывания за границей она несколько раз возвращалась в Петербург – похоронить сначала мать, потом отца. Хотя они и смирились с ее выходами, но здоровье их было сильно подорвано.

Муж всячески поддерживал ее. Сын воспитывался гувернантками. Верный Саткевич взял на себя все заботы о ее имуществе, решал любые возникающие у нее проблемы. В квартире, которую Шура сняла вместе с Зоей, он появляется уже практически на законных основаниях – к их «вольному союзу» привыкло даже начальство полковника Саткевича. Времена изменились: демонстративный «греховный» альянс Максима Горького с актрисой Художественного театра Марией Андреевой, поначалу вызвавший бурю протестов, уже воспринимался как норма. 9 января 1905 года Шура участвует в шествии к Зимнему дворцу. После расстрела этой мирной демонстрации – печально знаменитого Кровавого воскресенья – она включилась в агитационную борьбу. Тогда обнаружился ее самый яркий талант – оратора, умеющего зажечь любую толпу. На выступлениях она познакомилась с Лениным, Мартовым и экономистом Петром Масловым. Под влиянием последнего Коллонтай становится убежденной меньшевичкой.

Как и всю ее жизнь, мужчины Коллонтай завладевали ее душой и телом, овладевая сперва ее разумом. Петр Маслов сумел покорить ее своей начитанностью, острым умом и знанием марксизма. Александра – согласно своим принципам – была готова бросить все ради охватившего ее чувства. Но жена Маслова оказалась на редкость ревнивой. Лишь то, что они оба получили приглашения на очередной партийный съезд, позволяло им встречаться. После выхода в России ее книги «Финляндия и революция» Александре Коллонтай стал грозить арест – в книге увидели призыв к вооруженному восстанию. Сочувствующие ей (среди них был Горький) собрали три тысячи рублей, чтобы освободить ее под залог. Но слежка продолжалась. Спасти могла только эмиграция. И после пышных проводов в доме ее новой подруги Татьяны Щепкиной-Куперник, знаменитой переводчицы, она по фальшивому паспорту уезжает в Финляндию. На этот раз она покинула Россию на восемь лет.

Она постоянно переезжала, меняла города и страны, словно никак не могла успокоиться. Ей было легче, чем многим российским эмигрантам, – прекрасное знание четырех европейских языков, общительность и любовь к перемене мест помогали ей преодолеть тот барьер, за которым остались многие ее соотечественники. Хотя доходы от имения становились все меньше – оставшись без надзора генерала Домонтовича, управляющий стал подворовывать, – она поражала окружающих своими нарядами, мехами, драгоценностями: на их покупку уходили практически все ее гонорары за статьи. Блистающая красотой, женственностью, обаянием, обольстительная, энергичная и неукротимая Александра, как магнит, притягивала к себе всех, кто соприкасался с нею. Постепенно тайная связь с Масловым начинает утомлять ее – она устала от того, что он боится своей жены, боится показаться вместе с ней, она устала от него самого. Маслов уже был готов ради нее бросить все и всех, но ей уже это было не нужно.

В конце ноября 1911 года она познакомилась с Александром Шляпниковым – «пролетарием», «интеллигентным русским рабочим», одним из ближайших соратников Ленина. Ему было 26, ей – 39. Ничем он не походил на предыдущих ее поклонников, но сильное чувство сразу же поразило их обоих. Раньше Александра повелевала своими мужчинами, теперь Шляпников – Санька – стал диктовать ей свою волю. Правда, его власть над нею не мешала им спорить о взглядах Ленина, который был крайне недоволен тем, что его сподручный связался с меньшевичкой. Но вскоре Коллонтай под влиянием Шляпникова становится верной последовательницей Ленина. Они живут в ее комнатах на чердаке парижского пансиона. У них общие взгляды, они посвятили свои жизни борьбе за общее дело. Но через некоторое время Александра снова недовольна: Санька эксплуатирует ее, заставляя писать за него статьи и не давая сосредоточиться на собственных. Она с облегчением вздыхает каждый раз, когда он уезжает. Ее начинает тяготить и супружеская близость – интимным отношениям Александра всегда предпочитала простое товарищество. Она садится за книгу «Общество и материнство», снова возвращаясь к вопросу любви и отношений между полами. От Шляпникова она в конце концов просто сбежит в Америку.

Сообщение о Февральской революции застало Александру Коллонтай в Норвегии – одной из любимейших ею стран. Она немедленно выехала в Россию, где с головой окунулась в политическую деятельность. Ее выбрали членом Петроградского совета, и она не пропускала ни одного заседания. В это время ее бывший муж – генерал-майор Владимир Коллонтай – умирал в лазарете. Еле-еле нашла Александра время для того, чтоб нанести ему визит. «Выздоровливай», – только и сказала она ему. Владимир умер через четыре дня. На похороны Александра не пришла.

Она выступала на митингах, про ее умение разжечь толпу ходили легенды. Александру Коллонтай стали называть Валькирией Революции. После выступлений ее выносили из зала на руках. Этот успех подтолкнул Ленина к решению отправить именно ее на укрощение недовольных матросов. Эту неорганизованную массу еще никому не удавалось повести за собой. По всем поверьям, появление женщины на корабле сулило несчастье. Отправлять Коллонтай к морякам было крайне рискованно. Но Ленин выиграл: выступления Александры на военных кораблях Балтийского флота стали триумфальными. Всюду ее сопровождали два верных богатыря – матрос Павел Дыбенко и мичман Федор Раскольников, признанные лидеры революционного флота. С тех пор как Дыбенко, оттеснив порывавшегося сделать то же самое Раскольникова, на руках перенес Коллонтай с трапа на катер и с катера на причал, этот полуграмотный бородач вошел в ее жизнь, чтобы остаться там надолго. Узнав об их близких отношениях, влюбленный в нее Раскольников отступил в сторону.

Дыбенко был младше ее на 17 лет, Раскольников – на все двадцать. Но недаром современники отмечали: когда Александре было 25 лет, она выглядела на пять лет старше. В тридцать пять ей с трудом давали тридцать. А когда ей было за сорок, она казалась двадцатипятилетней. Разница в возрасте не смущала ее: отношения со Шляпниковым доказали, что это не помеха. Не мешала ей разница и в социальном положении, и в образовании. Образованную аристократку ничуть не смущало, что Дыбенко, происходивший из совершенно неграмотной семьи с Украины, до конца своих дней делал ошибки почти в каждом слове. Но зато их с Александрой объединяло общее дело – победа мировой революции. Как бывало и до этого, ей показалось, что наконец-то она встретила человека, предназначенного ей судьбой. После Октябрьского переворота Коллонтай стала членом первого советского правительства – Совета Народных Комиссаров. Ей достался пост наркома государственного призрения – она стала первой в истории женщиной-министром. Александр Шляпников стал наркомом труда. На правах наркома – в качестве члена коллегии по военным и морским делам – в Совнарком вошел и Дыбенко.

На новом посту было невероятно трудно. Война, революции, разруха, нищета привели к тому, что потенциальных подопечных наркома призрения – больных, инвалидов, беспризорников – было гораздо больше, чем возможностей им помочь. Приходилось идти на беспрецедентные меры. Чтобы найти помещение для Дома инвалидов, Коллонтай штурмом берет Александро-Невскую лавру – ее не остановили тысячные толпы собравшихся по набату прихожан. На следующий день во всех церквях Александру Коллонтай предали анафеме. Услышав об этом, она расхохоталась. А вечером отметила это событие дружеской попойкой с сотрудниками своего наркомата. По ее инициативе был упразднен церковный брак, замененный гражданским, она сформулировала и декрет о разводе. Теперь браки заключались и расторгались по первому заявлению. Тем же декретом были уравнены в правах дети – и рожденные в браке, и незаконнорожденные.

Слух о бурном романе двух героев революции, Дыбенко и Коллонтай – их имена были у всех на слуху, – разошелся по всей России. Некогда влюбленный в Александру морской офицер Михаил Буковский пустил себе пулю в висок. Он не смог вынести, что дочь офицера и генерала, которого он чтит, пала так низко. Узнав об этом, Коллонтай сказала: «Этого еще не хватало!»

В 1918 году за сдачу Нарвы намного превосходящему по силе противнику Дыбенко обвинили в измене и собирались расстрелять. Узнав об этом, Коллонтай в знак протеста ушла с поста наркома. Чтобы иметь возможность на законных основаниях хлопотать об освобождении Дыбенко, она предложила Павлу пожениться. Сообщение о том, что их брак зарегистрирован под номером 1, обошло все газеты. На самом деле их брак так и не был заключен официально. На суде Дыбенко прочел речь, составленную Коллонтай. Суд присяжных, состоящий из рабочих и матросов, вынес оправдательный приговор, и из зала Дыбенко вынесли на руках.

В сентябре 1918 года был объявлен «красный террор» – без суда и следствия были расстреляны тысячи человек. Коллонтай прекрасно понимала, что происходит, – об этом свидетельствуют дневниковые записи, но ее публичная деятельность была направлена на поддержание существующего режима. Дыбенко тем временем воевал на Украине и лишь изредка мог появляться в Москве – туда к тому времени перебралось Советское правительство. В разлуке с Павлом Коллонтай снова взялась за перо. Выходили и переиздавались ее книги, чуть не ежедневно появлялись ее статьи в «Правде», «Известиях» и других газетах. Всюду звучала тема, ставшая для нее главной: полная свобода любви – знак полного освобождения от пут буржуазной морали. Однажды она прибегла к метафоре, ставшей крылатой: в свободном обществе удовлетворить половую потребность будет так же просто, как выпить стакан воды. Она сказала это в пылу полемики, рассуждая о неопределенном будущем, но ее слова возвели в концепцию и окрестили то, что за ней скрывалось, «теорией стакана воды». Ленин, консерватор в вопросах морали, не мог смириться с этой идеей – по его мнению, молодежь от нее просто взбесилась. Но теория прижилась.

В 1919 году положение Коллонтай упрочилось. Она получала все новые и новые должности, назначения, поручения. Но тут стало известно, что в Петрограде арестовали Саткевича. Она кинулась по знакомым: Горький ничего не смог сделать; Дзержинский мялся, пространно рассуждая о партийном долге, и она поняла, что разговор с ним – лишь потеря времени. Наконец решилась позвонить Ленину. Тот поначалу не захотел слушать. Но тогда Коллонтай сказала: «Это для меня вопрос жизни. Не для Саткевича, а для меня». И по личному распоряжению Ленина Саткевича освободили. После пережитого Александра Михайловна свалилась с тяжелейшим воспалением почек. Эта болезнь потом будет преследовать ее всю жизнь.

Пока она болела, Дыбенко забрасывал ее письмами с фронтов, иногда заезжал. И тут поборница свободной любви открыла для себя новое чувство – ревность. Дыбенко писал ей любовные письма, но она чувствовала – не ей одной. Когда был в Москве, ему постоянно звонили незнакомые ей женщины, он все время куда-то отлучался. В кармане его френча она

обнаруживает любовные записки – одна из них была от ее собственной секретарши. Терзаемая ревностью, она вызывает Павла на разговор. Тот, признавшись во всем, тем не менее просит простить его: она для него остается главной любовью. Она простила. Ей было уже пятьдесят. Через некоторое время она приезжает к нему в Одессу – разрешение на поездку стоило ей огромных унижений. А Павел, уехавший на час, пропадает на всю ночь. Когда он вернулся, она сказала, что между ними все кончено. Павел ушел в дом. Раздался выстрел. Дыбенко остался жив: орден Красного Знамени отклонил пулю. Рана была неопасной.

Как оказалось, именно в ту ночь восемнадцатилетняя любовница Павла Валя Стафилевская потребовала сделать окончательный выбор – или она, или Коллонтай. Павел не выдержал. Когда Коллонтай вызывали для объяснений в парткомитет, она брала всю вину на себя – но там, как выяснилось, были в курсе романа Дыбенко. Она чувствовала себя совершенно раздавленной.

Вернувшись в Москву, она просит Сталина отправить ее куда-нибудь за границу. К разочарованию в личной жизни добавилось и осознание того, что ее время – время романтиков революции – проходит и наступает время бюрократических игр. Ее партийная карьера шла к финалу, и Коллонтай добровольно решила устраниваться от начинающих интриг.

Ей предложили пост полпреда в Норвегии – единственной стране, которая согласилась принять ее в качестве дипломата. С этого момента начинается ее дипломатическая карьера – пожалуй, наиболее достойный и полезный период ее жизни. Норвегия приняла ее настороженно – там еще помнили ее революционную деятельность. Однако после того как Коллонтай – по совету своего помощника Марселя Боди – закупила для России 400 тысяч тонн сельди, отношение к ней изменилось. Ведь тем самым она не только организовала поставки продовольствия в Россию, но и обеспечила работой норвежских моряков – основную рабочую силу Норвегии. А когда на вечере по этому поводу она произнесла тост на чистом норвежском, ее не только зауважали, но и полюбили.

В Норвегии Коллонтай наконец нашла свое место. Пригодилось ее знание языков, светские манеры, умение привлекать людей на свою сторону. Увлекло и общение с новыми людьми. Здесь Александра Михайловна вновь ощутила вкус к избранному обществу и комфорту – к тому, с чем боролась столько лет. Она с удовольствием закупала туалеты, в которых блистала на посольских приемах. Западные газеты называли ее одной из самых блистательных и элегантных женщин Европы. Продолжали выходить ее статьи о вопросах пола. Одна из них называлась «Дорогу крылатому Эросу» – эта фраза стала пословицей. А ее собственный Эрос появлялся незаметно и так же незаметно исчезал. Вместо страстной любви к Дыбенко пришла тихая тайная любовь к деликатному, образованному, все понимающему Марселю Боди. На него она могла опереться в самые тяжелые минуты своей жизни.

В начале 1920-х годов многие страны мира признали новое государство. Подготовка договора с Норвегией о признании – большая заслуга Александры Коллонтай. Теперь она стала полномочным министром – первой женщиной-послом в мире. Публика с неослабевающим интересом следила за карьерой «мадам Александры»: особенно забавляли статьи о том, как ради первой в истории женщины-посла вынуждены перекраивать веками сложившийся дипломатический протокол.

Отношения Коллонтай и Боди стали известны в Москве. Приехала ревизия. Нарком иностранных дел Чичерин устроил Коллонтай разнос: мало того, что ее личная жизнь подрывает престиж посла, так она еще тратит кучу денег на платья – только за одну поездку в Берлин она купила более пятидесяти платьев. Оскорбленная Александра Михайловна потребовала освободить ее от поста в Норвегии – но попросила оставить на дипломатической работе. Ее назначили послом в Мексику. Но климат там оказался совершенно не подходящим для ее расшатанного здоровья.

Александра Михайловна вернулась в Европу – для лечения и в ожидании нового назначения. К ней приезжал Боди – его жена и маленькая дочь по-прежнему жили в Осло. Она встречалась с сыном, который теперь представлял в Европе советские внешнеторговые ведомства. Он женился, у него родился сын, которого назвали в честь деда Владимиром.

Ей снова предложили пост посла в Норвегии. Она с радостью согласилась. Здесь она чувствовала себя как дома – даже лучше, чем дома. В СССР в это время начались репрессии – Сталин вел борьбу за власть. Все неугодные ему уничтожались. И ей приходилось подстраиваться под него, соглашаться с ним. Как и всем. Потому что боялись. Боялись потерять работу, навредить семье, оказаться в лагерях. Постоянное напряжение, необходимость врать даже себе самой изменили смелую и решительную Коллонтай. Даже наедине с собой, в своем дневнике, она не решается говорить то, что думает. Советское посольство в Норвегии наполовину состояло из сотрудников ГПУ – они следили за каждым ее шагом, вмешивались в ее дела. Резко ухудшилось ее здоровье: сердечные приступы следовали один за другим, случались гипертонические кризы и обострения хронического нефрита. Но она прекрасно понимала, насколько благополучно складывается ее судьба по сравнению с теми, кто остался в России.

Почти всех дорогих ей людей расстреляли. Шляпникова – как участника так называемой «рабочей оппозиции»; когда-то в эту группу входила и сама Коллонтай. Саткевича – как вредителя: его обвинили в том, что он подрывал учебный процесс в Ленинградском институте инженеров гражданского воздушного флота, где преподавал. Дыбенко – как участника военно-фашистского заговора. Раскольников чудом успел сбежать во Францию, где умер при невыясненных обстоятельствах: по некоторым данным, он умер от сердечного приступа, по другим – выбросился из окна, есть мнение, что его убили по приказанию Сталина. Умерла и ближайшая подруга Коллонтай Зоя Шадурская. Ночью к ней в квартиру позвонили. Она спросила, кто это, – хотя все знали, кого можно ждать по ночам. Оказалось, что пришедшие ошиблись номером дома. Через несколько минут ее настиг сердечный приступ. Из 13 членов президиума Петроградского совета, готовивших в 1917 году революционный переворот, в живых осталась одна Коллонтай. Есть сведения, что готовился процесс дипломатов, где она была бы одной из главных обвиняемых. Но что-то не сложилось.

Когда весной 1945 года ее срочно вызвали в Москву, она была уверена, что пришла ее очередь. Но причина была другая. Зашло в тупик дело видного шведского аристократа Рауля Валленберга – в его судьбе были заинтересованы виднейшие люди Швеции. Коллонтай, которая была дружна с дядей Рауля, крупнейшим шведским банкиром Маркусом Валленбергом, старалась как могла выяснить его участь. А Рауля пытались завербовать в ГПУ, но просчитались.

Его пришлось расстрелять. Опасаясь международного скандала, который неминуемо поднялся бы, Сталин решил убрать Коллонтай с поста посла. Ее, более четверти века представлявшую СССР в Скандинавии, вывезли из страны так быстро, что даже не дали попрощаться с самыми близкими людьми. Ей было 73 года.

В Москве ее встретили более чем скромно. Поселили в трехкомнатной квартире с казенной мебелью – своей так и не обзавелась. Она жила там вместе с секретарем Эми Лоренсон. Оставшиеся в живых друзья – Петр Маслов, Елена Стасова, Татьяна Щепкина-Куперник – навещали, хотя годы и разрушенное здоровье сделали их визиты затруднительными. Приезжал из Ленинграда племянник Евгений Мравинский, ставший выдающимся дирижером. С трудом удалось выхлопотать пенсию – не было данных о ее партийном стаже. Ее имя практически забыли.

Она умерла, не дожив пяти дней до своего 80-летнего юбилея. Похоронили ее на Новодевичьем кладбище, на «аллее дипломатов». Ее слава придет значительно позже: появятся многочисленные книги о ней, спектакли, фильмы. Там будет создан образ первой советской женщины-посла – образ, так мало похожий на реальную Александру Коллонтай. Только публи-

кации ее записок, дневников, воспоминаний других участников тех событий вернули портрету Коллонтай человеческие черты – черты женщины, которой восхищались и боялись, любили и забыли. Валькирии Революции. Магической женщины. Неразгаданной тайны.

Фрида Кало Радость и боль



13 апреля 1953 года в галерее Лолы Альварес в Мехико открылась необычная выставка. Необычным было все: яркие, сочные картины на стенах, лица на картинах, освещенные неким знанием, кровать под балдахином, стоящая среди картин. Публика недоумевала, пока с улицы не донеслись sireны «Скорой помощи» и рев мотоциклетных моторов. Сквозь расступившуюся толпу к кровати подвели женщину – хрупкую, невысокую, в ярчайших юбках и украшениях, с лицом, искаженным болью – и озаренным счастьем. Фриду Кало. Она лежала на приготовленной для нее постели, не в силах встать после перенесенной накануне очередной операции и не в силах пропустить одно из главных событий в ее жизни – ретроспективную выставку своих работ. Сквозь привычную боль она улыбалась окружающим ее людям – а с десятков автопортретов на нее смотрели ее собственные суровые лица без единой улыбки. Через полчаса Фриду увезли обратно в больницу... Публика, восхищенная, раздавленная, шокированная и влюбленная, осталась вглядываться в картины Фриды Кало, пытаясь разо-

браться – как этой тяжелобольной женщине удалось так ярко и необычно признаваться в любви к жизни...

Фрида писала в дневнике: «Порой я спрашиваю себя: не были ли мои картины скорее произведениями литературы, чем живописи? Это было что-то вроде дневника, переписки, которую я вела всю жизнь... Мое творчество – самая полная биография, которую я смогла написать». Ее картины – это невероятно талантливая, откровенная, порой жестокая история жизни Фриды – история преодоления боли и смерти, история обретения радости и любви...

Ее отец Вильгельм Кало, по происхождению венгерский еврей, эмигрировал в Мексику в самом конце XIX века. Он обосновался в Мехико, устроился продавцом в ювелирный магазин и женился, затем овдовел – и женился вторично, на Матильде Кальдерон-и-Гонсалес, полуиспанке-полуиндианке. Кало из Вильгельма стал Гильермо, а из продавца – фотографом. В семье Кало родились четыре дочери – Матильда, Адриана, Фрида и Кристина. Для своей семьи Гильермо построил в пригороде столицы Кайокане огромный Голубой дом – дом цвета мечты... Невоплощенные мечты о сыне Гильермо пытался реализовать во Фриде – она росла сорванцом, порывистым и независимым. Фрида обожала отца, следовала за ним по пятам, помогала ему в работе... Но однажды семилетняя Фрида ушибла ногу о корни дерева и упала, оглушенная болью. С этого дня боль стала постоянным спутником Фриды, самым преданным и верным. У девочки оказался полиомиелит. Фрида тренировалась дни и ночи, чтобы преодолеть болезнь, и добилась своего – только правая ступня атрофировалась, и нога стала короче и тоньше. Но Фриде это не мешало гонять с мальчишками в футбол и лазать во главе сколоченной ею «банды» через заборы по чужим садам, а излишнюю худобу ноги она скрывала, надев лишний чулок. Пройдя через страдания, девочка выросла в стойкую и мужественную девушку, жадно радующуюся жизни, веселую и общительную. Несмотря на физический недостаток, Фрида была очень красивой, ее огромные глаза под густыми сросшимися бровями и роскошные черные волосы, ее обаяние и дружелюбие привлекали к ней мужчин, как огонь – мотыльков. Но Фрида не была кокеткой. Когда ее сверстницы уже одевались, как взрослые дамы, в элегантные платья, Фрида ходила в строгой юбке и простой белой блузе. А в 1922 году Фрида выдержала серьезные экзамены и поступила в Национальную подготовительную школу, чтобы впоследствии заниматься медициной – в то время это была очень необычная карьера для женщины.

Девушка стала настоящей заводилой среди однокурсников, в нее влюбился самый привлекательный и умный юноша Школы – Алехандро Гомес Ариас, который следовал за Фридой во всех ее проказах. Однажды они пробрались в школьный амфитеатр, чтобы посмотреть, как известный художник Диего Ривера расписывает там стены. Фрида заявила друзьям, что однажды она «непременно выйдет замуж за этого мачо и родит ему сына». Друзья посмеялись над очередной шуткой Фриды – все знали, что вскоре она выйдет замуж за Алехандро.

17 сентября 1925 года Фрида и Алехандро, оживленно беседуя, сели в набитый автобус, чтобы добраться до дома. На перекрестке автобус столкнулся с трамваем. Алехандро выкинуло через окно на мостовую, он практически не пострадал, а Фрида... Он нашел ее, истекающей кровью, пронзенной насквозь металлическим поручнем. Когда ее положили на принесенный из соседнего кафе бильярдный стол и выдернули поручень, Фрида своим криком заглушила вой сирены подъезжающей кареты Красного Креста.

Врачи не оставляли Фриде никаких надежд на выздоровление. «Перелом четвертого и пятого поясничных позвонков, три перелома в области таза, одиннадцать переломов правой ноги, вывих левого локтя, глубокая рана в брюшной полости, произведенная железной балкой, которая вошла в левое бедро и вышла через влагалище. Острый перитонит. Цистит». Если не скорая смерть, то полная неподвижность до конца дней.

Фрида боролась со смертью, боролась с изувеченным телом, преодолевая боль и отчаяние. Чего ей это стоило, не знает никто. Часами Фрида лежала, прислушиваясь к себе, все

глубже и глубже погружаясь в темноту, пока сестре Матильде не пришло в голову подвесить над кроватью Фриды зеркало, чтобы она могла видеть себя. «Зеркало! Палач моих дней, моих ночей... Оно изучало мое лицо, малейшие движения, складки простыни, очертания ярких предметов, которые окружали меня. Часами я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Я видела себя. Фрида изнутри, Фрида снаружи, Фрида везде, Фрида без конца... И внезапно под властью этого всемогущего зеркала ко мне пришло безумное желание рисовать».

У Фриды было полно времени и еще больше желания заняться ранее незнакомым делом. По ее просьбе ей изготовили мольберт, на котором можно было рисовать, лежа на спине, купили яркие краски... Фрида рисовала единственное, что могла чувствовать, единственное, что видела, – саму себя, растерзанную и борющуюся. Первый автопортрет был подарен Алехандро – родители отправили его в Европу, подальше от искалеченной невесты. Когда он вернулся в 1927 году, Фрида уже была на ногах и с головой ушла в живопись. Их дружба возобновилась, но вскоре Алехандро женился – на другой. Фрида пережила и это. Она работала – с самозабвением, с самоотречением, используя каждое мгновение, которое ей отпускала болезнь. «Страстное желание выжить порождало большую требовательность к жизни. Я очень много ждала от нее, каждую минуту осознавая, что я могу все это потерять. Для меня не существовало полутон, я должна была получить все или ничего. Отсюда эта неутолимая жажда жизни и любви», – писала она.

Фрида, одетая в мужской костюм, – он превосходно скрывал ее корсет и изувеченную ногу, – посещала художественные кружки и вечеринки, увлеклась политикой, в 1929 году вступила в коммунистическую партию. Однажды, набравшись смелости, Фрида принесла несколько своих автопортретов на суд к Диего Ривере, который тогда работал над росписью здания Министерства образования. Она заставила его слезть с лесов – и попросила честно сказать свое мнение о ее работах. Диего был сражен наповал – такой силы, мастерства и откровенности в работах непрофессиональной художницы он увидеть не ожидал. «Продолжайте. Ваша воля приведет вас к вашему стилю», – сказал он ей. И напросился в гости, чтобы посмотреть остальные работы...

Диего Ривера, прославленный художник-монументалист, был огромен, толст и с глазами навыкате. Он отличался бурным нравом и не менее бурной биографией. Ривера учился в Европе, где встречался с Пабло Пикассо, Андре Бретоном и Львом Троцким, а вернувшись на родину, обратился в своем творчестве к народным мексиканским традициям, фольклору и наследию доколумбовой эпохи. Его масштабные фрески украшали частные и правительственные здания Мексики, а его большое сердце было открыто всем женщинам без исключения. В Париже он был женат на русской художнице Ангелине Беловой, но изменял ей с Марией Стебельской, которая родила ему дочь. Уехав из Парижа, Диего забыл и про дочь, и про жену, и про любовницу. Он женился на мексиканке Гваделупе Марин, которая родила ему еще двух дочерей, но всей ее страстности и властности было недостаточно, чтобы держать Диего в рамках семьи. Гваделупе терпела его постоянные измены – но в конце концов он ушел и от нее.

Только что разведенный Диего увлекся Фридой – и постепенно это увлечение переросло в любовь, смешанную со страстью и преклонением. Диего, который был известным бабником, – несмотря на полноту и откровенно некрасивую внешность, Диего, который пользовался постоянным успехом у женщин, – пал перед Фридой, ее силой, остроумием, талантом и неутолимой жаждой жить. Она соединяла в себе западную культуру и мексиканский темперамент, мужскую силу и женское очарование. 21 августа 1929 года Фрида Кало вышла замуж за Диего Ривера. Ей было 22 года, ему – на двадцать лет больше. Родители Фриды не одобряли этого брака – по их мнению, это была «свадьба слона и голубки», жених был похож на «жирного-жирного Брейгеля», к тому же коммунист, – но Фрида смогла их убедить. К тому же Диего заплатил все долги семьи Кало...

Фрида писала в «Дневнике»: «Говоря о нашем союзе с Диего, быть может, чудовищном, но все же священном, скажу: это была любовь». Свой свадебный наряд – длинную юбку в горошек с воланами, блузу и шаль – Фрида одолжила у горничной своих родителей. Этот костюм тихуанских крестьянок считался символом свободоловобия; им Фрида словно кричала всему свету о своей любви к Диего. Отныне она навсегда распрощалась и с мужским костюмом, и со строгой прямой юбкой – традиционной одеждой коммунисток, – потому что хотела походить на мексиканок, воспетых и любимых ее Диего. Фрида поняла, что пышные юбки и расшитые блузы мексиканских крестьянок великолепно скрывают ее физические недостатки – и, кроме этого, невероятно ей идут, подчеркивая ее жизнерадостный характер.

Много лет спустя Фрида писала: «В моей жизни было две катастрофы: первая – когда автобус врезался в трамвай, вторая – Диего. Вторая страшнее». Уже в день свадьбы начались неприятности. На свадебном приеме Гваделупе задрала Фриде юбку и показала всем присутствующим ее изуродованную ногу, а затем приподняла свой подол – «Вот ради чего он отказался от моих ног!» Диего тоже продемонстрировал свой буйный нрав: напившись, он открыл стрельбу и даже ранил одного из гостей. Испуганная Фрида сбежала к родителям, и утром Диего пришлось просить прощения и уговаривать свою молодую жену вернуться к нему. Кроме того, Ривера просто не умел быть верным мужем. Он изменял с каждой своей натурщицей, со случайными женщинами, – но всегда возвращался к Фриде, которая молча ждала его. Правда, при всем при том Диего был болезненно ревнив, и стоило ему что-нибудь заподозрить – немедленно следовала буйная сцена с рукоприкладством, громкими криками и стрельбой. Но Фрида терпела все. Ради счастья быть рядом с ним она, не обращая внимания на постоянные мучительные боли, отправилась вместе с Диего в Сан-Франциско и Детройт, где у Риверы были заказы. На светских вечеринках одетая в яркие мексиканские платья Фрида неизменно привлекала к себе все внимание. Она шутила, рассказывала на ломаном английском занятные истории и пела мексиканские народные песни. Никто не подозревал, что за этой внешней радостью и буйством красок скрывается боль и трагедия. Фрида безумно хотела родить Диего ребенка, но три беременности – что при ее здоровье само по себе было подвигом – заканчивались выкидышами. Всю свою тоску, все безутешное отчаяние Фрида выплескивала в своих картинах. Ее автопортреты были полны ярких красок и страдания, на них были веселые птицы – и никогда не улыбающееся лицо Фриды. Символика и колорит ее картин уходят корнями в национальную индейскую мифологию, которую она прекрасно знала. В их с Диего доме в Сан-Анхеле была великолепная коллекция искусства доколумбова периода и предметов современного кустарного промысла. Яркие краски, отсутствие перспективы, четкие силуэты и детали, наивность рисунка и откровенность сюжетов – во всем просматриваются традиции мексиканского магического реализма и «наивного искусства» индейцев. Она воспевала свою боль, и вместе с нею – свою любовь к Диего. В ее живописи не было запретов, не было табу – только наедине с кистью она могла быть полностью откровенна, перенося на холст свое отчаяние и боль. Как писал Диего Ривера, Фрида «никогда ничего не преувеличивала, не изменяя точным фактам, сохраняя глубокий реализм, извечно присущий мексиканскому народу и его искусству, даже тогда, когда она прибегает к аллегориям, доводя их до космогонического обобщения».

Диего был первым и всегда оставался самым понимающим критиком творчества жены, но их отношения трещали по всем швам. В 1934 году между Фридой, истощенной повторными операциями, и Диего произошел разрыв: она застала его в постели с ее собственной младшей сестрой Кристиной. Диего пытался успокоить Фриду: «Забудь это, как маленькую царапину!» Фрида хлопнула дверью и переехала сначала в дом родителей, а затем в Нью-Йорк. Свою обиду она, как всегда, выплеснула на холст – картина называлась «Всего-то несколько царапин». Но вскоре Фрида вернулась – жить вдаль от Диего она не смогла.

В январе 1936 года в Мексику прибыл «трибун русской революции» Лев Троцкий и его жена Наталья Седова, изгнанные Сталиным из родной страны. Политическое убежище им было

предоставлено по ходатайству Риверы, но сам он в это время находился в больнице, и гостей встречала Фрида. Она привезла их в Голубой дом – он, выстроенный для большой семьи, давно уже пустовал: сестры вышли замуж, мать умерла... Фрида Кало почти мгновенно пленила престарелого революционера, с молодости славившегося любовью к ярким и сильным женщинам. В его жизни было мало веселья и радости бытия, которыми буквально светилась Фрида, а ее привлекал его ореол «великого революционера» и внутренняя сила. Их роман был окутан тайной: Фрида и Лев Давыдович переговаривались по-английски (ни Диего, ни Седова английского не знали), а записки передавали в книгах. Однако Наталья Седова слишком хорошо знала своего мужа; она все поняла, и он с трудом умолил ее о прощении. Троцкие съехали из Голубого дома. Фрида без сожалений отдала его письма: как бы ни был велик Троцкий, но он не мог заменить ей Диего. Сохранилось только одно письмо, случайно забытое среди страниц книги: «Ты вернула мне молодость и отняла рассудок. С тобой я, 60-летний старик, чувствую себя 17-летним мальчишкой. Я хочу слиться с твоими мыслями и чувствами. О, моя любовь, мой грех и моя жертва!». Одна из ее подруг вспоминала, что Фрида уже давно устала от этого романа: «Как мне надоел этот старик!» – говорила она...

Ривера, как это часто бывает, узнал о романе жены одним из последних. После нескольких лет бурных скандалов, обид и взаимных упреков Диего и Фрида в 1939 году приняли решение развестись.

Историки предполагают, что если бы Диего узнал обо всем вовремя, Троцкий бы погиб, не дожидаясь удара ледоруба Рамона Меркадера в 1940 году. Но все-таки, когда Троцкий погиб, Ривера находился под подозрением и был вынужден скрываться в Сан-Франциско у своих любовниц Полетт Годар и Ирен Богус, пока следствие не было закончено.

Может быть, для Фриды развод стал возможным потому, что она наконец начала приобретать финансовую независимость. Раньше она очень переживала из-за того, что они с Диего живут только на его заработки, а ее лечение требует слишком больших средств. Она стеснялась просить у него деньги, предпочитая занимать у друзей, тем более что и Диего зачастую тратил больше, чем зарабатывал. Но в ноябре 1938 года в Нью-Йорке прошла персональная выставка Фриды Кало, привлекавшая огромное внимание критиков – половина картин была тут же раскуплена. Фрида вспоминала: «Несмотря на мое недомогание, настроение было прекрасным, меня охватило редкое ощущение свободы от того, что я вдруг оказалась далеко от Диего... В галерее было полно народу. Люди проталкивались к моим картинам, которые, видимо, потрясли их. Это был полный успех». Фрида произвела фурор не только своим искусством – «суровым, хрупким, как крылья бабочки, восхитительным, как улыбка ребенка, и жестоким, как горечь жизни», по словам Риверы, но и сама по себе – своим характером, манерой одеваться, своей силой духа. У нее начался роман с фотографом Николасом Мюреем, который покорила Фриду своей добротой, вниманием и нежностью, – никогда она еще не сталкивалась с подобным отношением. Вдохновленная им, Кало снова вернулась на свою вечную битву с жизнью. В январе 1939 года ей покорился Париж. Андре Бретон, отец сюрреализма, организовал выставку «Вся Мексика», где были представлены предметы индейских культов, народных промыслов и работы Фриды Кало. Художница и ее картины стали настоящей сенсацией, одну из них даже купил Лувр. Пресыщенная парижская богема поголовно влюбилась в Фриду. Восхищенный Пабло Пикассо писал Диего: «Ни ты, ни Дерен, ни я не в состоянии написать такое лицо, какие пишет Фрида Кало». Женщины пожирали глазами необыкновенные наряды Фриды – длинные яркие многоцветные платья, украшенные пестрой вышивкой, пышные нижние юбки, ее прическу – роскошные косы, перевитые цветами и лентами, ее тяжелые грубые украшения. Модельер Эльза Скиапарелли, вдохновленная одеждой Фриды Кало, создала модель «Платье синьоры Риверы», а обложку журнала «Вог» украсила фотография тонкой руки Фриды в необычных кольцах.

Опьяненная успехом, Фрида прилетела в Нью-Йорк к Николасу – но там ее ждало разочарование: он собрался жениться на другой. Снова боль, снова разочарование, снова одиночество... И снова Фрида ищет спасения в творчестве. Зимой 1939/40 года она работает, как никогда. Созданная в это время серия автопортретов – «Автопортрет с обезьянкой и пластиной на шее», «Автопортрет с ожерельем из шипов и колибри», «Автопортрет с короткой стрижкой», «Две Фриды», – выражала все, что происходило в душе у этой женщины, изувеченной и болезнью, и разлукой с любимым человеком. Мексиканский поэт Карлос Пеллисер, безнадежно влюбленный в Фриду, посвящал ей сонеты, друзья окружали ее, но без Диего Фрида чувствовала себя одинокой. Однажды в больнице ее навестил богатый американский коллекционер Хайнц Берггрюэн. Он был покорен Фридой мгновенно – после бурного секса прямо в больнице он увез ее в Нью-Йорк. Снова короткий период счастья... Диего, который как раз в это время скрывался в Сан-Франциско, узнал об этом – и был раздавлен: Фрида, которую он привык считать своей женой и своим творением, счастлива с другим! Он понял, что не может потерять Фриду, и бросился на штурм. Пока Хайнц растерянно наблюдал, Диего заваливал Фриду письмами с просьбами, обещаниями и заверениями в любви. Наконец Фрида дрогнула: она послала Диего телеграмму с обещанием приехать к нему в конце ноября. Хайнцу ничего не оставалось, как тихо исчезнуть.

Диего Ривера и Фрида Кало вновь поженились в декабре 1941 года. Фрида выдвинула мужу ряд условий: никаких интимных отношений – при его изменах для нее это было бы мучительно, – никакой ревности, терпимость и материальная независимость. «Я был так счастлив вернуть Фриду, что согласился на все», – вспоминал Диего. Они поселились в Голубом доме – «уже навсегда, без ссор, без всего плохого – только для того, чтобы любить друг друга». Фрида, жизнь которой наконец обрела спокойную стабильность, продолжала работать – она писала столько, сколько позволяла ей жизнь с Диего и ее изувеченное тело. Больше всего она жалела, что ее сил хватает всего на несколько часов работы в день. В 1942 году супруги Ривера начали преподавать в только что открытой школе искусств «Эсмеральда». Из-за слабого здоровья Фрида преподавала дома – ученики приходили к ней и, очарованные ею, рисовали, рассевшись на плитах двора, пока она разъезжала между ними в инвалидном кресле. В конце 40-х годов ее отношения с Диего снова чуть не прекратились – у него был роман с актрисой Марией Феликс, и Фрида едва не сломалась окончательно. Она пристрастилась к алкоголю, который позволял хоть ненадолго забыть о Диего и постоянной боли. «Чем сильнее я люблю женщин, тем сильнее я хочу заставлять их страдать», – говорил Ривера. Но в жизни Фриды и так остались одни страдания. В 1944 году Фрида закончила картину «Сломанная колонна», аллегорию ее страданий: истерзанное тело Фриды стиснуто металлическим корсетом, а рассеченная спина обнажает на месте позвоночника – сломанную греческую колонну.

Ее здоровье продолжало ухудшаться. В 1945 году – операция на позвоночнике в Нью-Йорке, через год – в Мехико. Постоянную боль не снимал даже морфий; корсеты – кожаные, гипсовые, металлические, некоторые весом до 20 килограммов – поддерживали ее спину, но добавляли лишние страдания. В 1951 году Фрида перенесла семь операций, за всю жизнь их было 32. На ее автопортретах – кровь, терновый ошейник, кинжалы, вырванное сердце – символы ее страданий. Только однажды, готовясь к очередной операции, Фрида вместо автопортрета напишет «Раненого оленя» – спина его утыкана стрелами. А после операции – «Древо надежды»: Фрида лежит на носилках с израненной спиной, а перед ней сидит другая Фрида, в руках у нее – корсет и плакат с надписью: «Древо надежды, стой прямо». Фрида устала. Устала жить, устала бороться, устала чувствовать боль. Ее все чаще беспокоят мысли о смерти, это немедленно отразилось на ее картинах, которые наполняются трагизмом, страхом и дурными предчувствиями. Она предприняла несколько попыток самоубийства, один раз чуть не спалила себя заживо. Диего мчался к ней по первому зову – теперь, когда конец был близок, он наконец полностью осознавал, какая великая женщина была рядом с ним. А Фрида кричала

от боли в своей комнате, которую Диего расписал для нее яркими бабочками, и снова звала его... «Мой крылатый Диего, моя тысячелетняя любовь», – шептала она...

Из-за начавшейся гангрены Фриде ампутировали правую ногу. У нее не осталось сил, депрессия накрыла ее с головой. Только Диего, который все время был рядом с нею, не позволил ей умереть прямо в больнице. Втайне от жены он подготовил ее выставку в галерее Лолы Альварес. Фрида на час вырвалась из больницы, чтобы в последний раз насладиться триумфом.

Она больше не могла писать, а значит – не могла жить. Уже много лет только работа, только живопись держали ее на этом свете. Последняя написанная картина – натюрморт с арбузами – называется «Да здравствует жизнь!» Но жизнь скоро закончилась. 13 июля 1954 года Фрида Кало умерла от пневмонии. Последняя запись в ее дневнике гласит: «Надеюсь, что уход будет удачным, и я больше не вернусь».

Диего Ривера – «монстр и святой в одном лице» – последовал за Фридой через три года.

Урна с прахом Фриды Кало покоится в ее Голубом доме, превращенном в музей. Там всегда многолюдно. Фриду Кало, которая жила ярко и страстно, не могли забыть. В шестидесятые годы личность Фриды – страстная женщина, свободная в любви и в творчестве, – была очень актуальной. В семидесятые, когда в моде были яркие краски и примитивизм, ее творчество и стиль в одежде вознесли на вершину. В восьмидесятые, когда расцвел буйным цветом феминизм, она стала одной из его икон. В буквальном смысле – ей воздвигали алтари, а религию, которую исповедовала в ее память творческая богема, называли «калоизм». Картины Фриды ценятся на вес золота, о ее жизни пишутся книги и снимаются фильмы. Она доказала, что можно жить вот так – наперекор боли, страданиям, наперекор самой судьбе, можно жить и при этом быть счастливой, без оглядки на правила, чужие мнения и саму себя... Она не хотела возвращаться, но из памяти людской она никогда не уходила – и не уйдет. Маленькая женщина, своим творчеством победившая саму себя.

Фаина Раневская

Сильная женщина с хрупким сердцем

Десять лет назад редакционный совет английской энциклопедии «Who is Who» назвал Фаину Георгиевну Раневскую в числе десяти самых выдающихся актрис XX века. Между тем у нее почти не было ни одной главной роли в кино, которое ее прославило, а в театре она играла гораздо меньше, чем ей хотелось бы. Когда Раневская была моложе, режиссеры звали ее сниматься на роли без слов – и даже вообще без роли, – надеясь, что она придумает себе роль, которая украсит их фильм. А потом перестали звать даже на эпизоды, понимая, что ее игра затмит всех остальных. Она говорила: «У меня хватило ума глупо прожить жизнь...»



Настоящая фамилия Фаины Георгиевны – Фельдман. Она родилась в Таганроге 27 (по старому стилю 15) августа 1896 года. Она всю жизнь гордилась тем, что в этом же городе родился Антон Чехов и провел последние дни император Александр I. Отца Фаины звали Гирши Хаймович Фельдман (все будущие попытки актрисы произвести приличное для недо-

люблюющей евреев власти отчество привели к разночтениям: она то Григорьевна, то Георгиевна; впрочем, самой Раневской больше нравился второй вариант). Он был очень богатым человеком: владел фабрикой сухих красок, недвижимостью – домами, складами, даже пароходом «Святой Николай» – тем самым, на котором в 1902 году Лев Толстой возвращался из Крыма. Он был старостой синагоги, основал приют для пожилых евреев. Человек очень строгий, принципиальный и немного суховатый – маленькая Фая его боялась. Зато очень любила мать, Милку Рафаиловну (в девичестве Валову) – женщину страстную, нервную, немного экзальтированную, обожающую искусство. На памяти Фаины она плакала – точнее, рыдала – только два раза в жизни: когда не стало Льва Толстого и когда умер Антон Чехов. Актерский темперамент Фаина, несомненно, унаследовала от матери. С раннего детства ей нравилось изображать людей – дворника, прохожих, нищих на улицах...

Любимицей семьи была старшая дочь Белла – красавица и умница. Постоянно сравниваемая с сестрой, Фаина чувствовала себя неуверенно, и это чувство неуверенности в себе осталось у нее на всю жизнь. Неуклюжая, нескладная, к тому же немного заикающаяся, Фаина искала способ выразить себя, найти свое место в жизни. И такое место вскоре нашлось: театр.

Огромное впечатление на Фаину произвели первые киноленты, спектакли гастролировавших в Таганроге провинциальных театров, выступления Скрябина. В 1910 году, на отдыхе в Евпатории, Фаина познакомилась с гостившей там Алисой Коонен, в то время актрисой МХТа. Весной 1911 года в Таганрог приехала на гастроли труппа театра Ростова-на-Дону, где блистала Павла Леонтьевна Вульф – известнейшая в то время провинциальная актриса. Ее называли «провинциальной Комиссаржевской» – Павла Вульф была ее ученицей, играла похожий репертуар. Игра Павлы Вульф настолько покорила Фаину, что она по окончании гимназии решила пойти на сцену. Отец был решительно против – и Фаина порвала с семьей. В 1915 году она уезжает в Москву.

Здесь она последовательно поступала во все театральные школы – и нигде не была принята: мало того, что внешность у Фаины была «неартистическая», так еще на прослушиваниях она от волнения начинала заикаться. Наконец удалось пристроиться в частную школу, но оттуда она вскоре вынуждена была уйти – нечем было платить. Денег практически не было. От отчаяния она пошла к старому другу отца. Тот сказал: «Дать дочери Фельдмана мало – я не могу, а много – у меня уже нет...»

Наконец отец, поддавшись уговорам жены, прислал ей перевод. Получив деньги, Фаина вышла на улицу – и ветер вырвал их у нее из рук. Фаина вздохнула: «Как жаль – улетели...»

Кто-то из знакомых, узнав об этой истории, сказал: «Это же Раневская, «Вишневый сад»! Только она так могла!» И Фаина стала Раневской.

Непрактичность всю жизнь была основной из главных черт Фаины Георгиевны. Деньги у нее никогда не водились – ее либо обкрадывали собственные домоправительницы, либо брали в долг без отдачи, а все, что оставалось, она тратила на подарки друзьям.

В Москве Фаина познакомилась со знаменитой балериной Екатериной Васильевной Гельцер. Она иногда пускала к себе кого-нибудь, подобранного из толпы у Большого театра. Подходила, спрашивала: «Кто тут самый замерзший?» Однажды такой оказалась Фаина. Они с Гельцер, несмотря на разницу в возрасте, очень подружились. Гельцер ввела Фаину в круг своих друзей, водила на спектакли Московского Художественного театра, познакомила с Мариной Цветаевой, Осипом Мандельштамом, Владимиром Маяковским. Она же устроила Фаину на сцену – на выходные роли в летний Малаховский театр, антрепренером которого была ее близкая приятельница. Театр был очень неплохим: там во время летних каникул играли лучшие актеры, ставились классические пьесы. По окончании сезона Фаина через театральную биржу с немалым трудом устроилась за 35 рублей в месяц «со своим гардеробом» на роли героини-кокетт (то есть соперницы главной героини) в Керчь.

В Керчи состоялся официальный дебют Фаины – она играла мальчика-гимназиста в пьесе «Под солнцем юга». В театр никто не ходил, и антреприза прогорела. Распродав вещи, Фаина переехала в Феодосию. Тамашный антрепренер сбежал от актеров, ничего не заплатив. Из Феодосии пришлось перебраться в Кисловодск, а оттуда – в Ростов-на-Дону.

Наступил 1917 год. Весной стало известно, что вся семья Фельдман на своем пароходе «Святой Николай» эмигрировала в Турцию.

В Ростов Фаина приехала с единственной целью – обратиться за помощью к жившей там Павле Вульф. Раневская явилась к ней в номер, от смущения села на журнальный столик вместо стула. Вульф предложила ей выучить роль из какой-нибудь пьесы и, увидев результат, сказала: «Мне думается, вы способная, я буду заниматься вами».

Уроки у Вульф стали, по сути дела, единственной театральной школой Раневской. Несмотря на разницу в возрасте – шестнадцать лет, – их отношения переросли в дружбу, связывавшую двух актрис всю жизнь. Вульф заменила Раневской семью, являясь ее наставником, другом, единственным критиком – строгим и авторитетным. Вместе они прожили почти 45 лет.

Дочь Павлы Ирина очень ревновала мать к Фаине. Чтобы доказать, что она тоже на что-то способна, Ирина со временем сама пошла на сцену. Она уехала в Москву, где с успехом играла в разных театрах, потом стала режиссером – даже ставила спектакли, в которых играла Фаина Георгиевна.

Когда в Ростове начались бои, решили уехать в Крым. Раневскую взяли с собой. Она потом говорила: «Павла Леонтьевна спасла меня от улицы».

В Крыму тогда было страшно: постоянные бои, голод, эпидемии. Спас семью Вульф Максимилиан Волошин, регулярно приносивший им еду: хлеб и мелкую хамсу, которую жарили на касторовом масле. Раневская много играет – пьесы Чехова, Островского, Гоголя, Горького. Играть было тяжело, и Фаина много раз решала уйти со сцены, но Павле Леонтьевне удавалось ее успокоить, уговорить остаться. В конце 1924 года, когда война закончилась, Вульф и Раневская переехали в Москву – там, в школе-студии МХТ, уже училась дочь Павлы Леонтьевны Ирина.

Павла Вульф и Раневская поступили в передвижной театр московского отдела народного образования – МОНО, на следующий год, когда МОНО закрылся, – в Бакинский рабочий театр, где проработали три года, потом играли в Гомеле, Смоленске, Архангельске, Сталинграде, опять Баку. А в 1931 году Павлу Вульф пригласили на педагогическую работу в Театр рабочей молодежи – ТРАМ. И Вульф с Раневской снова оказываются в Москве.

Здесь Раневскую пригласил в свой Камерный театр известный режиссер Таиров – с его женой и первой актрисой его театра Алисой Коонен Фаина была знакома уже давно. Уже первая ее роль – Зинка в «Патетической сонате» – имела шумный успех у публики.

Желая покорить и кинематограф, Раневская собрала свои фотографии и отослала их на «Мосфильм». Ей вернули их со словами: «Это никому не нужно». Актриса обиделась на кино. Но когда однажды к ней подошел молодой человек и сказал, что хотел бы снять ее в кино, она бросилась ему на шею. Это был Михаил Ромм, который тогда приступал к съемкам своего первого фильма «Пышка» по Ги де Мопассану.

Фаина играла роль госпожи Луазо. Съемки проходили по ночам – актеры были из разных театров, днем их собрать было невозможно, – в холодном павильоне. Раневской сшили платье из остатков ткани, которой обили экипаж, – оно было очень тяжелым и совершенно неудобным. Когда съемки наконец закончились, Фаина вместе со своей подругой и партнершей по фильму Ниной Сухощкой поклялись на Воробьевых горах, как Герцен и Огарев, что никогда больше не будут сниматься в кино.

Тем не менее уже через два года Раневская согласилась сняться в фильме режиссера Игоря Савченко «Дума про казака Голоту». Роли для нее не было, но режиссеру так хотелось

снять Раневскую в своем фильме, что он предложил ей заменить имеющегося в сценарии скупого попа на попадью. «Если вам не жаль оскотить человека, я согласна», – ответила Раневская.

На пробах ее одели, загримировали и попросили войти в декорации и что-нибудь изобразить. Раневская подошла к клетке с птицами, сунула палец в клетку и засмеялась: «Рыбки мои золотые!» Потом наклонилась к пороссятам... Съёмочная группа лежала от хохота. Эта кинопроба – редчайший случай – вошла в фильм.

В 1935 году Фаина перешла из Камерного в Центральный театр Красной Армии. Здесь она получила заглавную роль в спектакле по пьесе Горького «Васса Железнова». За исполнение роли Вассы Раневская получила звание заслуженной артистки РСФСР. А в 1939-м она ушла из театра, чтобы сниматься в кино.

В том же году она снялась в фильмах «Человек в футляре» и «Ошибка инженера Кочина», а также в фильме, ставшем ее триумфом и сильно испортившем ей жизнь, – в «Подкидыше». Знаменитую фразу «Муля, не нервируй меня!» она придумала сама – и возненавидела ее. Всю оставшуюся жизнь «Муля» преследовал ее: так кричали толпы бежавших за ней мальчишек на улицах, так говорили, знакомясь с ней, элегантные дамы. Даже Брежнев, вручая ей в 1976 году – в связи с 80-летием – орден Ленина, вместо приветствия сказал: «А вот идет наш «Муля, не нервируй меня!»». Раневская ответила: «Леонид Ильич, так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы!» Генсек смутился: «Простите, но я вас очень люблю...».

В фильме «Мечта» Раневская сыграла Розу Скороход – небогатую, несчастную в своей любви к негодяю-сыну содержательницу пансиона. Это была лучшая роль Раневской в кино, единственная ее главная роль в кинематографе, редкое сочетание высокого комизма и глубочайшей трагедии. В то время Раневская была очень худой, хрупкой, но свою героиню она представляла массивной. Раневская специально придумала Розе тяжелую походку, обматывала ноги бинтами, чтобы они казались толстыми и опухшими. Но, к сожалению, судьба у фильма не сложилась. Премьера «Мечты» состоялась 6 июля 1941 года – Москву уже обстреливали. Во время войны фильм был неактуальным, а потом о нем забыли... Когда «Мечту» увидел президент США Рузвельт, он сказал: «На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская – блестящая трагическая актриса».

На время войны семья Вульф и Раневская были эвакуированы в Ташкент. Здесь Фаина Георгиевна познакомилась и подружилась с Анной Ахматовой, которую едва живой привезли из осажденного Ленинграда. Дружба эта продолжалась всю жизнь. Раневская боготворила Ахматову, называла ее «Рабби» или «Раббинька» – в знак уважения к ее мудрости.

Ахматова утешала ее: «У каждого из нас есть свой Муля». – «А какой Муля у вас?» – спросила Раневская. «Сжала руки под темной вуалью...» – немедленно ответила Анна Андреевна.

Раневская долгое время записывала за Ахматовой ее высказывания по разным поводам. Однажды Анна Андреевна попросила прочесть записи. «Знаете, я растапливала печку и по ошибке вместе с другими бумагами сожгла все, что записала», – ответила Раневская. «Мадам, вам 11 лет и никогда не будет 12», – сказала Ахматова и долго смеялась.

Их дружба продолжалась и после эвакуации – до самой смерти Анны Андреевны в 1966 году. Фаине Георгиевне предлагали написать воспоминания об Ахматовой, но она отказалась: «Мне не поручали сделать это!» С трудом ее уговорили написать воспоминания о себе – она за три года написала почти целую книгу, но потом сожгла. Писательница Маргарита Алигер уговорила ее восстановить написанное, но целой книги уже не получилось...

После Ташкента за Раневской закрепилось прозвище «Фуфа» – так ее называл внук Павлы Леонтьевны.

В Москву Вульф и Раневская вернулись в 1943 году. Раневская поступила в Театр драмы (им. Маяковского). Уже на следующий год Раневская снялась в фильме «Свадьба» по Чехову, а в 1947 году – в «Золушке» по Шварцу. Евгений Львович, всегда очень следящий за точностью

своего текста, тем не менее позволил Раневской ввести некоторые реплики «от себя»: например, знаменитая фраза «Я бегаяю, хлопочу, добываю и добиваюсь, очаровываю...». была придумана Раневской прямо на съемках. В том же году Раневская снимается в «Весне» с Любовью Орловой, с которой тоже была дружна. Когда-то именно Раневская уговорила Любу Орлову сниматься в кино. Ее не отпускали на съемки из театра, и Орлова уже собиралась отказаться от фильма, но Раневская запретила, сказав: «Вот увидишь, кинематограф станет твоей судьбой!» Орлова всю жизнь называла Раневскую «мой Фей».

До перехода в Театр имени Моссовета – она играет Бабушку в «Молодой гвардии» Фадеева, Берди в пьесе «Лисички» Лириан Хеллман, в 1949 и 1951 годах стала лауреатом Сталинской премии. В 1954 году на сцене Театра Моссовета она сыграла в пьесе Горького «Сомов и другие». Сталину нравилась игра Раневской: «Вот Жаров в разном гриме, разных ролях – и везде одинаков; а Раневская без грима, но везде разная». В это же время Раневская создала свой драматический шедевр – инсценировку рассказа Чехова «Драма», где она играла вместе с замечательным актером Осипом Абдуловым, а после его смерти – с Борисом Тениным. Этот концертный номер имел ошеломляющий успех. Раневская фантастически играет провинциальную тетку с претензией на интеллигентность, с необычайным воодушевлением читающую несчастному писателю свой ужасающий «шедевр». Но новых ролей ей не давали, и постепенно испортились отношения с администрацией театра – вплоть до сердечного приступа у Раневской. В 1955 году она переходит в Театр им. Пушкина. Она проработала там восемь лет и столкнулась с теми же проблемами – нет ролей, нет понимания. Ирина Вульф, в то время уже режиссер Театра им. Моссовета, уговорила ее вернуться в этот театр – и Раневская работала там до самого конца.

В начале 50-х годов Раневская переехала из комнаты в коммуналке в Старопименовском переулке в двухкомнатную квартиру в высотке на Котельнической набережной. К сожалению, квартира оказалась далеко не такой удобной, как представлялось: прямо под окнами выход из кинотеатра и служебный подъезд булочной, где разгружали машины с хлебом. «Я живу над хлебом и зрелищем», – говорила Раневская.

В 1957 году Раневская поехала в Румынию навестить семью – мать, брата, племянника. Она не видела родных сорок лет. К сожалению, сестра Белла уже несколько лет жила в Париже, и ей не дали визу, хотя Раневская пыталась это устроить. Потом Белла вышла замуж и уехала в Турцию, но вскоре овдовела. Почувствовав себя совсем одинокой, Белла вспомнила о своей сестре, кинозвезде и лауреате многих премий. Она решила, что сестра наверняка богата и сможет содержать ее. Белла написала Фаине, что хочет переехать к ней. Фаина Георгиевна начала хлопотать – хлопоты растянулись на несколько лет.

А в 1961 году умерла Павла Леонтьевна Вульф – после ее смерти Раневская почувствовала себя совсем одинокой.

Раневская – чуть ли не единственная великая актриса, у которой никогда не было романов, семьи, детей. Она как-то сказала: «Все, кто меня любили, не нравились мне. А кого я любила – не любили меня. Кто бы знал мое одиночество! Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной...» И добавила: «Моя внешность испортила мне личную жизнь». Ее семьей были ее друзья, ее роли.

Тогдашний министр культуры СССР Екатерина Фурцева в конце концов добилась для Раневской не только разрешения на приезд ее сестры, но и на совместное их проживание на Котельнической. Раневская пошла к Фурцевой благодарить: «Спасибо, Екатерина Алексеевна, вы – мой добрый гений!» Фурцева ответила: «Ну что вы, какой же я гений, я простой советский работник».

Сестры стали жить в соседних комнатах. Но вскоре Изабелла Георгиевна тяжело заболела и в 1963 году умерла. Фаина Георгиевна снова осталась одна... Она пережила всех, кого

любила, – Павлу Вульф, Ахматову, умершую в 1962 году Екатерину Гельцер, ушедших в 1975 году Любовь Орлову и Дмитрия Шостаковича...

В 1960 году Раневская снялась в фильме «Осторожно, бабушка!» в роли бабушки и на следующий год получила звание Народной артистки СССР, а в 1965-м – в фильме «Легкая жизнь». В театре она начала играть одну из своих звездных ролей – «Странную миссис Сэвидж» в пьесе Джона Патрика, в 1972 году она передаст эту роль Любове Орловой. Раневскую знала вся страна: когда она шла по улице, все милиционеры отдавали ей честь, а прохожие спрашивали, где она сейчас снимается... Ей нечего было сказать. Раневской предлагали сценарии, в основном эпизодические роли, но Раневская была очень требовательна и в плохих фильмах сниматься отказывалась. «Сняться в плохом фильме – все равно что плюнуть в вечность», – говорила она. А о своих неудачных ролях сказала: «Деньги давно съедены, а позор остался». С возрастом ее было все труднее уговорить сыграть то, что ей не нравилось, и не так, как она сама хотела.

Демонстрируя в профессии исключительную требовательность, деловитость и педантизм, в бытовых вопросах она была на редкость беспечна. Получив однажды гонорар за фильм, она пришла в театр и за кулисами стала предлагать всем деньги. Пачку быстро расхватили – самой Фаине Георгиевне не осталось ничего. «И ведь раздала совсем не тем, кому хотела», – сокрушалась она. Все ее домработницы беспощадно ее обворовывали и обманывали. Говорили, что любой человек мог подсесть к ней в транспорте, попросить денег – и тут же их получить. Она никогда не вспоминала о своих займах. «Мне всегда было непонятно: люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства!» – говорила она. Жила очень скромно, годами спала на раскладушке, потом – на узенькой тахте. Купленную как-то роскошную двуспальную кровать тут же подарила своей домработнице Лизе на свадьбу. Делать подарки она любила больше всего на свете. Как-то она написала: «Поняла, в чем мое несчастье: скорее поэт, доморощенный философ, бытовая дура – не лажу с бытом! Деньги мешают, и когда их нет, и когда они есть... Вещи покупаю, чтобы их дарить. Одежду ношу старую, всегда неудачную. Урод я».

Недолюбливая свою внешность, Раневская мало заботилась о своем внешнем виде – не было ни желания, ни средств. Одевалась во что попало, хотя чувствовался врожденный вкус. Очень любила шейные платки и шарфы, шляпы. У нее были очень красивые, ухоженные руки с тщательно отполированными ногтями. Она тщательно следила за прической и всегда, даже на сцене, пользовалась хорошими французскими духами – пожалуй, это была единственная роскошь, в которой она себе не отказывала.

Характер у нее был требовательный, взрывной, капризный, нервный. Остро ощущая свое одиночество, Раневская пыталась скрыть его плотной завесой юмора, который со временем перешел в язвительность и цинизм. Ее ядовитые фразы до сих пор повторяют – они превратились в фольклор.

В 1969 году состоялась премьера спектакля «Дальше – тишина» по пьесе Вины Дельмар. Партнером Раневской был Ростислав Плятт – они играли супружескую пару. Плятт и раньше работал с Раневской – в «Мечте», «Слоне и веревочке», «Весне», театральных спектаклях. Роль в «Тишине» была в какой-то степени реваншем Раневской за многие годы простоя, она отдавала своей Люси Купер все силы, и хотя пьеса была слабовата, спектакль пользовался феноменальным успехом. Попасть на него было невозможно – те, кто мог, приходили смотреть на игру двух великих стариков по нескольку раз, распространяя легенды о той фантастической игре, которую они увидели. Каждый спектакль был другим: Раневская физически не могла произвести одну и ту же реплику одинаково, все время что-то придумывала, меняла. Но возраст, постоянные болезни и Раневской, и Плятта не давали играть спектакль так часто, как хотелось бы им и зрителям...

В 1973 году Раневская, по настоянию своей подруги Нины Станиславовны Сухоцкой, переехала из дома на Котельнической в Южинский переулок – по сути дела, первое в ее

жизни нормальное жилье, без вида на соседнюю стену, как в коммуналке в Старопименовском переулке, без матерящихся грузчиков под окном, как на Котельнической... Почти сразу же в ее жизни появился пес Мальчик – его, подобранного на улице, Фаина Георгиевна полюбила больше, чем кого бы то ни было еще. Даже отказалась лечь в больницу, потому что Мальчику не с кем остаться. Больницы она вообще не любила, о ЦКБ, в которой приходилось лежать чаще всего, говорила: «Кремлевка – это кошмар со всеми удобствами». Ей хотелось только одного – играть, а не было ролей, не было сил...

Последняя премьера состоялась в 1980 году – это была пьеса Островского «Правда хорошо, а счастье лучше». Раневская давно хотела сыграть Островского и попросила одного из своих знакомых подобрать ей пьесу. Ей предложили «Правду», рассчитывая, что ей понравится центральная роль старухи Барабошевой. Однако Раневская выбрала роль няньки Фелицаты. Раневской уже с трудом удавалось выучить текст, ей было тяжело играть, но ее Фелицата, стоившая Фаине Георгиевне огромного нервного напряжения, стала из эпизодической роли центральной; игра Раневской перекрывала всех.

Талант Раневской, как это ни странно, часто мешал ей. Известен, например, такой случай. В 1964 году режиссер Александр Файнциммер снимал на Мосфильме фильм «Спящий лев». Раневская, которая давно не играла, позвонила режиссеру и предложила себя на роль директора магазина. Вся киностудия сбежалась смотреть, как будет пробоваться Раневская. Она долго гримировалась, потом за 20 минут сыграла перед камерой полсотни разных эпизодов – еле успевали менять пленку. Файнциммер посмотрел пробы и впал в панику: если снять Раневскую в этом эпизоде, все остальное провалится: она играла настолько сильно, что остальные рядом с ней просто терялись... Он позвонил Раневской и все объяснил. Она выслушала его и сказала: «Значит, я так и умру, ничего не сыграв...»

Последний раз Раневская вышла на сцену 24 октября 1982 года – в спектакле «Дальше – тишина». Она ушла из театра тихо, без банкетов или скандалов: просто написала заявление и ушла. Как она сказала, «надоело симулировать здоровье». Она устала ждать новых ролей: «Мне осталось жить всего сорок пять минут. Когда же мне все-таки дадут интересную роль?» За 50 лет в московских театрах она сыграла только 17 ролей. Когда ей прислали пьесу Джона Маррелла «Смех лангусты» о последних днях жизни Сары Бернар, Раневская сначала загорелась, а потом сказала: «Я не буду играть. Я видела Сару Бернар на сцене... Я не смею ее играть».

Весной 1984 года у Фаины Георгиевны опять был инфаркт, потом – пневмония... 20 июля ее не стало.

Ее похоронили на Донском кладбище, рядом с сестрой. Гениальную актрису, которая, по ее собственным словам, не сыграла и четверти тех ролей, которые должна была сыграть. Одну из немногих, чья память надолго пережила их самих...

Лени Рифеншталь Триумф воли

Она была великим режиссером, оставившим в наследство тем, кто подвергал ее нападкам и гонениям, свои прекрасные фильмы и фотоработы, множество технических новшеств, взятых на вооружение ее последователями. А еще она была маленькой хрупкой женщиной с очень трудной судьбой и железной волей...



Эта маленькая хрупкая женщина со стальным характером прожила долгую жизнь, полную взлетов и падений, она была вхожа в высшие эшелоны власти Третьего рейха, считалась «кинематографистом № 1» в гитлеровской Германии, а потом была вынуждена доказывать свою невиновность и отстаивать свое право на собственное видение мира. Ее обвиняли во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях: в пропаганде фашизма, в сотрудничестве с национал-социалистами, в дружбе с Йозефом Геббельсом и даже в любовной связи с Адольфом Гитлером. Она продолжала утверждать, что ни в чем не виновата. Она прошла через пятьдесят

судебных процессов, и каждый раз ей удавалось склонить судей на свою сторону. Судей, но не общественное мнение.

В 1986 году вышла книга ее мемуаров, которые, как она надеялась, должны были поставить точку в спорах вокруг ее имени. Эпиграфом к своим воспоминаниям она взяла известную фразу Альберта Эйнштейна: «Обо мне опубликовано столько откровенной лжи и досужих сплетен, что я уже давно покоился бы в могиле, если бы обращал на них внимание».

Следует утешаться тем, что через сито времени большая часть ерунды стекает в море забвения». Эта книга (надо сказать, весьма субъективная, как любые мемуары) лишь подлила масла в огонь.

Берта Хелена Амалия (или просто Лени) Рифеншталь родилась 22 августа 1902 года в одном из рабочих кварталов Берлина. Ее отец Альберт Рифеншталь владел небольшой фирмой, занимавшейся установкой отопительных систем, а мать – Берта Рифеншталь, урожденная Шербх – была неплохой портнихой и по мере сил и возможностей обшивала соседей и знакомых, помогая мужу зарабатывать на жизнь. Семейство никогда не бедствовало, но и больших денег в доме тоже не водилось. Через два с половиной года после рождения Лени Берта родила мальчика, которого окрестили Хайнцем.

Шло время, дети росли, и становилось все более и более заметна серьезная разница в их характерах: насколько Лени была сорванцом и «возмутителем спокойствия», настолько же ее младший брат рос тихим и спокойным ребенком, настоящей «серой мышкой».

В четыре года Лени всерьез заинтересовалась танцами и актерством, стала сочинять свои первые стихи, а в пять девочка научилась плавать, и с тех пор вода стала ее стихией. Чуть позже, когда ей исполнилось двенадцать, она вступила в местный плавательный клуб (после неудачного падения на воду плашмя с пятиметровой вышки занятия в клубе пришлось надолго прекратить), встала на роликовые и ледовые коньки. С тех пор ее «показательные выступления» в ближайшем парке часто собирали толпу зевак и иногда даже заканчивались вызовом полиции.

Параллельно с этим Лени брала уроки фортепиано – в те времена для девочек из хороших семей практически вменялось в обязанность владеть инструментом – и стала членом гимнастического союза (после еще одного несчастного случая отец категорически запретил ей заниматься гимнастикой). И каждый раз новое увлечение становилось смыслом ее существования, поглощало ее без остатка – в этом была вся Лени. Но надо отдать ей должное, к каждому из своих интересов девочка подходила весьма серьезно. И в этом тоже начала проявляться одна из черт характера «стальной Лени».

В 1918 году Лени блестяще окончила Кольморгенский лицей в Берлине. Лишь одно омрачало радость родителей: одна из лучших учениц школы, их дочь принципиально не собиралась исправлять свое «удовлетворительно» по поведению. К чему? Она такая, какая она есть, и с этим уже ничего не поделать.

В том же году Лени волей случая оказалась среди учениц школы танцев фрау Гримм-Райтер. Очарованная кинематографом и грезящая съемками, она пришла туда по объявлению о наборе девушек в массовку нового кинофильма. В кино она тогда так и не попала, а вот уроки танцев стали для нее настоящим мощным толчком не только в карьере, но и во всей ее последующей жизни. Отец не раз выказывал свое резко отрицательное отношение к сцене вообще и к женщинам сцены в частности, полагая всех их если не проститутками, то чем-то сродни тому. И уж свою-то дочь Альберт Рифеншталь ни за что не пустит на подмостки!

Именно поэтому отцу было решено ничего не сообщать. Во-первых, Лени не собиралась на сцену. Ей просто хотелось танцевать. А во-вторых, чтобы избежать скандала, поскольку Альберт, хорошо знавший характер своей дочери, уже пообещал однажды «выбить из ее головы дурь стать актрисой». Для этого он заставил ее посещать одну из лучших в Берлине школ домо-

водства. Лени подчинилась – настаивать было бы глупо, – но мечтать об экране не перестала и продолжила танцевать.

Избежать скандала не получилось. Несколько месяцев, держа отца с молчаливого согласия матери в полнейшем неведении, Лени четырежды в неделю посещала школу танцев. Она делала большие успехи, и однажды ей представился случай попробовать свои силы на настоящей сцене, заменив заболевшую танцовщицу. Успех был оглушительный, но среди публики случайно оказался один из близких друзей отца. На следующий день он не преминул поздравить Альберта с удачным выступлением дочери.

Ярость отца была неопишуемой. Он замкнулся в себе, перестал разговаривать с женой и дочерью, а потом нанял адвокатов по разводам. Лени пыталась что-то предпринять, уговорить отца не разводиться, клялась, что забудет о сцене, но единственное, что услышала в ответ, это: «Поедешь в пансион в Тале. Решение окончательное».

Альберт выбрал лучший, по его мнению, пансион для девушек «Ломанн» и весной 1919 года лично отвез дочь в Таль. Он пообщался с владелицей пансиона фройляйн Ломанн, попросив ее отнестись к Лени «со всей строгостью» и прежде всего «не поддерживать ее стремления стать актрисой или танцовщицей». Отцу не пришло в голову, что в подобных заведениях для развлечения учениц предусматривались драматические постановки и даже обучение танцам.

Лени пробыла в пансионе фройляйн Ломанн год. А по окончании этого года решила снова пойти на хитрость. Зная тайное желание Альберта видеть дочь у себя в конторе в качестве личного секретаря и доверенного лица, Лени сообщила ему о своей готовности пойти на эту жертву. В тайной надежде, что впоследствии отец, смягчившись, разрешит ей заниматься танцами для собственного удовольствия, не думая о сцене. Так оно и случилось.

В короткий срок овладев пишущей машинкой, стенографией и бухгалтерией, девушка приступила к работе. Отец был доволен. Лени тоже, поскольку – теперь уже с родительского благословения – получила возможность трижды в неделю посещать уроки танцев.

Так продолжалось около года, но потом на горизонте снова начали сгущаться тучи. Отец опять замкнулся и перестал разговаривать с семьей. А потом однажды взорвался: «Я знаю, что ты все-таки собралась на сцену! Ты никогда и не думала сдерживать свое обещание! У меня больше нет дочери!» Делать ничего не оставалось – в тот же вечер Лени собрала вещи и ушла из дома.

Следующий разговор с отцом получился не из легких: Альберт Рифеншталь, хотя и поостыл слегка, но так и не простил дочь. В конце концов, ради жены он согласился отдать Лени в профессиональную танцевальную школу: «У тебя нет таланта, и тебе никогда не подняться выше среднего уровня. Но ты получишь первоклассное образование. Что из этого выйдет – посмотрим».

Отец отвел Лени к лучшему балетному педагогу, которого только смог отыскать; им оказалась известная русская балерина Евгения Эдуардова. Лени было девятнадцать лет. Большинство учениц госпожи Эдуардовой начинали обучение в пять-шесть. Для девушки это означало лишь одно: она должна утроить усилия. Одновременно с этим Лени изучала характерный танец у другого известного берлинского педагога – Ютты Клампт.

Занятия в танцевальной и балетной школе стали смыслом жизни для Лени, но, как и в детстве, ее снова начали преследовать неудачи. За два года она трижды ломала ногу, и занятия прерывались. Иногда – на довольно длительное время.

В 1923 году Лени исполнился двадцать один год, она стала совершеннолетней, ознаменовав это помолвкой с теннисистом Отто Фроитцгеймом, с которым она неоднократно встречалась раньше на теннисном корте и который стал ее первым мужчиной.

Отношения с Фроитцгеймом у Лени не сложились: Отто вел себя, как она считала, не мужски, постоянно предъявлял какие-то претензии, скандалил, изменял ей. Но самое главное –

он пытался переломить ее характер, а этого Лени Рифеншталь не прощала никому. В конце концов, через несколько лет они расстались, так и не став супругами.

Первое сольное выступление юной танцовщицы Лени Рифеншталь состоялось 23 октября 1923 года в Мюнхене. Вечер организовал и оплатил известный немецкий продюсер Гарри Зокаль, с которым девушка познакомилась еще в 1919 году и с тех пор они изредка поддерживали отношения. Это было «пробное» выступление перед «настоящим» – берлинским. Оно должно было состояться спустя четыре дня, и в его организации – о чудо! – принимал непосредственное и весьма деятельное участие Альберт Рифеншталь.

Мюнхен встретил Лени полупустым залом, что было совсем не удивительно, если учесть совершенную «нераскрученность» выступавшей. Однако газеты на следующий день отнеслись к танцовщице весьма благосклонно.

В Берлине 27 октября публики было не в пример больше. Лени явно была в ударе: «На этот раз следовало доказать отцу, что никакого другого пути у меня просто нет. Я танцевала только для него одного, выкладываясь полностью, словно речь шла о жизни и смерти». И Альберт сменил гнев на милость. За кулисами, уже когда отшумел шквал аплодисментов, он обнял дочь и произнес фразу, которую Лени ждала от него много лет: «Теперь я в тебя верю!»

И снова пресса – на этот раз берлинская – была в восторге. На Лени посыпались предложения одно за другим. Она танцевала в Немецком и Камерном театрах в Берлине, потом во Франкфурте, Лейпциге, Дюссельдорфе, Кельне, Дрездене, Цюрихе, Париже, Лондоне... И везде ей сопутствовал успех и у публики, и у прессы. Каждое выступление приносило танцовщице от пятисот до тысячи рейхсмарок – немалые по тем временам деньги. (Шел 1924 год, страна только-только начала оправляться от финансового кризиса и ужасающей инфляции, когда старые марки на новые меняли по фантастическому курсу: один триллион – к одной.)

Кроме «танцевальных» ангажементов совершенно логично стали поступать предложения о съемках в кино. Самое лестное из этих предложений – от киностудии UFA и режиссера Артура Робисона – сулило ей главную роль в фильме «Пьетро-корсар» и тридцать тысяч рейхсмарок гонорара. От подобных предложений просто так не отказываются: Лени приняла участие в пробах, они понравились и режиссеру, и продюсерам фильма. Но после нескольких недель тяжелых раздумий фройляйн Рифеншталь ответила киностудии твердым «нет», выбрав для себя карьеру танцовщицы.

Сложись обстоятельства несколько иначе, и сегодня имя Лени Рифеншталь, может стать, стояло бы в одном ряду с такими именами, как Айседора Дункан или Анна Павлова. Но судьба распорядилась иначе: на гастролях в Праге Лени получила травму колена и вынуждена была в конечном итоге навсегда оставить карьеру. Делать было нечего, пришлось идти в кинематограф.

В июне 1924 года Лени случайно увидела только что вышедший фильм Арнольда Фанка «Гора судьбы» и познакомилась с актером Луисом Тренкером, исполнявшим в нем главную роль. Естественно, девушка попыталась через это знакомство наладить связи с режиссером, но неудачно – Тренкер был не в восторге от того, что какая-то неизвестная ему юная особа оказалась настолько нетактичной. Встреча с Фанком произошла лишь в сентябре.

Известный режиссер «горных» фильмов Арнольд Фанк внимательно выслушал настойчивую фройляйн и, оставив адрес, попросил прислать ему газетные статьи о ее вечерах танца. Лени поняла, что ее детская мечта стать актрисой наконец может обрести плоть.

В следующий раз Лени с режиссером встретились в больнице. Девушка легла на операцию на травмированном колене, а Фанк принес ей сценарий своего нового фильма «Святая гора», написанный, если верить «Мемуарам» Рифеншталь, специально для нее. Через три месяца, когда Лени снова смогла встать на обе ноги, провели пробы, и в качестве рождественского подарка юная дебютантка получила договор с гонораром звезды – двадцать тысяч рейхсмарок.

«Святая гора» полностью снималась на натуре. Съемки были рассчитаны на три месяца, но из-за стечения обстоятельств продлились два года. Эти съемки принесли немало сюрпризов как Лени, совершенно неискушенной в кинематографическом процессе, так и гораздо более опытным ее товарищам. Сначала, учась кататься на лыжах, сломала ногу сама Лени, потом, при тех же обстоятельствах, еще двое актеров, без которых фильм нельзя было снимать, и, наконец, повредил спину оператор Ганс Шнеебергер. Долгое время съемкам препятствовала плохая погода. Да и солнце, которое иногда проглядывало из-за туч, словно издевалось над группой, не только не помогая, но даже мешая съемочному процессу, хотя Фанк славился своей способностью использовать освещение лишь во благо фильму.

В конце концов киностудия решила свернуть проект. Арнольд Фанк отправился в Берлин, в UFA, убеждать кинематографических боссов в неправильности их решения. И как раз в это время установилась погода, при которой съемки могли продолжаться. На свой страх и риск Лени отсняла и отослала в Берлин 600 метров пленки. В кинокомпании остались в восторге от материала. Фильм решено было продолжать, и в 1926 году «Святая гора» увидела свет.

Попав в кино, Лени поняла, что весь ее предыдущий опыт спортивной жизни совершенно неприменим к настоящему времени. Ей пришлось учиться стоять на горных лыжах (в 1920-х годах этот вид спорта не был так распространен, как сегодня), ходить по скалам, работать с веревкой (а как еще можно было преодолевать многочисленные ледопады и трещины на подступах к «натурным» съемочным площадкам в фильме про горы).

После «Святой горы» был «Большой прыжок», а потом «Белый ад Пиц-Палю», «Бури над Монбланом», «Судьба Габсбургов». И везде танцевальный и спортивные таланты Лени находили свое применение. Постепенно она набиралась опыта не только как актриса, но и как режиссер, оператор, монтажер, администратор – съемочные группы у Фанка были маленькие, всем приходилось выполнять множество обязанностей, помимо своих собственных. Лени впитывала новые знания и навыки, словно губка. Ей было интересно в съемочном процессе абсолютно все.

Несколько лет, проведенные в работе с Фанком, принесли Лени Рифеншталь и еще кое-что, кроме опыта и гонораров. На съемках «Святой горы» она очень сблизилась с оператором Гансом Шнеебергером. Некоторое время они жили вместе – в своих «Мемуарах» Рифеншталь описывает это время как один из самых светлых периодов в своей жизни. Но в один совсем не прекрасный день все рухнуло. Шнеебергер сообщил, что встретил другую женщину и больше не хочет видеть Лени.

Первой режиссерской работой Лени Рифеншталь стал фильм «Голубой свет» – сказочная, отчаянно фантастическая, аллегорическая история о девушке, которую не принимают соплеменники только за то, что она лучше, чище и нравственнее их. За то, что она может добраться по отвесной скале до хрустального грота с голубым светом – туда, куда не могут попасть самые сильные парни. Лени долго вынашивала этот сценарий, ждала, пока идея полностью сформируется в голове, пока зрительные образы не станут реальными – процесс захватил ее настолько, что ни о чем другом думать она не могла. Потом она за несколько дней написала восемнадцатистраничный синопсис нового фильма. Главную героиню – Юнту – она наделила своими собственными чертами: сильной волей, целеустремленностью, презрением к опасностям и препятствиям, верой в свои силы. Она сразу поняла: лучше нее никто эту роль сыграть не в состоянии.

Лени была очень горда этой своей работой. Она показала этот сценарий друзьям-кинематографистам; Гарри Зокаль посчитал историю скучной. Фанк доходчиво объяснил ей, что снимать на натуре это нельзя. Нужно строить большие дорогостоящие декорации, а на это никто в настоящих условиях не пойдет. Но Лени была несгибаема: она будет снимать этот фильм на натуре. Не беда, что «на пленке скала всегда будет выглядеть скалой, а не скалой-аллегорией» – она замаскирует ее клубами дыма (так появился первый спецэффект в истории кино),

это только добавит некий мистический подтекст. Луна, горы и лес – вот все, что ей требовалось. И еще деньги.

С деньгами было хуже всего. По предварительным расчетам на съемки требовалось 90 000 рейхсмарок. Такой суммы у Лени не было, и ей пришлось продать фамильные украшения, заложить квартиру и даже сняться – исключительно из-за двадцатитысячного гонорара – в новой картине Арнольда Фанка «Белое безумие». Практически вся съемочная группа, очарованная такой самоотверженностью, согласилась работать бесплатно. Киностудия Geyer-Werke пообещала Лени безвозмездно выделить монтажную с ассистентом, а компания AGFA разработала по ее заказу специальную киноплёнку, которая и поныне пользуется спросом у кинематографистов. За прекрасную идею AGFA предоставила новую плёнку для съемок, не потребовав денег.

В самом начале лета 1931 года Лени открыла собственную кинокомпанию.

Съемки проходили в Тессине и Доломитовых Альпах. Увидев в Берлине отснятый Лени на пробу материал, свои услуги по частичному финансированию картины предложил Гарри Зокаль. Делать было нечего, пришлось соглашаться. Постепенно, прямо на месте, набирались актеры на второстепенные роли – в основном, местные крестьяне, не имевшие ни малейшего понятия о кинематографе. Но для Лени естественность и колорит были превыше профессионализма актеров.

Когда съемки были закончены, Лени пришлось обратиться к своему старому знакомому – Арнольду Фанку, – поскольку она прекрасно понимала, что сама смонтировать его не в состоянии. Но Фанк, вместо того, чтобы помочь, смонтировал картину по своему усмотрению, не ставя в известность Лени. В результате этот вариант отправился в мусорную корзину, а Рифеншталь пришлось осваивать новую профессию. Она смонтировала фильм заново. В результате 24 марта 1932 года во Дворце UFA состоялась премьера «Голубого света». Такого, каким мы его знаем сегодня.

Несколько месяцев спустя, после первого показа «Голубого света» в Париже, Лондоне и Венеции (в Париже фильм не сходил с экранов 14, в Лондоне – 16 месяцев, а на венецианском биеннале картина получила серебряную медаль), в судьбе Рифеншталь случилась судьбоносная встреча, о которой она впоследствии будет очень жалеть.

Было начало 1932 года. Все только и говорили, что о новой фигуре на политическом небосклоне Германии – Адольфе Гитлере, сорокадвухлетнем лидере партии национал-социалистов, быстро набравшей силу. Газеты пестрели его фотографиями, обыватели спорили, кто он – спаситель, пришедший на помощь своему народу, или маньяк, не имеющий права на существование. Ничего не знала о Гитлере лишь Лени. Она никогда не интересовалась политикой – кино слишком занимало ее мысли, чтобы думать еще о чем-то. Однажды, услышав, что Гитлер собирается выступать в берлинском Дворце спорта с речью, Рифеншталь решила сходить посмотреть на этого человека и составить о нем собственное мнение. А 18 мая она написала ему письмо: «Уважаемый господин Гитлер, недавно я впервые в жизни посетила политическое собрание. Вы выступали с речью во Дворце спорта. Должна признаться, что и вы, и энтузиазм слушателей произвели на меня большое впечатление. Мне бы хотелось лично познакомиться с Вами... Ответу от Вас я была бы очень рада. Вас приветствует Ваша Лени Рифеншталь».

Ответ не заставил себя ждать: через несколько дней Лени позвонил адъютант фюрера Вильгельм Брукнер и сообщил, что Гитлер готов дать фройляйн Рифеншталь аудиенцию. На следующий день Лени должна была вылететь в Гренландию на съемки в новом фильме Арнольда Фанка, но от таких предложений, как это, не отказываются.

Они встретились 22 мая 1932 года, и выяснилось, что политику и актрисе есть, о чем поговорить. Гитлер признался, что видел ее «Голубой свет», и что «самое прекрасное, что он когда-либо видел в кино, это танец у моря» в этом фильме. Похвала очень польстила Лени. И вот тут-то, воспользовавшись моментом, Гитлер предложил ей сделать фильм о нем, если он

когда-нибудь придет к власти. Рифеншталь, только что отклонившая заманчивое предложение Ватикана о съемках фильма о католической церкви, колебалась. Она не ответила ни «да», ни «нет». Не потому, что не разделяла взглядов фюрера – его расистские идеи вызывали в ней отвращение, но социалистические планы – уничтожение безработицы, которая к тому времени охватила страну (в Германии в 1932 году насчитывалось свыше шести миллионов безработных) – были ей, как и всем остальным в стране в это время, очень близки. Просто ей нужно было самой прийти к теме фильма, она не могла работать по заказу.

В последующие годы Лени неоднократно встречалась с фюрером, бывала на приемах, устраиваемых фрау Геббельс, познакомилась с Германом Герингом и прочими представителями верхушки национал-социалистической партии. Постепенно ее отношения с ними стали напоминать нечто вроде дружбы. С одной стороны, в своих «Мемуарах» она говорила: «У меня было чувство, что меня пытаются втянуть в какие-то политические игры». С другой стороны, там же описывала Гитлера: «Мне еще не доводилось встречаться с человеком, который бы обладал такой силой убеждения и мог оказывать на людей такое влияние». Рифеншталь тоже поддавалась гипнотическому влиянию фюрера.

Лени никогда не испытывала недостатка в мужском внимании. Маленькая, хрупкая – она вызывала желание защитить, а тонкие правильные черты ее лица привлекали представителей противоположного пола с самой ранней ее юности. Сначала одноклассники и друзья, потом актеры, режиссеры, кинооператоры и продюсеры – в нее влюблялись все, особенно узнав ее поближе, пообщавшись, прочувствовав на себе силу ее характера. Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс тоже были мужчинами, и они не стали исключением. Другое дело, что сама Лени с большой осторожностью относилась к фюреру, а Геббельса – особенно из-за его навязчивости – терпеть не могла.

В 1933 году, когда национал-социалистическая партия пришла к власти на выборах, фройляйн Рифеншталь получила приглашение в рейхсканцелярию. Гитлер предложил ей сотрудничать с новым рейхсминистром пропаганды Йозефом Геббельсом. Лени была вынуждена отказаться: она не могла побороть личную неприязнь к этому человеку. Но это не спасло ее ни от дальнейших притязаний Геббельса, ни от сотрудничества с партией власти. Напрасно она объясняла, что мечтает сниматься, а не снимать, что ее режиссура в «Голубом свете» была вынужденной мерой, продиктованной нехваткой денег, – все было напрасно. В августе 1933 года Лени Рифеншталь начала подготовку к съемкам фильма о V партийном съезде НСДАП.

«Победа веры» так и не стала кинематографическим шедевром. Оно и неудивительно – впервые Лени принялась делать фильм на заказ, не выносив в себе, не прочувствовав его идею. Да и документальные фильмы она до этого никогда не снимала. Британская газета The Observer не преминула подпустить шпильку: «Этот фильм – один долгий апофеоз цезарского духа, в котором герр Гитлер выступал в роли Цезаря, а войска – в роли римских рабов. Конечно, следует надеяться, что фильм будет показан во всех кинотеатрах за пределами Германии, если есть желание понять одурманивающий дух, движущий Германией в эти дни». Результат многомесячных трудов Лени в конечном итоге не особенно удовлетворил ни Гитлера, ни его ближайшее окружение. Но фюрер чувствовал, что Рифеншталь как режиссер способна на большее, поэтому поручил ей съемки нового фильма.

В начале сентября 1934 года в Нюрнберге снова прошел съезд национал-социалистов. На этот раз Лени, сама прекрасно понимавшая, что предыдущий фильм был лишь «пробой пера», готовится к съемкам гораздо серьезнее. Увлеченная поставленной перед ней задачей – снять не кино, но гимн национал-социализму, – она пишет сценарий не фильма – съезда. С позиции режиссера и оператора она выстраивает драматургию действия, высчитывает посекундно каждое движение, рассчитывает каждый кадр, превращая партийных функционеров и рядовых делегатов съезда в статистов.

Сто семьдесят человек работали на Лени на съемках. На огромных флагштоках были установлены специальные лифты для кинооператоров, камеры поднимались в воздух на дирижаблях, а Гитлера снимали одновременно несколько камер с разных точек. За шесть дней работы съезда на тридцати кинокамерах было отснято четыреста километров пленки в общей сложности на несколько сотен часов экранного времени. Рифеншталь понадобилось семь месяцев для монтажа. «Триумф воли», который по сегодняшний день большинство кинокритиков относят к шедеврам документального кино, стал настоящей симфонией движения, монументальным произведением, сродни Колизею, колоссом. Открыто пропагандистский – такова была изначальная задача, поставленная перед режиссером, он, тем не менее, был полон художественных достоинств и находок и настолько отличался от всего, существовавшего в ту пору в документальном кино, что не мог не завоевать все мыслимые и немыслимые кинонаграды как в самой Германии, так и за рубежом.

Впечатленный «Триумфом воли», к фройляйн Рифеншталь обратился профессор Карл Дим, генеральный секретарь Организационного комитета XI Олимпийских игр, которые должны были пройти в Берлине в следующем, 1936 году. Он сначала в одиночку, потом вместе с Генеральным секретарем Международного олимпийского комитета долго уговаривал Лени снять фильм об Олимпиаде. Она не хотела этого делать – ее не интересовали документальные фильмы. Даже «Триумф» она снимала лишь потому, что не посмела отказать Гитлеру. Да, она сделала все от нее зависящее для того, чтобы фильм получился хорошим, – по-другому она просто не умеет. Это не значит, что ее интересует документальное кино. Однако профессор Дим не отступал. Он обещал Лени, что МОК предоставит ей особые полномочия для съемок на стадионе – такие, какие не предоставлялись еще ни одному режиссеру. Комитет очень высокого мнения о талантах фройляйн, Дим может гарантировать разрешение практически на все, что придет в голову Лени.

Такое отношение, конечно же, подкупало – до настоящего момента Рифеншталь раз за разом приходилось доказывать окружающим свое право на собственное видение. А ей в ответ диктовали условия. В конечном итоге Лени попросила некоторое время на раздумье.

Шли дни, и Рифеншталь все больше и больше загоралась идеей съемок Олимпиады. До нее никто не делал фильма о летних Играх, если не считать Эвальда Дюпона, который попытался сделать кино о летней Олимпиаде 1932 года в Лос-Анджелесе. Несмотря на большие деньги, выделенные американцами, картина получилась просто учебным фильмом на тему спорта. А она, пожалуй, могла бы справиться с задачей.

Постепенно, как это обычно бывало, в голове Лени начали рождаться зрительные образы, зазвучала музыка, пришли мысли о технической реализации съемок – зерно, посеянное Карлом Димом, начинало давать всходы. Конечно же, Лени согласилась на эти съемки.

На съемки нужны деньги. В UFA не поверили в идею документального фильма об Олимпиаде и предложили вставить в него какую-то сюжетную линию. Да хоть бы и любовную. Лени ничего не ответила на это идиотское предложение и отправилась к конкурентам – в Tobis. Директор этой кинокомпании Фридрих Майнц был опытным продюсером. К тому же он видел, что может сделать эта маленькая фройляйн, когда ей не мешают, – в то время не было в Германии человека, не посмотревшего «Триумф воли». Майнц был так уверен в успехе, что уже при первой же встрече предложил Лени сумму в полтора миллиона рейхсмарок – немыслимые для документального фильма деньги.

Узнав о договоре с Tobis, Лени вызвал к себе рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс. Он весьма удивился и сумме, выделенной на съемки, и планам режиссера представить фильм через полтора года после окончания Олимпиады – снова предстояло отснять сотни километров пленки, выбрать из общей массы материала нужное, смонтировать фильм. Геббельс считал, что это авантюра, что никто не будет смотреть фильм об Играх спустя два года после окончания самих Игр. Для него была важна оперативность. Для Лени – художественные достоин-

ства. Собеседники так ни к чему и не пришли. Хотя впоследствии, когда идея получила продолжение, Геббельс настоял на кампании в прессе, в которой сообщалось, что задание снимать «олимпийский» фильм было получено фройляйн Рифеншталь лично от него.

За полгода до Игр Лени начала подготовительные работы к съемкам. Как обычно, почти все нужные ей операторы были заняты, потом начались дебаты о том, где можно ставить камеры и где нельзя. А тут еще Лени пришла в голову идея снимать атлетов на фоне неба. Для этого нужно было как можно ближе к дорожкам и спортивным площадкам вырыть несколько ям для кинооператоров. Этого получилось добиться далеко не сразу. Так же, как и разрешения на использование подводной камеры (до Рифеншталь никто о таком новшестве и не слышал) в бассейне, где будут соревноваться прыгуны в воду.

«Олимпия», разделенная на две части – «Праздник народов» и «Праздник красоты», – впервые была представлена зрителю 20 апреля 1938 года, спустя почти два года после Олимпиады в Берлине. Зрители были в восторге, пресса рукоплескала. В том же году Лени провезла свой фильм по Европе, побывав в Вене, Граце, Париже, Брюсселе, Копенгагене, Стокгольме, Хельсинки, Осло и Риме. И всюду ее картине сопутствует оглушительный успех. За «Олимпию» Рифеншталь получила наград еще больше, чем за «Триумф воли»: Снова была Немецкая премия, потом к ней добавились шведская Полярная премия, золотая медаль на биеннале в Венеции, Греческая спортивная премия, олимпийская золотая медаль от МОК. В 1948 году на кинофестивале в Лозанне Лени получила еще и олимпийский диплом (сам диплом попал к ней лишь в 2001 году из рук Президента МОК Хуана Антонио Самаранча).

В своей новой картине Лени Рифеншталь использовала столько новых приемов, ставших сегодня совершенно обычными для документального (да и для художественного) кино, что фильм смотрелся, как нечто фантастическое, нерукотворное или инопланетное. Никто и никогда до нее не снимал так, как она снимала свою «Олимпию». Множество камер, направленных на один и тот же объект с разных точек, замедленная съемка, ракурс – картина произвела и на зрителей, и на профессионалов неизгладимое впечатление.

В ноябре Рифеншталь отправилась прокатывать свой фильм в США, но там ее ждала неудача: утром того дня, когда она ступила на американскую землю, пришло сообщение о еврейских погромах в Германии, получивших название Хрустальной ночи или Ночи разбитых витрин. Америка восстала против «фаворитки Гитлера», фильм бойкотировали, повсюду были развешаны антирифенштальевские плакаты, называвшие режиссера «Риббентропом в юбке». Напрасно Лени оправдывалась, напрасно убеждала, что ничего не знает о Хрустальной ночи, а если бы и знала – ничего не могла бы сделать, что ее не интересует политика, что она без остатка отдается творчеству – все было тщетно.

Несмотря на такое враждебное к себе отношение, Лени решает, что, раз уж она пересекла океан, она должна извлечь из поездки хоть какую-то пользу. В Америке она встретила знаменитого американского режиссера Кингом Видором и Уолтом Диснеем, а также с Генри Фордом, прославившимся не только как отец-основатель американского автомобилестроения, но и своими антисемитскими взглядами, которые он не думал скрывать. После этого режиссер отбыла на родину.

Картину Рифеншталь реабилитировали в США лишь в 1956 году, когда голливудское жюри назвало ее «одним из пяти лучших документальных фильмов мира». А в 1958 году Лени полностью перемонтировала «Олимпию» и выпустила ее в ограниченный прокат в Берлине, Бремене и Гамбурге. Однако новую редакцию ждал полный провал. Через девять лет после этого, в 1967-м, появилась еще одна версия картины, на этот раз телевизионная и англоязычная – ее должны были транслировать перед началом Олимпиады в Мехико.

После «Олимпии» Лени, уставшая от документалистики и «горных» фильмов, решила наконец отдалиться полностью своей давнишней идее экранизации эпоса о Пентесилее – легендарной королеве амазонок. Она написала сценарий, подобрала натуру, выбрав в этом качестве

Ливию, договорилась с актерами – провела огромную работу... Но этой мечте так и не суждено было претвориться в жизнь: ранним утром 1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу, начав таким образом Вторую мировую войну.

Продолжать работу в кино можно было теперь, только став военным корреспондентом. Поняв это, Лени направляет заявку в командование вермахта и уже 8 сентября, пройдя краткое обучение стрельбе и работе с противогазом, вместе со своими кинооператорами и звуко-режиссером отправляется на фронт.

Но хотеть быть военным корреспондентом и быть им на самом деле – разные вещи. В первый же день своей службы став свидетелем бойни, устроенной немецкими солдатами в польском городке Конски, Лени навсегда потеряла интерес к съемкам военной хроники.

Во время войны Лени занимается в основном тем, что восстанавливает так и не законченный в 1935 году художественный фильм «Долина». Эта работа помогла ей не сойти с ума. Работа и Петер Якобс – старший лейтенант горной пехоты, кавалер Железного креста, полученного за отвагу, проявленную им во время французской кампании. Они встретились в 1940 году, когда Якобс поправлял здоровье в Баварии после ранений. Лени приехала в эти места со своей съемочной группой.

Война есть война – Петер вынужден был снова отправиться на фронт. Но теперь он использовал любую возможность, чтобы получить отпуск и навестить Лени в Германии. Сама Рифеншталь все еще была занята своим новым фильмом. В один из таких приездов, 1 марта 1943 года, они поженились. Узнав об этой свадьбе, Гитлер прислал молодоженам приглашение в Бергхоф, где он в то время находился. Встреча состоялась 30 марта, и это была последняя встреча Лени и фюрера.

После отъезда мужа на фронт Лени снова погрузилась в работу, но обстоятельства на этот раз оказались сильнее ее. В июле ушел из жизни Альберт Рифеншталь, а через несколько дней погиб на русском фронте и младший брат Лени Хайнц. Съемки пришлось приостановить.

Работа над «Долиной» с перерывами продолжалась до самого конца войны, но, несмотря на поистине титанические усилия Лени, картина так и осталась незаконченной.

В конце апреля 1945 года в бункере рейхстага выстрелом в голову из пистолета покончил с собой Адольф Гитлер, а вместе с ним погибли его любовница Ева Браун и вся семья Геббельсов. 8 мая Германия подписала безоговорочную капитуляцию. Но для Лени война продолжалась еще очень, очень долго.

Первые послевоенные годы стали для Лени Рифеншталь настоящим кошмаром: она, никогда и не помышлявшая о политике, вдруг оказалась «на стороне побежденных». Ведь вся страна привыкла едва ли не ежедневно видеть в прессе ее фотографии с фюрером. Друзья, еще недавно просившие ее о помощи и каждый раз неизменно получавшие эту помощь, отвернулись от «павшего ангела Третьего рейха», как с легкой руки какой-то газетенки стали теперь называть Лени. Они не желали ее видеть.

За пять лет Рифеншталь пришлось пережить несколько арестов и судебных процессов. Она полностью лишилась своего имущества – в первую очередь, конечно же, она переживала из-за потери своих фильмов и материала, отснятого для «Долины». Пресса не раз разворачивала против нее широкомасштабные кампании, вытаскивая на свет даже то грязное белье, которого никогда не существовало в природе. Одна из таких кампаний – с печально известным «дневником Евы Браун» – была инициирована старым знакомцем Лени Луисом Тренкером, с которым она начинала свою актерскую карьеру.

Ей не давали работать – один из проектов отменился только потому, что инвесторы не желали видеть Рифеншталь в своем фильме ни в качестве актрисы, ни как режиссера. И это несмотря на то, что в картине должны были быть задействованы такие звезды мирового послевоенного кинематографа, как Жан Маре, Витторио де Сика, Ингрид Бергман и даже совсем еще юная Брижит Бардо.

Нервное напряжение, в котором постоянно находилась Лени, привело к скандалам с мужем, а они, в свою очередь – к разводу.

С годами страсти вокруг ее имени постепенно поутихли, но каждый раз, когда Рифеншталь задумывала новый проект, всплывало ее прошлое. Один из ее соратников-кинематографистов, видя происходящее, однажды с грустью сказал ей: «Тебе не разрешат снимать до конца жизни».

В отчаянии Лени решила сделать новую версию своего «Голубого света» – с новым звуком, на новой пленке, но фильм в прокате даже не окупил затраты на его монтаж.

В конце концов, французские власти вернули Лени ее материалы «Долины». В ужасном состоянии, порезанные, мятые – просто груды обрывков пленки, отходы. Многих кусков не доставало. Но заниматься было больше нечем, и Рифеншталь, подкорректировав сюжет, снова села за монтажный стол. Наконец, в 1954 году – спустя двадцать лет после начала работы – картина была завершена и каким-то чудом вышла в прокат.

Фильм был встречен публикой – с интересом, а критиками – с осторожностью. Но режиссерское и актерское мастерство Лени, художественные находки фильма были бесспорны.

За два года до этого Лени познакомилась со знаменитым французским режиссером Жаном Кокто. А в 1954-м, очарованный ее «Долиной», он, только что возглавивший кинофестиваль в Каннах, предложил картину к показу. Несмотря на то, что с окончания войны прошло девять лет, в Германии Рифеншталь все еще оставалась режиссером с запятнанной репутацией, и немецкая сторона ответила решительным «нет». Тогда Кокто привез фильм в Канны неофициально. Показ прошел очень успешно, и Кокто предложил Лени работу над совместным проектом о прусском короле Фридрихе Великом и Вольтере. Рифеншталь очень увлеклась этой идеей, но преследовавшая ее череда неудач еще не подошла к концу, и фильм постигла та же печальная участь, что и многие предыдущие – он так никогда и не был закончен.

Отчаявшись получить работу на родине, Лени Рифеншталь в 1956 году отправляется в Африку. Интерес к этому континенту в ней зародил роман Эрнеста Хемингуэя «Зеленые холмы Африки». Денег на поездку дал старый приятель, работавший с ней на нескольких ее картинах, предполагая, что внакладе он не останется. Он оказался прав. А Африка с тех пор стала для Лени Рифеншталь началом новой жизни – жизни фотографа.

Несмотря на то, что в Германии судебные процессы над ней продолжались вплоть до 1987 года, Лени всю себя посвятила Африке и съемкам. Ее фоторепортажи облетели все ведущие мировые журналы: Stern, The Sunday Times Magazine, Paris Match, Newsweek, The Sun. За пятнадцать лет она неоднократно бывала на «Черном континенте» и пересекала Нубийскую пустыню. Ей шел семьдесят второй год, когда свет увидел ее первый африканский фотоальбом «Нубийцы. Люди, словно пришедшие с другой звезды», а спустя три года, в 1976-м, – второй: «Нубийцы из племени Кау». Потом появились книги «Африка Лени Рифеншталь» и «Исчезающая Африка».

Эти работы принесли Лени безумную популярность. Они открыли миру правду о жизни африканских племен, за что в 1975 году президент Судана Джафар Мухаммед Нимейри пожаловал ей почетное гражданство своей страны. Лени оказалась первой иностранкой, удостоенной такой чести.

В 1974 году, в возрасте семидесяти двух лет, Лени Рифеншталь совершает свое первое погружение с аквалангом и «заболевает» подводным миром. За последние тридцать лет своей жизни она совершает более двух тысяч погружений в морскую пучину с кино- и фотокамерой. Результатом ее погружений стали новые фотоальбомы «Коралловые сады» и «Подводное чудо». В 2002 году в прокат выходит документальный фильм «Коралловый рай» (второе название – «Подводные впечатления»).

В последние годы своей жизни Лени Рифеншталь много путешествует по миру. Как всегда, с кинокамерой и фотоаппаратом. В 2001 году она посетила Россию, где ее очень обрадо-

вал интерес к ее персоне у широкой публики, которая, как оказалось, знает и высоко ценит ее работы.

Лени Рифеншталь скончалась 12 сентября 2003 года, через две недели после своего сто первого дня рождения. Ее последний спутник жизни, шестидесятилетний кинооператор Хорст Кеттнер, не отходил от нее до самого ее последнего вздоха. Тело великого режиссера кремировали, а ее прах был захоронен 10 октября на мюнхенском кладбище Вальдфридхоф.

Люди, подобные Лени Рифеншталь, не исчезают бесследно. Споры по поводу ее связей с нацистами не утихают по сей день. Кем же была Лени – преступницей или блаженной, не видевшей и не желавшей видеть ужасов нацизма? Несомненно, прежде всего она была великим режиссером, оставившим в наследство тем, кто подвергал ее нападкам и гонениям, свои прекрасные фильмы и фотоработы, множество технических новшеств, взятых на вооружение ее последователями. А еще она была маленькой хрупкой женщиной с очень трудной судьбой и железной волей, которую так точно описывала ее фамилия.

Эдит Пиаф **Любовь парижских улиц**



В октябре 1935 года посетители, среди которых были известные журналисты, директор Радио-Сите Марсель Блештейн-Бланше и Морис Шевалье, собрались в бывшем ресторане «Жернис» на улице Пьер-Шаррон на открытие кабаре. Директор нового заведения Луи Лепле вышел на сцену и торжественно произнес: «Несколько дней назад я проходил по улице Труайон. На тротуаре пела девушка с бледным, болезненным лицом. Ее голос проник в мое сердце,

взволновал, поразил меня». Потом он добавил, что у девушки нет вечернего платья, что она лишь недавно научилась кланяться публике, что она будет петь в своем повседневном наряде – «без грима, без чулок и в короткой юбке за четыре су». «Я рад представить вам – Малышка Пиаф!» Девушка вышла, кутаясь в дешевую шаль – робкая попытка скрыть, что у ее свитера отсутствовал один рукав, – но когда она запела «Бездомных девчонок», зал онемел. Во время последнего припева шаль, маскирующая дефект ее свитера, упала – она уже ожидала смеха, насмешек, – но зал взорвался аплодисментами. Когда они отгремели, в установившейся ожидающей тишине раздался голос: «Да у малышки неплохо получается!» Это был сам Морис Шевалье, великий шансонье, тогда находящийся в расцвете славы. Малышка Пиаф в растерянности убежала за кулисы. Лепле остановил ее: «Ты завладела их сердцами, будешь владеть ими завтра и всегда!»

Этот вечер Пиаф всегда называла самым тяжелым – и самым счастливым моментом в своей жизни.

Лепле оказался хорошим пророком. Отныне и навсегда хрупкая невысокая девушка, с его легкой руки обретшая имя Пиаф, завладела любовью всего света. Стоило один раз услышать ее неповторимый голос, и забыть его становилось невозможно; страстный, словно холодными пальцами хватающий за сердце, удивительно мощный и неожиданно нежный, он всегда пел о любви. Такой разной и всегда такой сильной. Наверное, потому, что у самой Эдит любви было слишком мало...

Эдит Пиаф гордилась тем, что пришла на сцену прямо с улицы. По легенде, распространяемой всеми ее биографами, она и родилась прямо на парижской улице Бельвиль, под фонарем у дома номер 72. Это случилось 19 декабря 1915 года в три часа ночи; роды принимали двое полицейских. Мать новорожденной, цирковая артистка и певица Анита Майар, выступавшая под псевдонимом Лина Марса, не успела добежать до больницы. Ее муж, акробат Луи Гассион, в это время – по счастливому совпадению – находился в увольнительной с фронта и отмечал это радостное событие во всех соседних кабаках. Девочку назвали Эдит.

По сути, имя – это единственное, кроме жизни, что мать успела дать своей дочери. Лине гораздо больше нравилось проводить время на улице, чем с дочкой: «она была настоящая актриса, но у нее не было сердца», скажет потом Эдит. Через два месяца Лина на долгие годы исчезнет из жизни своей дочери – потом, когда Эдит Пиаф станет знаменитой, ее мать объявится только затем, чтобы через суд потребовать от нее денег. В конце концов она умрет пьяной на улице...

Двухмесячная девочка оказалась на полном попечении родителей Лины, которые тоже не отличались любовью к детям – зато очень любили выпить. Когда Луи Гассион в 1917 году вернулся с фронта, он обнаружил свою дочь в ужасающем состоянии: «головка, как надувной шар, руки и ноги, как спички, и грудка цыпленка». Эдит была истощена, ужасающе грязна и к тому же практически ничего не видела – от конъюнктивита ей залепило глаза гноем. Луи отвез дочку к своей матери в Нормандию, в городок Бернейе – она работала кухаркой у своей сестры Мари, которая держала публичный дом.

В этом неподходящем для ребенка месте Эдит провела три года, и, по сути, это были ее единственные детские годы. Девушки из «заведения» заботились о маленькой Эдит, учили ее всему, что знали сами, возили ее по врачам. Наконец девочка прозрела – по другой легенде, это произошло после молебна, который все обитательницы «заведения мадам Мари» отслужили святой Терезе.

Так это или нет, но всю свою жизнь Эдит считала святой Терезу своей покровительницей.

Около года Эдит даже ходила в школу; но родители остальных детей были против того, чтобы рядом с их отпрысками сидела девочка, которая живет в борделе. Мадам Мари вызвала Луи, и тот забрал Эдит с собой в Париж.

Луи Гассион зарабатывал тем, что выступал с акробатическими номерами на парижских улицах. Он прекрасно понимал, что если в номере будет принимать участие маленький ребенок, им дадут больше, и пытался научить Эдит своему ремеслу; правда, у него ничего не вышло. Зато когда Эдит попробовала, собирая деньги, спеть, – монетки посыпались дождем. «У этой девочки все в горле и ничего в руках», – заметил Луи и с тех пор всегда заставлял дочь петь. Первым номером, с которым девятилетняя Эдит выступила перед публикой, была песенка под названием «Я потаскушка».

Когда Эдит исполнилось пятнадцать, она рассталась с отцом. Ей надоели и его постоянно меняющиеся подружки, и то, что он пропивал заработанные ею деньги. Эдит сняла комнату и начала самостоятельную жизнь; чуть позже к ней присоединилась ее сводная сестра по отцу Симона Берто, которую Эдит звала Момона, младше Эдит на два с половиной года. Девушки вместе пели на улицах, вместе тратили деньги в бистро и вместе знакомились с мужчинами, предпочитая солдат и моряков. Эдит совершенно не укладывалась в каноны красоты того времени, любящего пышные формы и статность, – рост меньше полутора метров, болезненная худоба и полное отсутствие соблазнительных округлостей, – но мужчины всегда роились вокруг нее, как пчелы вокруг горшка с медом. Своего первого мужчину она забыла через несколько дней; о втором помнила лишь, что он научил ее играть на мандолине и банджо. Мужчины и вино были единственными доступными развлечениями для Эдит, и она обожала и то, и другое, тратя по кабакам все заработанные деньги. «Если на тебя смотрит парень, ты уже не пустое место, ты существуешь. С ними можно и поохотаться и побеситься, солдаты – легкий народ», – говорила она.

В семнадцать лет Эдит встретила свою первую любовь – Луи Дюпона по прозвищу Малыш, всего на год старше ее. Они стали жить вместе – и вскоре оказалось, что Эдит беременна. Родившуюся 11 февраля 1933 года девочку назвали Марселлой Дюпон – Эдит была настолько не готова к роли матери, что даже не позаботилась подготовить ребенку приданое. Положение спасла очередная подружка ее отца, принесяшая для Марселлы вещи, оставшиеся от ее дочери Дениз – еще одной сводной сестры Эдит.

Малышка, которую родители ласково назовут Сессель, почти повторила судьбу самой Эдит. Ее не с кем было оставить, и Эдит целыми днями таскала ее за собой в коляске – и на выступления во дворах, и на гулянки в кабаках. Ей не нравилось быть матерью, но еще больше не нравилось быть женой – Малыш Луи требовал, чтобы она уgomонилась и сидела дома с дочкой и вела хозяйство. Правда, домом в их случае были дешевые комнаты в убогих отелях. В конце концов Эдит однажды сложила все свои и Сессель вещи в коляску – и ушла от Луи. В последней попытке вернуть Эдит Луи выкрал у нее дочь – но та только вздохнула с облегчением. А когда Сессель было два с половиной года, она умерла от менингита. Больше детей у Эдит никогда не будет.

Чтобы добыть деньги на похороны, Эдит пошла на панель. Правда, снявший ее мужчина, узнав, зачем этой худосочной малышке деньги, отдал ей купюру и ушел.

Вскоре Эдит и не вспоминала о том, что когда-то у нее была дочь. Она по-прежнему проводила время на улицах, пела и шлялась с парнями, пока однажды ее не занесло в центр, где среди ее слушателей оказался Луи Лепле. Он пригласил уличную девчонку пройти прослушивание в его кабаре, подобрал ей репертуар, придумал псевдоним – Пиаф, что на парижском жаргоне означает «воробей». Именно про воробья пела Эдит, когда Лепле встретил ее. Правда, по-французски воробей будет «муано», но Малышка Муано уже давно пела в парижских кабаре, и Малышке Эдит пришлось стать Пиаф.

Первое выступление прошло с неожиданным даже для Лепле успехом; последующие проходили все лучше и лучше. Краткосрочный контракт перерос в постоянный. Лепле записал Эдит пластинку «Чужестранец» и даже организовал для нее выступление на Радио-Сите. Опытенная первым успехом, Эдит пошла вразнос. Такого количества мужчин вокруг нее не вилося

еще никогда, и на удовольствие угостить их тратились все ее гонорары. Ей казалось, что она поймала удачу, что счастье наступило – но все рухнуло. 6 апреля 1936 года Луи Лепле был застрелен в своей постели, и среди его убийц были дружки Эдит. Газеты взвыли: певица причастна к гибели своего директора! Ее несколько месяцев таскали на допросы, некоторое время даже продержали в одиночной камере, но доказать причастность Эдит к преступлению не удалось.

Эдит выпустили на свободу, но для нее все было кончено. Газеты травили ее, зрители не хотели ее слушать, работы для девушки, замешанной в убийстве, не было нигде. Наконец она уехала в Брест, чтобы там петь между фильмами в местном кинотеатре. Но и здесь она не задержалась надолго: вскоре контракт был разорван из-за того, что Эдит больше интересовалась парнями, чем работой. Пришлось снова вернуться в Париж и снова петь на улицах. «Удача – это как деньги, – говорила себе Эдит. – Она уходит гораздо быстрее, чем приходит». И снова вокруг нее были мужчины, большинство из которых она не знала по имени. Эдит не была ни нимфоманкой, ни проституткой; она просто не могла быть одна, ей – как дышать, как петь, – было необходимо чувствовать себя нужной, желанной и любимой. При этом мужчины быстро надоедали ей; она всегда уходила первой. «Женщина, которая позволяет, чтобы ее бросили, – круглая дура. Мужиков вокруг пруд пруди. Каждому любовнику нужно найти замену до, а не после. Если после, то тебя бросили, если до – бросаешь ты. Большая разница».

Эдит скатывалась все ниже и ниже; она была уже близка к тому, чтобы снова оказаться там, откуда начала, – в дешевых кабаках и грязных дворах, но тут ей встретился Раймон Ассо – «длинный, худой, нервный, с очень черными волосами и загорелым лицом». Впервые они встретились еще при жизни Лепле, когда Пиаф случайно оказалась у одного издателя. За роялем сидел мужчина и наигрывал какую-то песню, а затем спросил у Эдит, что она о ней думает. Эдит честно сказала, что музыка неинтересная, зато слова ей понравились. Ассо, который оказался автором текста, был весьма польщен. Вновь они встретились, когда Ассо был секретарем Мари Дюба. Сначала он пригласил ее на концерт Дюба, затем они стали встречаться просто так, пока однажды он не пообещал Эдит, что сможет вытащить ее со дна, если займется ею всерьез. Он стал для Пиаф другом, любовником, учителем, импресарио и автором песен. Именно Ассо – образованный, педантичный, умный и очень терпеливый, – сделал из Малышки Пиаф – певицу Эдит Пиаф, что было весьма нелегко. Он взялся за ее образование – Эдит еле читала по слогам и не всегда могла понять даже слова в текстах песен, которые исполняла. Даже в редких автографах она умудрялась делать ошибки! Кроме того, он учил ее хорошим манерам – Эдит, выросшая на самом дне, не умела правильно держать вилку, ругалась как пьяный сапожник и чавкала, как поросенок. Раймон привил Эдит манеры, научил ее одеваться и следить за собой, создал ее стиль, сочинил для нее несколько замечательных песен – музыку к ним написала Маргерит Монно, на долгие годы ставшая не только любимым композитором Пиаф, но и ее ближайшей подругой. Она научила Пиаф играть на рояле и читать ноты, но главное – она научила ее понимать мелодию, видеть душу песни. «Лучший подарок, который мне сделал Раймон, – это Гит!» – признается Эдит.

Эдит с трудом переносила эту «муштру»; иногда она сбегала, возвращаясь под утро и пьяной в дым. Но Раймон умел держать ее в руках. Она действительно любила его – и как мужчину, и как учителя, понимая, что только благодаря ему она сможет подняться наверх, что он – единственный мужчина в ее жизни, кому интересна ее душа, а не только ее тело. Она даже стерпела, когда Раймон разлучил ее с Момоной, которая, по его мнению, тянула Эдит назад.

Наконец, именно Раймон в 1939 году добился для нее контракта в одном из знаменитейших парижских мюзик-холлов «АВС» на Больших бульварах. Когда на сцену вышла Эдит – маленькая, худая, в бедном коротком черном платье (и это после длинных шлейфов из блесток и перьев, которые публика привыкла видеть на певицах!), зал замер в недоумении, но стоило

ей запеть – и зрители пали к ее ногам. На следующее утро все газеты вышли с заголовками: «Вчера во Франции родилась великая певица, и ее имя Эдит Пиаф!»

С этого выступления путь Эдит к славе уже не прерывался, ведя только вверх. Выступления на лучших площадках, интервью в крупнейших газетах, записи на студиях, приглашения на радио и светские рауты. Раймон навсегда определил стиль выступлений Эдит: минимум декораций, сдержанный свет, ничто не отвлекает внимание от певицы в простом черном платье до колен с длинными рукавами – руки Эдит прятала, потому что считала их некрасивыми; скупые жесты, локти прижаты к бедрам, глаза закрыты...

Почувствовав себя уверенно, Эдит бросила Раймона: по ее словам, она устала от его постоянных наставлений. На самом деле он просто перестал ее волновать как мужчина. «Любить по-настоящему можно, только когда чувствуешь это как в первый раз. Когда любовь остывает, ее нужно или разогреть, или выбросить. Это не тот продукт, который надо держать в прохладном месте!» Правда, Эдит умела быть благодарной – она прекрасно помнила, кто сделал ее звездой. Они с Ассо остались друзьями, он продолжал писать для нее песни, а она – помогать ему каждый раз, когда он в этом нуждался.

Место рядом с Эдит долго не пустовало. Она сошлась с Полем Мёриссом – чопорным красавцем, сыном владельца банка, которому, правда, больше нравилась сцена, чем банковские операции. Ему было двадцать шесть лет, у него был светский шарм, отточенные манеры и безупречный вкус, и он абсолютно не был похож на прежних мужчин Пиаф. С ним она обрела настоящий лоск – влюбленные начали с того, что переехали в престижный район Этуаль, а продолжили образование Эдит у дорогих парижских портных и в магазине Картье. Всю последующую жизнь именно у Картье Эдит будет покупать дорогие подарки для своих возлюбленных.

Эдит и Поль были совершенно разные: она – взбалмошная, открытая, с пожаром внутри и бурей вокруг, а он – педантичный, замкнутый и чопорный, больше всего на свете ценящий размеренность и «комильфо». Довольно быстро их счастливая совместная жизнь превратилась в непрекращающуюся войну со скандалами, битьем посуды и хлопаньем дверьми. Глядя на эту парочку, драматург Жан Кокто – с ним Эдит познакомилась в 1940 году и сразу же подружилась – написал пьесу «Равнодушный красавец». Сюжет прост: женщина бесится, изливая свое негодование на мужчину, который молча лежит на кровати и читает газету, а когда он встает и уходит – бросается за ним, умоляя не бросать ее. Сыграть пьесу в театре он предложил самим Эдит и Полю. Эдит недоумевала: как же она будет играть? Столько слов, и ни одной песни! Она не актриса, она умеет только петь. Однажды она, правда, снималась в кино – в 1937 году Эдит Пиаф получила небольшую роль в фильме «Холостячки», – но это было несерьезно. Кокто уговаривал ее: «Все очень просто. Поль ничего не говорит, а ты играешь сцену, которую устраиваешь ему каждый день». Тем не менее многие, включая саму Эдит, сомневались в успехе. Когда она вышла на сцену в день премьеры, от ужаса она забыла слова. Но, взяв себя в руки, отыграла весь спектакль так, что зал буквально взорвался от восторга.

Поля заметили и стали активно приглашать принять участие в спектаклях и кинофильмах. В августе 1941 года она и Поль снова работают вместе, исполняя главные роли в кинофильме «Монмартр-на-Сене». На съемках фильма Эдит познакомилась с журналистом Анри Конте, который был пресс-атташе картины. Обаятельный и элегантный, он немедленно заметил Поля и в сердце, и в постели Эдит Пиаф. Анри писал для нее песни, водил ее на прогулки и по ресторанам. Но он наотрез отказывался ночевать у Эдит – во Францию пришла война, немцы ввели комендантский час, и Анри отговаривался тем, что у него нет пропуска. Как оказалось, у него была другая женщина, с которой он проводил ночи, тогда как дни он отдавал Пиаф. Эдит не пожелала смириться с таким «полулюбовником» – и она прекратила спать с ним, продолжая тем не менее с ним работать.

Эдит вернулась в отель, откуда когда-то съехала вместе с Полем Мёриссом. Несмотря ни на что, она продолжала репетировать, разучивать новые песни, выступать. В это время, когда

было не до песен, Эдит продолжала петь – ведь это единственное, что она умела делать. Бежать она не хотела – да и куда могла она убежать из Парижа, единственного места на земле, в котором она умела жить? Даже во время оккупации она продолжала давать концерты, не обращая внимания ни на придирки обязательной теперь цензуры, ни на засилье немецкой речи в зрительном зале. Она даже согласилась съездить с песнями в Германию – многие поклонники отвернулись от Эдит за сотрудничество с немцами; но все гонорары она отправляла пленным солдатам, оказавшимся в немецких лагерях. Однажды Пиаф попросила разрешения сфотографироваться с группой пленных соотечественников. В Париже участники Сопротивления разрезали групповое фото на отдельные карточки и изготовили фальшивые документы. Их Эдит провезла в лагерь в свою следующую поездку, спрятав на дне коробки с гримом. Всем, кто смог бежать, эти документы спасли жизнь.

За месяц до конца войны рядом с Эдит появился еще один человек, которому суждено было сыграть в ее жизни ключевую роль. Импресарио Луи Баррье, или просто Лулу, однажды подошел к Эдит и предложил свои услуги; она согласилась, еще не понимая, какую удачу подбросила ей судьба. Он оказался преданным, умным, талантливым и проницательным человеком, который искренне заботился о благополучии самой Эдит и о росте ее карьеры. Еще он пытался объяснить ей, как важно навести порядок в ее финансовых делах, – но это был, кажется, единственный пункт, по которому у Эдит всегда было свое мнение: деньги надо тратить, и чем скорее, тем лучше. Баррье добился для нее контракта в лучшем мюзик-холле страны «Мулен-Руж», организовал турне по Франции, гастроли по всему миру – гонорары Пиаф превысили полтора миллиарда старых франков (или пятнадцать миллионов новых), но у нее не задержалось ни франка. Она по любому поводу делала всем знакомым ценные подарки; скупала дорожные платья у лучших кутюрье – чтоб потом ни разу их не надеть; пропивала огромные суммы в дорогих ресторанах и дешевых забегаловках, платя за всех. Кроме того, у Эдит Пиаф появилось новое дорогостоящее увлечение – открывать молодые таланты.

Первым был молодой итальянец Иво Ливи, известный под псевдонимом Ив Монтан. Пиаф обратила на него внимание, когда он однажды должен был выступать у нее «на разогреве». Эдит не только сразу же влюбилась по уши в молодого красавца, страстного и нетерпеливого, как и сама Эдит; она решила сделать для него то, что когда-то сделал для нее Раймон Ассо, – помочь ему стать настоящей звездой. Она заставляла его работать до изнеможения, исправляла его дикцию, убрала акцент, научила держаться на сцене, создала его имидж, собрала по друзьям репертуар. Несколько песен она написала для него сама – конечно же, они были о любви. Ему было двадцать два, ей почти тридцать. Монтан неоднократно просил ее стать его женой, даже познакомил со своими родителями, когда они вместе гастролировали в Марселе. За два месяца непрерывных репетиций Пиаф полностью переделала творческую индивидуальность Монтана; его триумфальные выступления в «Альгамбре» доказали, что из Пиаф получился прекрасный педагог, а из Ива – настоящая звезда.

Но, как оказалось, это было начало конца. Ив оказался невероятно тщеславен: каждое утро он кидался к газетам, чтобы прочесть Эдит все восторженные рецензии на свои выступления, но ее успехи портили ему настроение. Эдит тоже начала замечать за собой, что иметь рядом с собой соперника, который в один прекрасный день может тебя затмить – пусть даже ты сама приложила к этому руку, – не так уж приятно. Они вместе снялись в фильме «Звезды без света», и уже тогда было заметно, что две звезды из всех сил пытаются перетянуть внимание каждый на себя. После концерта Монтана в самом престижном зале Франции «Этуаль» они расстались. На прощание Монтан поцеловал Эдит: «Спасибо. Тебе я обязан всем».

В начале 1946 года Эдит взялась за ансамбль «Друзья песни». После долгой работы Эдит из «Друзей» удалось сделать музыкальное событие. В ноябре 1947 года Пиаф в сопровождении «Друзей песни» отправилась в турне по США. Начало гастролей было неудачным: если «Друзей», играющих своеобразное офранцузенное кантри, американцы приняли сразу

и безоговорочно, то первое выступление Пиаф в «Плейхаузе» закончилось гробовым молчанием публики. Жанр, в котором прославилась Эдит Пиаф, – реалистическая песня – был чужд американцам, которым не было дела ни до жителей парижского «дна», ни до их высоких чувств. Они ожидали «настоящую парижанку» – беззаботную, сексуальную и веселую, – а на сцену вышла маленькая грустная женщина, чьи тоска и нежность были совершенно непонятны, несмотря даже на усилия переводчика. Спасла дело умелая рекламная кампания, организованная верным Баррье, – крупнейшие газеты настойчиво объясняли американской публике, что такое реалистическая песня, чем ценно творчество Пиаф, и что его способны понять и оценить только тонко чувствующие люди. Постепенно реклама сделала свое дело: уже через несколько дней выступления Пиаф сопровождалась громовыми овациями, а билеты нельзя было достать. В итоге первоначально трехнедельный контракт превратился в трехмесячный. На выступлениях Эдит Пиаф побывала вся артистическая и политическая элита США. Чарли Чаплин, услышав пение Пиаф, прослезился, а о ее киноработах заметил: «Эта женщина должна была бы делать в кино то, что я».

Но Пиаф не умела быть счастливой, если рядом с нею не было любви. И она встретила его – мужчину, которого называла главной и единственной любовью своей жизни, – боксера Марселя Сердана. Он приехал для проведения матча на звание чемпиона мира, и поначалу его дела, как и ее, складывались не очень хорошо. Они начали с того, что поддерживали друг друга в трудную минуту, а продолжили тем, что влюбились друг в друга по уши. Марсель оказался совсем не похожим на то, как обычно воспринимают боксеров – гора мускулов без мозгов и эмоций. Он был очень нежным, мягким и терпеливым, боготворил Эдит, выполнял все ее прихоти, обладал редким чувством такта. Журналисты спросили у Эдит: «Как вы могли полюбить боксера? Это же сама грубость!» – «Грубость, у которой стоило поучиться деликатности!», – ответила Эдит. Марсель был женат, у него двое сыновей и собирался родиться третий, – американская пресса с удовольствием полоскала грязное белье французских знаменитостей, пока сам Марсель не расставил все точки над *i*: да, они любовники, но это только потому, что он женат, иначе они бы поженились. Его жена Маринетта, жившая в Касабланке, была в курсе. И журналисты вынуждены были заткнуться: уж если его жена благословила союз мужа, то им нечего возразить.

Впервые Эдит была спокойна и счастлива. Ее любимый был знаменит – но с нею он не конкурировал. Он был привлекателен – но для него не существовали другие женщины, кроме нее. Марсель защищал ее, делал ей дорогие подарки – и был рад, когда она в ответ преподносила ему собственноручно связанные свитера. Когда закончилось ее турне, Эдит терпеливо ждала Марселя в Париже, пока он мотался между США, где у него были бои, и ее домом. Он стал чемпионом, но удержать титул не смог, – в этом справедливо обвиняли Эдит, которая не смогла окончательно отказаться от привычного полуночного образа жизни и втянула в него и Марселя. Кроме того, один ясновидящий предсказал, что Марсель проиграет, если Эдит не будет рядом; она не смогла прилететь – в этот день у нее была премьера в Париже. Но ради него она и так пошла на многое, перекраивая свои графики и расписания выступлений в соответствии с его боями. Он прощал ей все, она хотела выйти за него замуж, родить ребенка...

Осенью 1949 года Эдит Пиаф снова прилетела в Нью-Йорк. Вскоре сюда должен был приехать и Марсель. Эдит в телефонном разговоре умоляет его поторопиться, и Марсель вместо планируемого путешествия пароходом выбирает самолет. А 27 октября стало известно, что его самолет пропал над Азорскими островами; еще через двенадцать часов стало ясно, что он разбился, – нашли обломки, никто не выжил. Каким-то чудом Пиаф – после нескольких часов непрекращающихся рыданий – нашла в себе силы прибыть в «Версаль», где у нее было назначено выступление. Она пела «в честь Марселя Сердана, в память о нем, только для него» – «Гимн любви» на ее собственные слова, и зал слушал ее стоя. Она не смогла довести концерт до конца – во время очередной песни Эдит Пиаф упала в обморок.

Позже Эдит сказала: «Это была моя настоящая и единственная любовь. Я любила. Я боготворила... Чего бы я только не сделала, чтобы он жил, чтобы весь мир узнал, как он был щедр, как он был безупречен». Овдовевшая Маринетта позвала Эдит на помощь, и та прилетела в Касабланку первым же рейсом. Оттуда она привезла мадам Сердан и детей в Париж, где приняла на себя все заботы о семье ее любимого Марселя.

Чувствуя себя виновной в его гибели, Эдит медленно сходила с ума. Она почти ничего не ела и мало спала, зато много пила, пытаясь алкоголем заглушить боль. «После смерти моего бесценного Марселя Сердана, ровно через шесть месяцев, я пустилась во все тяжкие и доказала до самой глубины бездны. Я обещала быть мужественной. Но я не выдержала удара...».

Эдит снова начала менять мужчин, снова взялась за учеников – среди них были Робер Ламуре и Шарль Азнавур, Эдди Константин и Андре Пусса. Последний смог наконец вернуть ей спокойствие и веру в себя – но однажды они попали в автокатастрофу. Эдит сломала руку и два ребра; все было бы не так страшно, но она совершенно не переносила боли. Так в жизнь Эдит Пиаф вошли наркотики... Она разрушалась. Одурманенная и пьяная, Эдит срывала концерт за концертом. Она могла заблудиться на сцене, в испуге сбежать за кулисы, забыть слова, упасть вместе с микрофоном. Ее тело было покрыто синяками и струпьями, руки исковерканы артритом. Как подсчитала ее сестра Симона, за последние двенадцать лет жизни Эдит Пиаф перенесла четыре автомобильные катастрофы, попытку самоубийства, четыре курса дезинтоксикации, один курс лечения сном, три гепатические комы, один приступ безумия, два приступа белой горячки, семь операций, две бронхопневмонии и отек легкого. Под конец ее зависимость от морфия дошла до того, что Эдит вводила себе до десяти доз ежедневно.

Спасение Эдит пыталась найти в новой любви. Ее избранником стал сорокашестилетний певец Жак Пиль (настоящее имя Рене Виктор Эжен Дюко), с которым они давно были знакомы по совместным выступлениям. Они обвенчались в Нью-Йорке 20 сентября 1952 года. Эдит Пиаф, одетая в голубое платье и шляпку с вуалью, волновалась, как девочка. Но брак не решил ее проблем. После медового месяца, совмещенного с гастрольным турне по США, молодожены вернулись в Париж – и Эдит снова начала пить и колоться. На морфий уходили все заработанные деньги; контрактов было все меньше – концертные залы не желали связываться с Эдит, которая стала совершенно непредсказуемой. К тому же Жак, вместо того чтобы пытаться спасти жену, начал пить с нею вместе. Через четыре года семейного ада Пиль и Пиаф развелись. Корабль любви вдребезги разбился о скалы из бутылок виски и ампул морфия.

Больше Эдит не верила в возможность счастья. Единственное, что у нее осталось, – это работа. Она снова давала сольные концерты, и снова зрители часами не отпускали ее, требуя новых и новых песен; и опять в ее жизни один за другим появлялись и исчезали молодые мужчины. В конце 1958 года у нее роман с Жоржем Мустаки, который напишет для нее одну из самых известных ее песен – «Милорда»; с ним она рассталась в Нью-Йорке. На одном из концертов она упала в обморок, за кулисами ее начало рвать кровью; в больнице оказалось, что у Пиаф прободная язва желудка. С трудом оправившись после операции, Эдит заводит роман с двадцатичетырехлетним художником Дугласом Дэвисом – он хотел написать ее портрет. Пленил он Эдит тем, что как-то принес ей целую связку воздушных шаров. В Париж она вернулась вместе с ним, а летом они вместе попадают в очередную автокатастрофу – на этот раз Дуглас отделается царапинами; он погибнет в авиакатастрофе 3 июня 1962 года, через год после расставания с Эдит.

Между авариями, болезнями, операциями и любовными разочарованиями Эдит Пиаф создает свою лучшую концертную программу, премьера которой состоялась 2 января 1961 года в «Олимпии». На премьере были Роже Вадим, Мишель Морган, Ален Делон и Роми Шнайдер, Жан-Поль Бельмондо, Жан-Пьер Омон. Когда концерт закончился, Луи Армстронг сказал: «Она завладела моим сердцем». У двери гримерной администратора робко остановил другой

поклонник: «Извините, могу ли я подойти и сказать «браво» мадам Пиаф? Я джаз-музыкант, меня зовут Дюк Эллингтон».

Врачи предупреждали, что каждый концерт Эдит приближает ее смерть, но она только отмахивалась: «Не мешайте мне петь! Это единственное, что у меня осталось в жизни». Она работала на пределе своих сил, в песнях вспоминая всех своих мужчин. Как писала Симона Берте, «ни один мужчина не пощадил ее. Каждый оставил свой шрам».

В феврале 1962 года Эдит оказалась в больнице с тяжелой пневмонией. Однажды в ее больничную палату постучался молодой человек, приятель ее друга – парикмахер Теофанис Ламбукас, красавец и начинающий певец, страстный поклонник Пиаф. Как оказалось, в палату Эдит снова вошла любовь. Из больницы вышли рука об руку Эдит – и ее новый протеже, певец Тео Сарапо. Псевдоним Тео придумала сама Пиаф: по-гречески «сарапо» означает «я люблю тебя». Тео по-настоящему полюбил Эдит – ему не было дела до ее болезней, дурных привычек, плохого характера; он не замечал ни ее искалеченных артритом рук, ни изувеченного авариями тела. Он нежно ухаживал за Эдит, познакомил ее со своими родителями и сделал ей предложение. Ей было сорок семь лет, ему – на двадцать меньше; как вспоминала Симона Берте, «они любили друг друга необыкновенной любовью, той, о которой пишут в романах, о которой говорят: такого не бывает, это слишком прекрасно, чтобы быть на самом деле». Эдит Пиаф вышла замуж за Тео Сарапо 25 сентября 1962 года, а 9 октября они обвенчались в православной церкви. Его любовь скрасила ее последние месяцы; он подарил ей полтора года жизни, целый год счастья. Когда Эдит и Тео вместе пели, зал рыдал. Последний раз Эдит Пиаф вышла на сцену 18 марта 1963 года. Ее здоровье ухудшалось. Тео возил ее в горы и на море, ухаживал, как за ребенком, но 10 октября у нее начался отек легкого, и ночью Эдит Пиаф не стало. Она умерла на руках у Тео.

Как-то она сказала: «Каждый имеет право на последнюю любовь. Она помогает человеку достойно уйти. Я всегда мечтала уйти именно так».

Через три дня на парижском кладбище Пер-Лашез сорок тысяч человек провожали Эдит Пиаф в последний путь. Тео стоял рядом – и ему все казалось, что его Эдит зовет его с собой...

Многие считали, что Тео женился на Пиаф, чтобы завладеть ее состоянием; но ему достались только ее долги в 45 миллионов франков, которые он выплачивал всю жизнь. Он последовал за Эдит через семь лет – Тео Сарапо погиб в автомобильной катастрофе. Его похоронили в одной могиле с Эдит. Она всю жизнь пела о любви – но обрела ее только в смерти.

Любовь всего мира. Любовь на все времена.

Эсте Лаудер

Королева косметики

Шесть лет назад не стало женщины, воплотившей в себе не одну американскую мечту. Начав в тяжелые времена Великой депрессии, она буквально из ничего создала настоящую империю, принесшую ей не один миллиард долларов. Она дарила женщинам красоту и молодость. Она изменила себя и весь мир, оставшись при этом самой собой. Недаром еще при жизни Эсте Лаудер была признана королевой косметики, царицей американского бизнеса. В 2008 году ей исполнилось бы сто лет – а ее компания по-прежнему продолжает делать женщин по всему миру красивыми, молодыми и счастливыми...



Эсте Лаудер всегда говорила, что имидж – вещь невероятно важная. Она сама была частью имиджа своей компании: не один десяток лет беззастенчиво лгала клиентам и журналистам, представляя свою жизнь похожей на сказку, а себя – чудесной феей, готовой любую женщину сделать красавицей. Она рассказывала о беззаботном детстве в немецком замке, об отце – повесе, лошадинике и гольфисте, о матери, делящей время между светскими гостиницами и фешенебельными курортами. Наследница графского рода получила прекрасное образование, но в тридцатые годы семья разорилась, и Эсте пришлось переехать в Америку, дабы попытаться восстановить былое величие. Весь мир был рад верить миссис Лаудер: ее считали своей

в самых знатных домах, и сливки общества по обе стороны океана считали за честь принимать у себя эту утонченную аристократку, с такой очаровательной настойчивостью предлагающую свою продукцию. Лишь в середине восьмидесятых дотошные журналисты раскопали правду: миссис Лаудер действительно была персонажем сказки – но не волшебной феей, а настоящей Золушкой.

Будущая королева косметики Жозефина Эсфирь Ментцер родилась 1 июля 1908 года в Короне – населенном итальянскими эмигрантами районе Квинса. Она была девятым ребенком в семье Макса и Розы Ментцер, а в ее жилах смешались французская, чешская, венгерская и еврейская кровь. Макс когда-то был жокеем, а женившись, завел скобяную лавку. Его жена была на десять лет старше: позже Эсте любила говорить, что такая разница в возрасте у супругов – прекрасный способ дольше оставаться молодой: «Если бы все женщины должны были держать себя в тонусе перед молодым мужем, они не переставали бы ощущать себя богинями». Эсфирь, которую ласково звали Эсте, с ранних лет помогала в отцовской лавке: оформляла витрины, продавала товар, очаровывала и уговаривала – в будущем эта школа ей очень пригодилась.

Когда Эсте было шесть лет, из Европы приехал младший брат матери, дядя Джон Шотц. Дядя был химиком и увлекался созданием косметических средств: в своей «лаборатории», размещавшейся в сарае на заднем дворе Ментцеров, он варил чудодейственный крем для кожи. Эсте была очарована дядей: «Он был для меня волшебником, идеалом и наставником. Он завладел моим воображением так, как не удавалось больше никому и никогда. Благодаря ему я осознала свое предназначение», – вспоминала Эсте много лет спустя. Идеи дяди о служении красоте с помощью химии Эсте воспринимала как откровение: вспоминают, что уже в детстве она была буквально одержима косметическими процедурами, готовая делать маски, прически и массаж лица любому, кто не успел скрыться. Дядин крем она не только использовала сама, но и продавала соседкам и одноклассникам.

Деловую хватку и целеустремленность Эсте унаследовала от отца, а внешностью пошла в мать: стройная, очень красивая блондинка привлекала к себе мужские взгляды, а ее безупречная от рождения кожа служила лучшей рекламой дядюшкиному крему. Бредившая красотой во всех ее проявлениях девушка тяготилась окружающей обстановкой: позже она признается, что невероятно стыдилась и бедности, в которой они жили, и неистребимого акцента родителей, и унылой жизни, уготованной ей в Квинсе. Она, как и большинство девушек, мечтала стать актрисой, завоевать мир и принца на белом коне. Между тем она даже не окончила школу, вынужденная вместо уроков работать в семейной лавке.

Отдыхая как-то у родственников в Милуоки (штат Висконсин), Эсте познакомилась с бухгалтером Джозефом Лаутером, который начал ухаживать за юной красавицей. «Я помню, что он пообещал встретиться нескольким девушкам, но вспомнить смог только мой телефон. Вот он и стал мне звонить», – рассказывала она впоследствии. Вскоре они объявили о помолвке, а в январе 1930 года поженились по иудейскому обряду. В 1933 году у Лаутеров родился сын Леонард.

Но Эсте никогда не хотела быть просто женой и матерью. Она верила, что ее прекрасный крем может сделать ее богатой, и всеми силами старалась убедить в этом других. Когда хозяйка косметического салона сделала комплимент чудесной коже Эсте, та рассказала о своем чудесном креме не только ей, но и всем клиенткам салона, и к тому же провела первую в истории бесплатную презентацию, показав товар лицом и раздав всем желающим образцы крема. Крем и правда был на удивление хорош, и скоро женщины штурмовали салон, требуя продукцию миссис Лаутер, а еще через несколько месяцев крем с успехом продавался уже в нескольких салонах по всему Нью-Йорку. В 1933 году Эсте зарегистрировала фирму *Lauter Chemists* и разместила ее рекламу в телефонном справочнике.

Целевой аудиторией своей продукции Эсте видела успешных работающих женщин, которым необходимо выглядеть достойно, но не имеющих много времени на уход за собой. И Эсте предлагала им «красоту в баночке крема»: всего несколько минут утром и вечером, один крем, правильный макияж – и любая может стать прекрасной. Миссис Лаутер рассказывала о своем креме всем, кто готов был слушать, – на улицах, в метро, в магазинах и на автобусных остановках. Она заводила дружбу с коммивояжерами, разъезжавшими по стране, и с распространителями косметики, дабы они помогали ей продавать ее товар. Постепенно она поднималась все выше и выше по социальной лестнице, в итоге оказавшись вхожей в высшие слои общества. Социальные условности всегда очень много значили в нью-йоркском свете, и Эсте изменила всю свою жизнь, дабы сойти там за свою.

Эсте без устали училась быть светской дамой: шлифовала манеры, избавлялась от акцента, посещала все выставки и премьеры, одевалась в лучших магазинах Нью-Йорка. По ее настоянию Джозеф сменил фамилию на Лаудер – так, по мнению Эсте, было благозвучнее. Она сама официально сменила имя на Эсте и придумала сказку о богатом детстве и знатных родителях из Европы. Эсте всеми силами старалась быть похожей на самых богатых и элегантных своих покупательниц, ибо верила: у своей будут покупать охотнее – и была права. Постепенно она превратилась в признанную светскую львицу, а вот семья оказалась почти заброшенной. В апреле 1939 года Эсте оформила развод с Джо и вместе с сыном уехала в Майами – самый дорогой курорт тех лет. Амбициозная и решительная, Эсте открыла представительство своей компании в шикарном отеле Roney Plaza, полном богатых клиентов, готовых тратить деньги на крем от миссис Лаудер.

Многие биографы объясняют флоридский период в жизни Эсте как стремление «нагуляться» – она вышла замуж слишком молодой, не знавшей ни ухаживаний, ни вечеринок, и теперь стремилась наверстать упущенное. Другие говорят, что Эсте хотела найти того самого принца, который мог бросить к ее ногам весь мир. Впрочем, все сходится на том, что и вечеринки, и поиск принца Эсте с успехом подчиняла своему главному делу – торговле красотой. Три года она разъезжала по курортным городкам, устраивая презентации косметики и очаровывая нужных людей, завязывая полезные знакомства и обрасая клиентами. Она сотрудничала с английским филантропом Джоном Майерсом, училась у Арнольда Льюиса, президента и председателя International Flavors & Fragrances (IFF), тонкостям производства парфюмерии, и начала роман с исполнительным директором MGM Чарльзом Московитцем. Бизнес процветал, а вот принца все не было.

В этот момент серьезно заболел Леонард. Примчавшийся на помощь Джо Лаудер был таким преданным, таким любящим, что Эсте снова влюбилась. В декабре 1942 года они снова поженились, чтобы теперь действительно не расставаться до самой смерти – Джо скончался в 1983 году. Покорять мир было решено вместе.

Лаудеры решили всерьез заняться косметическим бизнесом: Эсте будет отвечать за разработку продукции и маркетинг, а Джо – за финансы, производство и управление. Первым делом Лаудеры купили помещение ресторана на Манхэттене и превратили обеденный зал в небольшой магазин, а кухню – в фабрику по производству косметики. Супруги лично варили крем, расфасовывали его, упаковывали и утром были готовы продать клиентам то, что сделали за ночь. Бизнесу не помешало даже рождение у пары в декабре 1944 года второго сына, Рональда – уже через несколько месяцев Лаудеры основали фирму Estee Lauder, Inc.

Новая компания производила Creme Pack для жирной кожи, «Суперобогатенный универсальный крем», лосьон и очищающее масло – позже в ассортимент добавилась красная губная помада («Все любят красное», – говорила Эсте), бирюзовые тени для век (этот цвет, по мнению Эсте, лучше всего подчеркивал глубину взгляда), питательное молочко и пудра для лица, которую Эсте первой догадалась сделать телесного цвета. Удивительно, но до нее пудру делали только белой и розовой. Вся продукция выпускалась в фирменной упаковке знамени-

того ныне цвета *Lauder-blue*: этот оттенок синего Эсте выбрала лично, посчитав, что он наилучшим образом впишется в интерьер любой ванной комнаты – а она специально заглядывала не в одну сотню ванных комнат.

Создав производство, Эсте стала задумываться о сбыте. Ее предшественники на рынке продавали свои товары либо через сеть собственных салонов, как Элизабет Арден и Хелена Рубинштейн, либо через аптеки и магазины. Но все это не подходило амбициозной, но ограниченной в средствах Эсте: она хотела, чтобы ее марка ассоциировалась с роскошью и изысканностью, чтобы она воспринималась как дорогая, хотя была бы относительно доступной и для среднего класса. И Эсте сделала гениальный выбор: ее продукцию должны продавать дорогие роскошные универмаги, такие, как *Saks Fifth Avenue*.

Входившие в моду крупные универсальные магазины, предлагавшие дорогие товары в роскошной и комфортабельной обстановке, были специально созданы для того, чтобы в них было приятно покупать. Кроме того, в сороковые годы некоторые магазины стали предоставлять своим клиентам кредит, что стимулировало импульсивные покупки. Эсте решила, что ее марка будет прекрасно смотреться в интерьере *Saks*, однако управляющий универмагом не поддался на уговоры напористой блондинки: он не был уверен, что его покупателям нужна еще одна косметическая марка. Эсте приняла вызов: одни рассказывают, что заказ она получила после того, как с помощью своего крема улучшила цвет лица дочери владельца универмага, другие – что решающим аргументом послужили 80 наборов косметики, которые Эсте раздала на благотворительном вечере. Особый интерес вызвала помада, упакованная в необычные для того времени металлические контейнеры – дамы одна за другой подходили к Эсте с вопросом, где можно такое купить, она отсылала их в *Saks*, и управляющему ничего не оставалось, как сделать миссис Лаудер первый заказ на 800 долларов.

Место для своей продукции Эсте тоже выбрала с умыслом: две недели она провела у входа в магазин, наблюдая, куда первым делом смотрят вошедшие. Оказалось, налево – именно там Эсте выбила себе место. Не имея денег на полноценную рекламную кампанию, Эсте сделала простой, но невероятно эффективный ход: всем клиенткам *Saks* были разосланы изящные открытки: «*Saks Fifth Avenue* с гордостью представляет косметическую линию *Estee Lauder*. Спрашивайте в косметическом отделе». Эсте лично обустроила витрину, сама обучала продавщиц, а нередко и вставала за прилавок, предлагая любопытным попробовать крем, помаду или пудру. Неудивительно, что первая партия товара разошлась в течение двух дней, и уже через несколько месяцев продукция Эсте продавалась во всех крупнейших универмагах Нью-Йорка, с успехом конкурируя с такими монстрами американской косметики, как *Revlon* или *Charles of the Ritz*, а к началу пятидесятых стойки с косметикой от миссис Лаудер можно было встретить в лучших магазинах Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Детройта, Хьюстона и других крупнейших городов США.

Секретами успеха Эсте были ее одержимость, безошибочное деловое чутье, потрясающая работоспособность, смелость, сила духа и уверенность в себе. Если она была убеждена в своей правоте, она не слушала ни бухгалтеров, ни юристов, неизменно добиваясь своего. «Меня было невозможно остановить – настолько сильна была моя вера в то, что я продавала», – признавалась она. Годами разъезжая по США в поисках новых рынков сбыта, она готова была экономить на еде и ездить автобусами, но перед клиентами неизменно появлялась безупречно причесанная, в ярком костюме от Мейнбочера – самого дорогого и элегантного портного Америки – и искренне улыбающаяся каждому клиенту. Эсте внесла в косметический бизнес, да и просто в бизнес, столько нового, как никто и никогда до нее. Именно она придумала давать бесплатные образцы товара в подарок при покупке – конкуренты крутили пальцем у виска и называли ее растратчицей, а Эсте лишь сказала: «Не стоит недооценивать стремление женщин быть красивыми», – и приобрела миллионы новых клиенток. Она делала бесплатный макияж, обучая женщин создавать красоту, и они покупали ее продукцию и расхваливали ее подругам.

Эсте же вернула в моду черно-белую рекламу – невероятно стильную и провокационную, – сэкономив таким образом на цветной печати.

Еще одним прорывом Эсте стали ее первые духи Youth Dew – «Роса молодости», – выпущенные в 1953 году. В то время духи в США были роскошью, их на свой вкус покупали мужья своим женам. А Youth Dew, выпущенные поначалу в виде масла для ванной, которое можно было использовать и как духи, стоили всего 8,5 доллара, их можно было попробовать при покупке – и их запах был по-настоящему роскошным. Youth Dew стали первыми духами, которые американки стали покупать себе сами.

В 1960 году Эсте вышла на европейский рынок: сначала она завоевала лондонский Harrod's, а затем Эсте попробовала покорить Париж. Поначалу в Galleries Lafayette повторилась та же история, что когда-то была в Saks: менеджер заявил Эсте, что он не заинтересован в ее товаре. Тогда, как гласит легенда, миссис Лаудер вышла в торговый зал и непринужденно разбила об пол флакон с Youth Dew. Привлеченным шумом и дивным ароматом покупателей она заявила: «Это мои духи Youth Dew, а меня зовут Эсте Лаудер. Вы никогда не слышали моего имени?» Говорят, Париж сдался Эсте незамедлительно. Через десять лет продукция Эсте Лаудер уже продавалась в семидесяти странах.

В Европе Эсте, американку из низов, приняли за свою. Элегантная, утонченная, блестящая собеседница и щедрая меценатка, одетая в лучшие наряды от Chanel, Christian Dior и Yves Saint Laurent ярких цветов – одежде Эсте всегда отводила роль яркого обрамления женского лица, – миссис Лаудер подружилась с герцогиней Виндзорской, княгиней Монако и принцессой Анной – так же, как в США она дружила с Розой Кеннеди, Лорен Бэкол и Фрэнком Синатрой. Эсте всегда щедро раздавала образцы своей продукции друзьям-знаменитостям, актерам и манекенщицам, стараясь, чтобы ее продукция ассоциировалась с красотой, изысканностью и безупречным вкусом, но не забывая о том, что ее косметикой пользуются простые люди. В 1964 году Эсте Лаудер первой выпустила линию косметики для мужчин Agamis, в 1968 – гипоаллергенную линию Clinique, разработку которой она поручила редактору журнала Vogue Кэрол Филлипс и дерматологу Норману Орендтреку. Косметика Эсте завоевывала популярность, пока сама миссис Лаудер громила конкурентов. Управляющие универмагами вспоминали, что она могла ворваться в торговый зал и начать сметать на пол чужие товары, ругаясь на тех, кто отвел ее продукции меньше места, чем полагалось по контракту. Она ополчилась на Чарльза Ревзона, владельца Revlon, обвинив его в плагиате: «Половина разработок Revlon сделана в наших лабораториях!» За это Ревзон нередко позволял себе проходить в адрес Лаудеров, намекая на излишнюю амбициозность Эсте и небогатый, по сравнению с Revlon, ассортимент ее косметики. Верный Джозеф Лаудер порывался вызвать Ревзона на дуэль, но Эсте не позволила: пока тот не воспринимал ее всерьез, он играл ей на руку, но стоит Ревзону взяться за нее по-настоящему – и ее фирма может не выстоять. Впрочем, в таких пикировках оба промышленника безусловно находили немалое удовольствие. Недаром Эсте признавалась: «Бизнес был для меня театром».

При всем размахе компания Эсте оставалась семейным бизнесом. Даже офисы больше напоминали гостиные, а отношения с рабочими были нетрадиционно личными. Когда Эсте из-за возраста стало тяжело самой управлять всей компанией, она передала бразды правления сыну Леонарду. На данный момент на компанию работают не только сыновья, но и невестки и внуки Эсте. Для нее семья всегда была важнее всего: говорят, когда президент Никсон в знак благодарности за помощь в избирательной кампании предложил ей пост посла в Люксембурге, Эсте отказалась покинуть США, заявив, что семья и дети ей дороже почетного назначения.

Миссис Лаудер даже в старости оставалась необычайно преданной своему делу, без усталости разъезжая по миру и лично контролируя фабрики и магазины на пяти континентах. Она отошла от дел лишь в 1995 году. К этому времени она была признана самой влиятельной бизнесвумен США, одной из значительнейших деловых персон мира, ее заслуги были оценены

несколькими десятками престижнейших наград «за вклад в экономику и принесение радости женщинам», включая орден Почетного легиона, а ее состояние превышало 5 миллиардов долларов. Очень неплохо для бедной девочки, мечтавшей сделать мир немного прекраснее и не боявшейся бороться за свою мечту.

Эсте всегда шутила над своим возрастом: «Конечно, годы играют против меня. Но на моей стороне играю я сама – и еще неизвестно, чья возьмет!» Она дожила до 97 лет, скончавшись 24 апреля 2004 года в кругу семьи.

Индира Ганди Душа Индии

В свое время Индира сказала: «Мученическая кончина — это не конец, а только начало». Так и ее гибель стала лишь началом легенды о сильной женщине, воплотившей в себе новую душу Индии...



Ее имя до сих пор пользуется невероятным уважением — каким далеко не всегда пользовалось при ее жизни. Она была одной из первых женщин, возглавивших свою страну не по прихоти наследования, а по воле народа — и с гордостью и достоинством несла свою тяжкую ношу до конца жизни. Индира Ганди умерла на посту, как и полагается настоящему воину, и, хотя никто никогда не забывал о том, что она прежде всего женщина, вся ее жизнь была достойной лучшего из мужчин.

Как это часто бывает, будущий политик родилась в семье, где заниматься политикой было так же естественно, как дышать. Дед Индиры Мотилал Неру, принадлежавший к одному из знатнейших брахманских кланов, прославленный адвокат, получивший от английских властей

дворянство, был также известен как страстный борец за права Индии, автор первой индийской конституции и один из основателей партии Индийский национальный конгресс (ИНК).

Его единственный сын Джавахарлал получил, по примеру отца, блестящее европейское образование, и так же, как и отец, все свои силы отдавал борьбе с английским колониальным режимом. В 1916 году он женился на семнадцатилетней Камале Кауль, тихой и скромной девушке из семьи кашмирских брахманов: брак, по обычаю, был устроен родителями молодого мужа. Поначалу семейная жизнь складывалась не очень удачно: хотя Джавахарлал сразу оценил преданность, нежность и чистоту супруги, его европеизированная родня долго не могла принять ее в свои ряды. Только его мать, Сваруп Рани, всегда привечала Камалу. Лишь со временем, когда Неру стали подчеркивать свою верность традициям, а Камала – во всем помогать мужу, – они смогли оценить ее по достоинству.

Единственная дочь Камалы и Джавахарлала, получившая имя Индира Приядаршини – то есть «Страна Луны» и «Дорогая взору», – родилась 19 ноября 1917 года в Аллахабаде, в доме Мотилала Обитель радости – вопреки обычаю, предписывающему индийским женщинам разрешаться от бремени в доме матери. Но Неру всегда умели пренебрегать традициями, когда считали это необходимым. Возможно, Джавахарлал был и разочарован рождением дочери вместо ожидаемого сына – но Мотилал был счастлив. «Эта девочка будет лучше тысячи сыновей!» – будто бы заявил он. А одна из друзей дома, поэтесса Сароджини Найдю, поздравила молодых родителей словами о том, что их ребенку «предстоит стать новой душой Индии». Тогда все эти слова никто не принял всерьез – но годы показали, что пророчества оказались верными.

Сына у Джавахарлала так и не было: через пять лет Камала родила ему долгожданного мальчика, однако ребенок умер, едва появившись на свет. И отец решил, вопреки традициям, воспитать дочь так же, как воспитал бы сына: прекрасно образованной, сильной личностью, помощником в политической борьбе. Он не жалел ни времени, ни средств на ее образование, но гораздо большее влияние на девочку оказывала обстановка в семье деда. Маленькая Инду росла в доме, где все постоянно говорили о политике, думали о политике, делали политику. Ее отец кочевал по тюрьмам, и девочка с раннего детства знала, что такое обыски, митинги и политические лозунги – вспоминают, что ее любимой игрой было собрать всех родных в комнате и произносить перед ними речи. Она была еще совсем маленькой, когда Неру, как и все патриоты, в знак протеста против политики Англии сожгли все импортные товары – и хотя любимую куклу девочки поначалу пощадили, позже она сама положила ее на погребальный костер, не желая давать себе даже малейшей поблажки. В восемь лет Инду по совету Махатмы Ганди – духовного лидера индийской нации, с которым она была знакома с двух лет, – организовала местных детей в союз: они собирались в Обители радости и вместе ткали на домашних станках платки и шапочки-топи, сохраняя таким образом древнее индийское ремесло.

Зато в английской школе, куда ходила Инду, ее дела шли неважно: то ли усвоенная с молоком матери ненависть ко всему английскому не давала ей думать, то ли слишком формальные методы образования не подходили для нервной и впечатлительной девочки. К тому же обстановка в ее семье, где политика была образом жизни, а европейская культура причудливо смешивалась с древними традициями Индии, привела к тому, что девочке было тяжело со сверстниками, имеющими совершенно другие интересы. Она гораздо охотнее училась дома, запоем читая европейские книги из библиотеки деда или расспрашивая зашедших в гости друзей отца. Зная ее в детстве вспоминали, что Индира, чьи родственники часто оказывались под арестом или в больницах, слишком рано выросла, прежде времени научившись заботиться о других, не думая о себе. Позже она признавалась: «Ребенком я испытывала покровительственное чувство по отношению к родителям – мне казалось, что раз их Индира Неру в школьные годы преследуют, им приходится так тяжело, то я должна делать для них все, что в моих силах». Когда в 1931 году скончался ее дед Мотилал, рядом с Инду не было ни отца, ни матери –

они снова были в тюрьме. Вскоре Камалу освободили, но ее здоровье было основательно расшатано: туберкулез и волнения съедали ее изнутри, и все свободное время Инду посвятила заботам о матери и овдовевшей бабушке Сваруп Рани.

В 1934 году Индира Неру поступила в Народный университет в Шантиникетане, организованный прославленным Рабиндранатом Тагором. Там студенты изучали языки, историю, литературу, – вспоминают, что Индира была одной из самых способных студенток. Однако проучиться ей там было суждено недолго.

В 1935 году у Камалы обострился туберкулез: положение стало настолько серьезным, что решено было отправить ее в Европу, в швейцарский санаторий. Вместе с ней поехали Сваруп Рани и Индира, бросившая ради матери учебу. Когда в феврале 1936 года Камала испустила свой последний вздох, Индира была рядом и держала ее за руку. Вскоре скончалась и Сваруп Рани.

Индира почувствовала себя безгранично одинокой: друзей у нее никогда не было, ее отец постоянно находился в тюрьме, откуда писал дочери прекрасные письма, – но никакие письма не могут заменить дочери отца. Рядом с Индирой был лишь старый друг их семьи, адвокат и журналист Фероз Ганди (однофамилец великого Махатмы): по легенде, однажды он помог донести до Обители радости Камалу, упавшую в обморок на митинге, и уже на следующий день вступил в члены ИНК. Младший из четверых детей, рано потерявших отца, Фероз с ранних лет знал, что такое нужда и тяжелый труд – Неру знали об этих вещах скорее по рассказам, чем по собственному опыту. Он быстро сдружился с Джавахарлалом, нередко выполнял его поручения, но особенно он был близок к его жене, о которой преданно заботился. В середине тридцатых годов он учился в Лондонской школе экономики – возможно, именно поэтому и Индира выбрала для обучения Англию: в 1937 году она поступила в оксфордский Сомервилль-колледж.

Фероз не скрывал своих чувств: он любил Индиру искренне и глубоко, и не раз делал ей предложение, однако она не спешила его принять: для нее смыслом жизни была политика, и семейные узы могут лишь помешать. Кроме того, Фероз был ей не ровня: она происходила из высшей индийской касты, сохранявшей чистоту рода на протяжении четырех тысячелетий, а Фероз принадлежал к общине парсов, приверженцев зороастризма – в индуистском обществе парсы занимали одну из низших ступеней. Однако со временем она оценила и преданность Фероза, и его обаяние, чувство юмора и силу духа. Когда с началом Второй мировой войны Индира решила вернуться на родину, ее сопровождал Фероз. По возвращении было объявлено об их скорой свадьбе.

Это известие вызвало в индийском обществе настоящую бурю: к этому времени Джавахарлал Неру стал одним из символов нации, хранителем ее духа, и то, что его единственная дочь собирается, презрев обычаи, вступить в брак не с равным ей брахманом, а с парией, к тому же иноверцем, было воспринято как жесточайшее оскорбление всех традиций. Сам Неру был категорически против выбора дочери, однако она стояла на своем. Положение спас Махатма Ганди: он выступил с открытым письмом, в котором одобрил и выбор Индиры, и подобные браки вообще: если единственным преступлением жениха является его происхождение, говорил Махатма, то это можно простить, как прощали гораздо более серьезные проступки.

Свадьба по древним индуистским обычаям – дабы заставить замолчать всех недовольных – состоялась 26 марта 1942 года в Обители радости в присутствии сотен гостей. Невеста была в розовом сари, которое, по легенде, связал в тюрьме ее отец. Медовый месяц молодые провели в Кашмире – там, откуда были родом предки Индиры и куда после своей свадьбы уехали когда-то ее родители.

Вспоминают, что на свадьбе Индира попросила у своего мужа подарить ей детей и взаимопонимание. Их первенец Раджив Ратна родился в августе 1944 года, а в декабре 1946 года на свет появился второй сын – Санджай. Первые пять лет семейной жизни были для Индиры

самыми счастливыми – несмотря на то, что уже через несколько месяцев супруги после очередной демонстрации были арестованы, и Фероз около года провел в заключении. В первые годы Фероз надеялся, что спокойная семейная жизнь нравится Индире больше, чем политические выступления, – однако время быстро развеяло эти иллюзии. Страсть к политике тлела в Индире, как искры в углях – готовые в любой момент разгореться в жаркий костер. Возможно, и мужа из низшей касты она выбрала сознательно – не за личные качества и не за его любовь, а понимая, что равный ей мужчина просто не позволит своей жене бросить дом, семью и детей ради абстрактных материй.

В августе 1947 года Индия получила долгожданную, выстраданную независимость: Джавахарлал Неру стал первым премьер-министром Индии, то есть фактическим главой страны, а его дочь заняла заслуженное место рядом с ним, став секретарем, советником и помощницей отца. Индия лежала в развалинах, страдала от нищеты и болезней, религиозных, национальных и кастовых разногласий, и Индира поклялась до последнего вздоха служить на благо своей стране. Рассказывают легенды о том, как она умирала бушующие толпы, примиряла враждующих и успокаивала страдавших. Ее нестигаемый, закаленный с детства характер, сила воли, обаяние и любовь быстро превратили ее в одного из самых заметных деятелей нового правительства.

Она создала и возглавила молодежную организацию по работе с беженцами, постоянно ездила вместе с отцом в заграничные поездки, принимала на правах хозяйки иностранные делегации. Поначалу муж был решительно против того, что Индира променяла их дом на президентский дворец, – но что он мог сделать с женой, которую гнала в политику неутолимая жажда деятельности на благо своей страны? Фероз и сам не мог остаться в стороне от политики: он издавал основанную Неру газету *The National Herald*, избирался в парламент и даже осмеливался во всеуслышание критиковать правительство, возглавляемое собственным тестем, в особенности за коррупцию и злоупотребления, за что сыскал среди однопартийцев громкую скандальную славу яркого и независимого парламентария.

Его жену, наоборот, долго не воспринимали всерьез – в первые годы правления Джавахарлала Неру многие воспринимали Индиру лишь как дочь своего отца, не представляющую никакой самостоятельной ценности: ее открыто называли «гунги гудья» – «глупая кукла». Но всем недоброжелателям пришлось утихнуть, когда в 1959 году Индира стала председателем ИНК – не как дочь премьера, но как сильный самостоятельный политик. Впервые женщина стала главой правящей партии – и к тому же в Азии, где женщина традиционно считалась существом низшего сорта!

К этому времени они с Ферозом давно жили отдельно, их связывали лишь дети и память о прошлом. В сентябре 1960 года, когда Индира была в деловой поездке, ей сообщили, что у ее мужа случился сердечный приступ. Она немедленно вылетела в Дели, где в больнице без сознания лежал Фероз: всю ночь она сидела у его постели, прощаясь с человеком, который, как оказалось, был ей таким родным...

После его смерти она ушла с поста главы партии и на несколько месяцев вообще отошла от активной деятельности – она была не в силах делать что-либо, раз ее мужа нет с нею... Лишь политика, которая отняла у нее мужа, смогла заменить ей Фероза: уже в 1961 году Индира Ганди возглавляла несколько комиссий Конгресса и снова много ездила по стране, завоевав немалую популярность в народе.

В мае 1964 года от сердечного приступа скончался Джавахарлал Неру. Погруженная в глубокий траур страна ждала, что его дочь примет по наследству пост отца, – однако Индира, которая прекрасно помнила, как ненавидел семейственность во власти ее отец, отказалась от предложения возглавить правительство. Вместо этого она проголосовала за кандидатуру верного соратника Неру, престарелого Лала Бахадура Шастри: он был слабым политиком, зато пользовался авторитетом у народа. К тому же за его спиной Индира могла спокойно поступать

так, как считала нужным. Ее, единственную женщину в правительстве, за несгибаемую волю и железную хватку называли «мужчиной среди трусливых баб». Когда в 1966 году Шастри скончался, уже никто не мог спорить с тем, что Индира Ганди была единственной, кто достоин возглавить страну. Она стала премьер-министром Индии в сорок восемь лет – все еще красивая, обаятельная женщина с мягкой улыбкой, острым языком и твердым характером. Она беспрерывно занимала этот пост более десяти лет.

Свое правление Индира начала под лозунгом борьбы с бедностью – и вдохновленная ею так называемая «зеленая революция» принесла свои плоды: впервые за долгие годы Индия перестала зависеть от поставок продовольствия из-за рубежа. Она действительно была очень сильным и независимым политиком: ни одно решение не было принято ею под давлением. По воспоминаниям, единственное, что отличало Индиру Ганди от традиционного образа политика, был ее сильный материнский инстинкт – своих сыновей она любила больше, чем саму себя. И хотя Раджив не стремился пойти по стопам матери – он предпочел стать пилотом гражданской авиации, – Санджай был верным сторонником матери. В первые годы ее правления он вынашивал планы создания «народного индийского автомобиля» – сказалось его увлечение гоночными машинами, развившееся у него за годы учебы в Англии.

За несколько лет правительство Ганди укрепило национальную экономику, развило промышленность и образовательную сферу, создало надежную государственную финансовую систему. Однако не обошлось без сложностей: непрекращающиеся религиозные и этнические конфликты расшатывали страну, а беспрестанная борьба с Пакистаном вылилась в 1971 году в военный конфликт. Индира без колебаний послала в Восточный Пакистан войска – и в результате было создано новое государство Бангладеш, во многом обязанное своим существованием лично Индире Ганди. В день объявления независимости Бангладеш Индиру встречали ликующие толпы.

Но оппозиция не уставала напоминать индийцам о малейших ошибках Ганди: непобедимом голоде и вечной нищете, военных расходах и коррупционных скандалах. Еще в 1969 году после национализации банков ИНК разделилась на два блока, и лишь с помощью досрочных выборов Индире удалось сохранить большинство в парламенте. Но ее популярность падала: в 1975 году оппозиции даже удалось добиться судебного решения, осуждающего Ганди за нарушение в 1971 году закона о выборах. В ответ она объявила в стране чрезвычайное положение, во время которого железной рукой давила недовольных. Чтобы облегчить аресты, в Дели даже вырубili электричество. Конечно, все это вылилось в новые беспорядки, которые ликвидировались все более жестоко. Закрывались газеты, тюрьмы были забиты арестованными без причины и повода. Один из соратников Ганди позже признавался: «Это было несправедливо, но госпожа Ганди просто не могла отказаться от власти. Она зависела от нее, как от наркотика».

Самой главной ошибкой правительства Ганди стала программа ограничения рождаемости: пытаясь ограничить прирост населения, сторонники Ганди даже предложили насильственную стерилизацию, которую рьяные активисты не замедлили начать проводить в жизнь. Руководил всем Санджай Ганди: пользуясь любовью матери, он, не занимая никаких выборных постов, захватил огромную власть в стране. По его решению сносились трущобы и арестовывались правозащитники, он диктовал волю министрам и лично возглавлял карательные рейды. Все это привело к еще большим беспорядкам, а имидж семьи Ганди был непоправимо испорчен. Неудивительно, что выборы 1977 года Индира Ганди проиграла.

Но она не сдалась. Она немедленно основала собственную партию с почти старым названием – ИНК (И), где вторая И означала и Индиру, и Индию. Она, по примеру деда, открыла свой дом для всех желающих – поток посетителей был столь велик, что иногда по двору было невозможно пройти из-за сидящих там людей, пришедших к ней со всех концов страны. Ее дважды арестовывали – среди обвинений в коррупции и злоупотреблении властью и жестоко-

сти были такие смехотворные, как кража яиц, – но эти аресты лишь сделали из Индиры мученицу. После ее отставки неразбериха в стране достигла небывалых размеров, и в 1980 году она с триумфом вернулась к власти. К зданию парламента она прибыла на дешевом индийском автомобиле, одетая в домотканое сари и кашмирскую шаль – символ верности традициям.

В том же году ее постигло новое несчастье: в авиакатастрофе погиб Санждай. Когда Раджив выбрал карьеру летчика, Санджай, который ни в чем не хотел уступать брату, тоже получил лицензию пилота – и вот теперь его самолет разбился, задев крылом заводскую трубу. Для Индиры это был невероятный удар: Санджая она любила больше всего, прочила его в свои преемники. Но свое горе она не показала никому. Уже через час после похорон она обсуждала с министрами политическую обстановку... Место Санджая после долгих уговоров занял Раджив.

Возвращение Индиры Ганди к власти не было счастливым: страна снова была погружена в пучину национальных и религиозных конфликтов, самым серьезным из которых было восстание сикхских сепаратистов в Пенджабе. Стало известно, что сикхские террористы устроили логово в Золотом храме в Армитсаре – одной из главных святынь своей религии – и готовят вооруженное восстание. После долгих колебаний в июне 1984 года Индира Ганди отдала приказ о штурме храма.

Операция «Голубая звезда» стала провальной для репутации правительства: штурм оказался назначен на день крупного религиозного праздника, и в перестрелке погибли сотни мирных жителей. Сикхи, оскорбленные чудовищным осквернением их святыни, поклялись отомстить правительству Индии и лично Индире Ганди.

Ее неоднократно предупреждали, что ее жизни, как и жизням ее сына и внуков, угрожает опасность. Предлагали удалить из числа охраны всех сикхов – однако Индира отказалась, объяснив, что это будет воспринято как жест неуважения и недоверия по отношению ко всей национальности. Она лишь согласилась носить бронежилет и реже ездить по стране. В одном из интервью она заявила: «Все отведенные мне в этой жизни дни будут обращены на служение народу. И даже когда я умру, я уверена, что каждая капля моей крови будет питать жизнь Индии, делать ее сильнее».

...На утро 31 октября 1984 года у Индиры Ганди было назначено телеинтервью с английским актером и писателем Питером Устиновым. Поколебавшись, она не надела под желтое сари бронежилет – он полнил, а ей хотелось выглядеть на экране стройной и красивой. Выйдя из дома, она улыбнулась охранникам-сикхам.

В этот момент один из них выхватил пистолет и трижды выстрелил в нее. Другой прошил уже падающее тело автоматной очередью.

Один из членов той съемочной группы вспоминал: «Я услышал три одиночных выстрела, а затем автоматную очередь. Видно, убийцам хотелось выполнить свою задачу на все сто процентов. Они не оставили жертве ни единого шанса...». Индира Ганди скончалась в госпитале через четыре часа; из ее тела извлекли двадцать пуль. Одного из ее убийц застрелили на месте, другого тяжело ранили.

Через два дня ее тело по индуистскому обряду сожгли на берегу священной реки Джамны. Костер зажег Раджив – его после смерти матери чуть не силой заставили возглавить страну. Через семь лет он тоже погибнет от рук террористов – на этот раз тамильских.

В свое время Индира сказала: «Мученическая кончина – это не конец, а только начало». Так и ее гибель стала лишь началом легенды о сильной женщине, воплотившей в себе новую душу Индии.

Эвита Перон Святая грешница

В этот день, 26 июля 1952 года, Аргентина замерла. Все радиопередачи и спектакли были прерваны, во всех кафе воцарилась тишина. «Духовный лидер нации, первая леди Аргентины Эва Перон ушла в бессмертие», – объявил стране захлебывающийся слезами диктор, и вслед за ним разрыдалась вся страна. Аргентина оплакивала не просто женщину – она оплакивала свое счастливое будущее, которое теперь не наступит; она оплакивала счастье, которого теперь не будет, и надежду, которую отныне некому будет дать. И все это – счастье и надежда нации, будущее всей страны, – все это воплощалось в хрупкой женщине, чье нежное имя с благоговением произносили по всей Аргентине: Эвита, Эва Перон, Возглавляющая Смиренных, Несущая Надежду, Мать Нации...



Короткая жизнь самой известной латиноамериканки в истории была полна чудес и превращений. Родившись на самом дне, она сумела вознестись к сверкающим вершинам истории, превратившись из нищей девчонки в символ своей страны. Мало кому из людей двадцатого века удалось вызвать к себе такую любовь – слепую, страстную, граничащую с обожествлением, и в то же время такую безоглядную ненависть. О судьбе Эвы Перон, о ее роли в истории своей страны спорят уже полвека, но еще никому не удалось раскрыть загадку притягательности этой необыкновенной женщины, давно уже ставшей историей, легендой, мифом.

Ее собственная история началась 7 мая 1919 года в небольшой скотоводческой деревушке Лос-Толдос, что в 300 километрах от Буэнос-Айреса. Эва-Мария была пятым ребенком Хуаны Ибаргурен – и как ее три сестры и брат, да и сама мать, незаконнорожденной. Отец всех детей сеньора Ибаргурен, Хуан Дуарте, владелец небольшой фермы, был уже двадцать лет женат на другой, имел в законном браке трех дочерей и за девять лет житья «на две семьи» – полгода там, полгода здесь – весьма устал и от Хуаны, и от обилия детей. Младшую дочь, Эву-Марию, он так и не признал. Хуана – да и соседи, суеверные, как и все крестьяне, – восприняли это как дурной знак: девочка в их глазах была с рождения обделена счастьем. Она росла слабенькой и хрупкой, а в ее глазах были тоска и грусть. Когда ей было четыре года, Эва опрокинула на себя сковороду кипящего масла. Доктора предвещали, что на лице и теле девочки на всю жизнь останутся шрамы, но когда сняли повязки, вместо рубцов там оказалась чистая, белая, полупрозрачная кожа. Через много лет эта алебастровая белизна станет главным украшением Эвы.

В 1926 году Хуан Дуарте разбился в автомобильной аварии. Семье Ибаргурен пришлось перебраться из Лос-Толдоса в городок Хунин, где была возможность заработать и где о них никто ничего не знал. Сеньора Хуана, назвавшаяся вдовой Дуарте, открыла здесь пансион, главным украшением которого были ее подрастающие дочери – Бланка, Элиса и Эрминда. Вскоре все они удачно вышли замуж, а их брат Хуан Рамон поступил на военную службу. Лишь Эва не желала хорошо устраиваться – она уже давно мечтала сбежать из нищего Хунина в Буэнос-Айрес и стать актрисой. Основания для помыслов об актерской карьере у нее были шаткими: всего пара выступлений на местном радио с чтением стихов, но Эва была уверена в своих силах. Когда ей было пятнадцать лет, она, уговорив наконец мать отпустить ее, уехала в столицу вместе с заезжей знаменитостью, певцом Магальди. Говорят, Эва не любила его, но она без сомнения любила в нем те возможности, которые сулил ей переезд в Буэнос-Айрес.

Знавшие Эву в то время вспоминают ее как бледную, холодную, неяркую девушку, без обаяния и особой красоты, но с очень сильным характером, целеустремленную, хваткую и несгибаемую. Через несколько лет, когда Эва Перон обрела власть даже над прошлым, она всеми силами старалась стереть его – и ей это почти удалось: о ее первых годах в Буэнос-Айресе осталось очень мало свидетельств, а легенды и слухи слишком противоречивы, чтобы оказаться правдой хотя бы частично. Точно известно лишь одно: в первые годы ей пришлось очень трудно – никто не стремился дать Эве работу, кров и славу.

Для незаконнорожденной девушки из деревни в то время было лишь три пути: либо в монастырь, либо выйти замуж, либо рожать детей вне брака, но обязательно много и тяжело работать. Эва прибыла в столицу без гроша за душой, с чудовищным провинциальным акцентом и крестьянскими манерами, у нее была всего одна юбка и одна блузка – то, что она не умерла от голода в первый же год, казалось чудом даже ей самой. Потом говорили, что ей пришлось зарабатывать на панели, но доказать это не смогли даже самые ярые ее враги. Больше года она напрасно обивала пороги театров и радиостудий, пыталась работать официанткой и манекенщицей, даже снималась для эротических открыток. Увы, на них она получилась скорее унылой, чем соблазнительной – будущая красота Эвиты еще не пробудилась в ней. На сцене ей тоже не везло: талант у нее был весьма небольшой, к тому же неистребимый акцент мешал

ей получить более-менее заметные роли. Но Эва из всех сил хотела пробиться наверх, и ради этого была готова на все.

Эву тех лет никто не называл красавицей, но она не была лишена женской прелести, которая помогла ей обрести поклонников и покровителей. С помощью одного из них Эва устроилась в театр «Комедия», где юной дебютантке доставались роли из трех слов. Другой любовник, работающий в издательском бизнесе, пробил Эве фотографию на обложке журнала «Антенна» и организовал работу на радио: небольшие роли в четырех радиопостановках принесли ей первую известность. Брат познакомил ее с владельцем мыловаренной фабрики – тот обеспечил Эве рекламный контракт и оплатил сольную программу на радио. Несколько второстепенных ролей в кино, работа на радио и богатые любовники – вот тот фундамент, на котором через несколько лет возникла сияющая фигура Эвиты.

1943 год был переломным и для Эвиты, и для страны. Для нее – потому что очередной покровитель бросил ее беременной, и врач, проводивший подпольный аборт, так ее искромсал, что она едва не погибла. Пока она приходила в себя, все ее контракты закончились, и из больницы она вышла безработная, нищая и больная. А для страны этот год был переломным, потому что в июле произошел военный переворот. Идеологом и душой заговора был полковник Хуан Доминго Перон, занявший поначалу в новом правительстве пост главы Секретариата труда. Переворот изменил страну – но он спас Эву: в нее влюбился полковник Анибал Франсиско Имберт, новый директор почты и телеграфа. В его подчинении находились все радиостанции Аргентины – так что неудивительно, что уже в сентябре Эве достался контракт на исполнение главных ролей в радиопостановке «Героини в истории». Это был цикл передач об известнейших женщинах: королеве Елизавете, Жозефине, Екатерине II, леди Гамильтон, Саре Бернар и других, которые отныне заговорили на всю Аргентину хрипловатым голосом Эвы Дуарте. Поначалу слушать эти передачи было тяжеловато – простонародный выговор Эвы совершенно не сочетался с высоким стилем реплик ее героинь, но постепенно она выправляла свое произношение. К концу цикла она была уже признанной звездой аргентинского радио, и владелец «Радио Бельграно» Хаим Янкелевич пригласил ее вести ежедневную передачу на социальные темы «Пять минут для народа».

Эта программа была посвящена будням простого народа, восхвалению бедняков и ненависти к богатым. Эва знала, о чем говорить: она прекрасно помнила все унижения, все лишения и трудности, которые ей пришлось пережить, и не собиралась их забывать. Во время эфира она рассказывала о несчастьях бедняков, и ее голос срывался в рыдания. Миллионы людей, слушавших «Пять минут для народа», верили Эве Дуарте и любили ее. Так началась ее всенародная известность.

Почувствовав вкус славы, Эва поняла, что она достойна большего, чем пять минут в день на радио и начальник радиостанций по ночам. Она решила завоевать сердце самого знаменитого человека Аргентины – самого полковника Перона.

Перону тогда было сорок семь лет, он уже пять лет как овдовел. Хуан Перон сделал блестящую карьеру: бывший выпускник пехотного училища, начавший службу в захолустном гарнизоне, он благодаря участию в перевороте 1930 года смог пробиться к вершинам власти. Преподаватель высшей военной школы, военный атташе в Чили, посланник с особой миссией в Европе, где полковник проникся идеями Муссолини и Гитлера, – эти этапы его карьеры позволили ему не только получить бесценный для Аргентины опыт международных интриг, но и выработать собственный план развития своей страны: военный нейтралитет, экономическая независимость, развитие промышленности. Аргентина должна была стать главенствующей страной на континенте, и ради этого Перон был готов трудиться день и ночь. Созданная им «полковничья лига» – Группа объединенных офицеров (ГОУ) – свергла в 1943 году президента Кастильо и привела к власти военных. Перон получил сначала пост в Секретариате труда, затем портфель военного министра, а потом и должность вице-президента. Вся страна

знала, что именно он правит Аргентиной: изображения статного брюнета в голубой полковничьей форме висели на всех столбах.

Историческая встреча Эвы Дуарте и Хуана Перона произошла 22 января 1944 года на благотворительном вечере. По легенде, Эва подошла к Перону и произнесла всего лишь одну фразу: «Спасибо, полковник, за то, что вы существуете». В ту же ночь они стали любовниками и больше не расставались.

Поначалу это была самая обычная история политика и содержанки: Перон пробил Эве главную роль в кино и должность в Секретариате труда, под его влиянием ее пятиминутку на радио продлили до пятнадцати минут, а гонорар увеличили в несколько раз. Но с немалым удивлением Эва обнаружила, что чувствует к Перону не только благодарность, не только уважение, но и огромную любовь. Перон оказался тем мужчиной, о котором она всю жизнь мечтала: мудрым, сильным, обладающим властью, способным защитить и возвысить. И Эва сделала все, чтобы остаться рядом с ним навсегда. «Я так тебе предана, любовь моя, что если бы Бог пожелал лишить меня этого счастья и забрал меня к себе, я и в смерти осталась бы тебе предана и обожала бы тебя с небес», – писала она ему, и это не были пустые слова.

Она прекрасно знала, что окружение Перона – военные, политики, банкиры – не одобряют ее. Для них она была выскочкой без роду и племени, актрисулькой, случайной любовницей. Их надо было переубедить, а для этого надо было измениться – и Эва изменилась.

Его любовь дала ей уверенность в себе, а эта уверенность позволила ей раскрыться, всего за пару месяцев превратившись из бледной куколки в прекрасную бабочку, полную внутренней красоты, очарования и силы. Сначала она стала полезной Перону, со временем она стала ему необходимой. Эва организовала для его сторонников и друзей салон, в котором умело играла роль хозяйки. Она вошла в курс всех его дел, интриг, планов, и нередко ее советы были дельными, а поддержка неоценимой. Она – неслыханное для патриархальной Аргентины дело – появлялась под руку с Пероном на митингах и профсоюзных собраниях. Свою передачу на радио она использовала для того, чтобы петь гимны Перону и его политике, привлекая на его сторону тысячи сторонников. «Мои постоянные идеалы – это Перон и мой народ, я поднимаю свое знамя за дело Перона», – повторяла она, и вместе с Эвитой эти слова повторяли тысячи аргентинцев. Но ключевым моментом в их отношениях был октябрь 1945 года, когда очередной военный переворот привел к аресту Перона. Конечно, Эву тут же уволили с работы, а возмущенные студенты, узнав в ней подругу бывшего вице-президента, закидали ее машину камнями. Ей было страшно как никогда. И тут она получила письмо от Перона: «Только сейчас я понял, как люблю тебя. Как только я окажусь на свободе, мы поженимся».

Эва бросилась к профсоюзным лидерам, которых опекал Перон, к рабочим, которые его поддерживали. На импровизированном митинге она, срывая голос, кричала в микрофон о том, что Перон арестован, что вместе с ним арестовано будущее страны. Беспорядки в Буэнос-Айресе продолжались двое суток, лидеры переворота сдались, 17 октября Перон был отпущен.

Как он и обещал, на следующий день Эва Дуарте и Хуан Перон вступили в гражданский брак, подтвержденный церковной церемонией 10 декабря.

Сразу после освобождения полковник Перон выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Во время предвыборной кампании Эва все время была рядом с ним: на митингах сначала Перон говорил о своей политике, а затем Эва рассказывала о своей любви к Перону. Перонисты делали ставку на бедняков-«безрубашечников», которых в Аргентине было подавляющее большинство: полковник обещал им социальное обеспечение, пособия и права, а Эва – свою любовь и заботу. Все знали, что она – незаконнорожденная дочь посудомойки и скотовода, народ считал ее своей, и ее возвышение наглядно показывало, как высоко может подняться любой бедняк. Еще не став Первой леди, Эвита стала самым любимым в народе политиком – идеальная жена и гражданка, хранительница национального духа и семейных ценностей. Никогда раньше латиноамериканка не играла такой заметной роли в обществе, никогда раньше она

не осмеливалась выходить из тени мужа, но Эвита превратила эту тень в сияющий ореол. Они с Пероном воплощали собой идеальную пару, связанную любовью к стране и друг к другу. Аргентинцы с восхищением рассказывали, что полковник всегда встает, когда его жена входит или выходит, целует её руку при встрече и всегда прислушивается к ее мнению. Когда Перон в феврале 1946 года выиграл президентские выборы, на самом деле их выиграли оба – Перон и Эвита.

Как политик Эвита всегда находилась в тени своего мужа, но это не мешало ей стать самостоятельной фигурой. Как писал один из ее соратников, «Эвита не имела ни политического опыта, ни предрассудков, поэтому она явилась новатором при проведении массовых кампаний». А один из более поздних историков пишет о ней: «У нее не было культуры, но была политическая интуиция: она была неистовой, властолюбивой и эффективной».

Став президентом, Перон уже не мог проводить в поездках и выступлениях столько же времени, как раньше. Связь с народом стала осуществлять Эвита. Ее образ жизни выдержал бы не всякий мужчина: она вставала в три утра, чтобы отдать первые распоряжения, а в пять уже требовала отчета об их выполнении, постоянно разъезжала по стране, лично принимала сотни, а потом и тысячи просителей. Забота о бедняках, к числу которых еще недавно принадлежала она сама, стала главной для Эвиты. Благодаря ее влиянию были приняты несколько законов, облегчающих жизнь рабочих, а после ее личного обращения к парламенту женщинам Аргентины дали избирательное право. Чтобы иметь возможность помочь как можно большему числу людей, в 1946 году Эвита организует благотворительный фонд своего имени: туда стекались отчисления от зарплат, проценты от прибыли, добровольные пожертвования и доходы от торговли, и лично Эвита распределяла деньги, как считала нужным. В ее канцелярию в здании Всеобщей конфедерации труда поступали сотни тысяч просьб со всей страны: у Эвиты просили игрушки, пособия, швейные машины, свадебные платья, вставные зубы, мебель, квартиры, поездки и женихов. И все это Эвита давала: по статистическим данным, она раздала две с половиной тысячи домов и квартир, три с половиной тысячи стипендий, семь тысяч восьмисот раз стала крестной матерью и около шести тысяч раз была посаженной матерью на свадьбах. На средства фонда она открывала больницы, детские сады, приюты и библиотеки. Ежегодно рассылала больше миллиона посылок с подарками – неудивительно, что простой народ буквально молился на нее: алтари с портретом Эвиты были почти во всех бедных домах Аргентины. Народ дал ей титулы «Возглавляющей Смиренных», «Несущей Надежду», «Духовной Руководительницы Нации», «Мученицы Труда».

Но в богатых кварталах Буэнос-Айреса отношение к Мадам Президентше было совсем другое. Выскочка, заискивающая перед бедняками, по определению не могла нравиться аристократам, но Эвита к тому же словно специально искала случая «наступить им на хвост»: ее фонд прибирал к рукам газеты и радиостанции, которые не соглашались с перонистской идеологией, фабрики и заводы, чьи владельцы слишком мало, на взгляд Эвиты, отчисляли в ее фонд. Шептались, что она закрыла все театры, которые когда-то не брали ее на работу, уволила всех, кто осмеливался спорить с нею, что деньги фонда тратятся на ее туалеты и драгоценности. Это тоже была правда, и она никогда этого не отрицала. Считая себя матерью аргентинского народа, Эвита взяла на себя ответственность за все, что происходило в стране – от неудавшейся личной жизни воспитанниц сиротского приюта, которым она нашла мужей, до назначений на министерские посты. Разъезжая по трущобам в «роллс-ройсе», она выходила к беднякам со слезами сочувствия на глазах – в роскошной шубе, с бриллиантовыми кольцами, в туалете от парижских кутюрье, – и люди падали перед ней на колени: Эвита в роскошном одеянии была для них сродни богато украшенным статуям святых в церкви, она зримо воплощала то, о чем тайно мечтает каждый нищий крестьянин: богатство, благополучие, счастье.

В 1947 году Эвита Перон совершает поездку по Европе: за два месяца она посетила Испанию, Францию, Швейцарию, Италию, Ватикан. Эва представляла собой новую Аргентину: пре-

красную, молодую, готовую сотрудничать. Журнал Time назвал ее «непостижимой», генерал Франко вручил ей орден, а папа римский удостоил ее длинной беседы. Она с триумфом вернулась на родину, принеся стране миллиардные контракты на поставку мяса и зерна в разоренную войной Европу.

Но Эвита привезла с собой еще кое-что: представление о том, как должна выглядеть Первая леди. Отныне она одевается только у лучших портных Европы: ее гардероб наполнился костюмами от Шанель (сама Великая Мадемуазель сказала, что у Эвиты врожденное чувство стиля), Кристиана Диора, Баленсиаги, сшитыми на заказ английскими костюмами и обувью от Сальваторе Феррагамо. Ее стиль – сдержанная роскошь, дорогая элегантность, классические костюмы днем и роскошные вечерние платья для особых случаев – стал образцом для всех женщин высших слоев не только в Аргентине, но по всей Латинской Америке. Решив стать похожей на европейских женщин, Эвита постепенно осветляла волосы – с каждым разом на тон светлее, – а из-за недостатка времени ее прически становились все проще и элегантнее, в конце концов придя к каноническому светлому пучку из кос. Золотистые волосы, уложенные в корону, делали ее похожей на Мадонну. Такую прическу еще не одно десятилетие будет делать себе половина латиноамериканок; любимый Эвитой фасон – расклешенная юбка, короткий приталенный жакет и туфли с ремешками на щиколотках – еще долгое время будет оставаться самым распространенным в Аргентине. Мода давно ушла вперед, но эта одежда была данью не моде, а лично Эвите.

Она пользовалась невероятным влиянием, при этом не занимая ни одной официальной должности. Перед президентскими выборами 1951 года ей пришла в голову мысль выдвинуть свою кандидатуру на пост премьер-министра страны: многотысячная толпа, собравшаяся на площади перед президентским дворцом, своими криками поддержала ее решение. В знак одобрения по всей стране прокатилась волна рекордов: в честь Эвиты мастера работали сутками без передышки, один бильярдист не разгибаясь закатил полторы тысячи шаров, а какой-то танцор танцевал танго сто двадцать семь часов. Но военные, на которых опиралась власть Перона, намекнули ему, что его жена в роли премьера им не подходит: она затмит его, она раздаст все деньги бедным, она – женщина! И Эвита отказалась от выдвижения: рыдая, стояла она перед микрофоном на балконе президентского дворца и рассказывала нации о том, что скромность и безграничная любовь к мужу не позволяют ей выдвинуть свою кандидатуру. Нация рыдала вместе с ней...

Но была у этого отречения и еще одна причина: Эвита стала уставать. Она худела и слабела с каждым днем, и не могла уже, как прежде, проводить по двадцать часов в день на ногах. Через месяц ее положили в больницу с сильной анемией: оказалось, что у нее был рак матки – последствия того неудачного аборта. Операции лишь усиливали страдания, но не излечивали.

Последний раз она появилась на публике 4 июня 1952 года в день второй инаугурации Перона. Ей было тридцать три года, и весила она тридцать два килограмма. Она так ослабела, что сидя ее поддерживал корсет из проволоки и подушек, а из дворца ее вынесли на руках. Ее последняя речь была о муже: «Я никогда не перестану благодарить Перона за то, чем я являюсь и что имею. Моя жизнь принадлежит не мне, а Перону и моему народу, они – мои постоянные идеалы. Не плачь по мне, Аргентина, я ухожу, но оставляю тебе самое дорогое, что у меня есть, – Перона».

С тех пор, как стране объявили о болезни Эвиты, вся Аргентина молилась о ее здоровье: тысячи месс, сотни процессий, десятки невероятных подвигов во имя выздоровления Эвиты. Ее смерть представлялась концом света, и когда Эвита умерла, вся страна погрузилась в глубочайший траур. В Ватикан поступило более сорока тысяч писем с требованием канонизировать Эвиту Перон как святую, отдавшую силы и жизнь в борьбе с бедностью.

Хуан Перон прекрасно понимал, что без Эвиты его власти быстро придет конец. Но если он не может сохранить ее душу, надо попытаться хотя бы сохранить ее тело, создав из

него нетленный образ святой Эвиты. Врач-патологоанатом Педро Ара забальзамировал тело Эвиты – все видевшие его вспоминают, что это был настоящий шедевр: казалось, что она дышит и улыбается. Тринадцать дней тело было выставлено для прощания – и не было дня, чтобы кто-нибудь не попытался покончить с собой у ее гроба. Три года тело Эвиты покоилось в часовне Всеобщей конфедерации труда, пока в 1955 году режим Перона не был свергнут.

Новому режиму не нужна была память о Пероне, и еще меньше им был нужен культ Эвиты. Ее тело было решено спрятать. Его дальнейшая судьба похожа разом на шпионский детектив и роман ужасов: пять лет его перевозили с места на место, и всюду оно сеяло несчастья. Говорили, что доктор Ара сошел с ума от любви к Эвите. Две копии мумии Эвиты были тайно захоронены на разных кладбищах Буэнос-Айреса, и один из хоронивших попал в аварию, оставшись инвалидом, а другой покончил с собой. Настоящее тело перевозили по стране, и всюду, где оно оказывалось, рядом немедленно появлялись свечи и живые цветы. Его прятали на военной базе и за экраном кинотеатра, в рабочем кабинете одного офицера и в доме другого: тот случайно застрелил свою беременную жену, приняв ее за похитителя тела Эвиты. Наконец давно покойную Эвиту Перон под именем Марии Маджи Маджистрис похоронил на кладбище в Милане.

Изгнанный Перон осел в Испании. Он женился на танцовщице Исабель Мартинес, которая делала все, чтобы стать похожей на свою великую предшественницу: сменила прическу, стиль одежды, даже стала называться Исабелита. Говорят, ее секретарь Хосе Лопес Рега исполнил мистический ритуал, в результате которого душа Эвиты должна была переселиться в Исабель. В начале 1970-х годов режим в Аргентине в очередной раз сменился, и генерала Перона простили: ему возвратили конфискованную бывшим правительством собственность, выплатили президентское жалованье за все прошедшие годы – и даже вернули тело Эвиты. В 1973 году Перон вернулся в Аргентину и выиграл президентские выборы – вице-президентом была Исабелита Перон. После того, как первого июля 1974 года Перон скончался от сердечного приступа, пост президента заняла его супруга. Первое, что она сделала, – вернула останки Эвиты из Мадрида в Аргентину, чтобы похоронить ее рядом с Пероном.

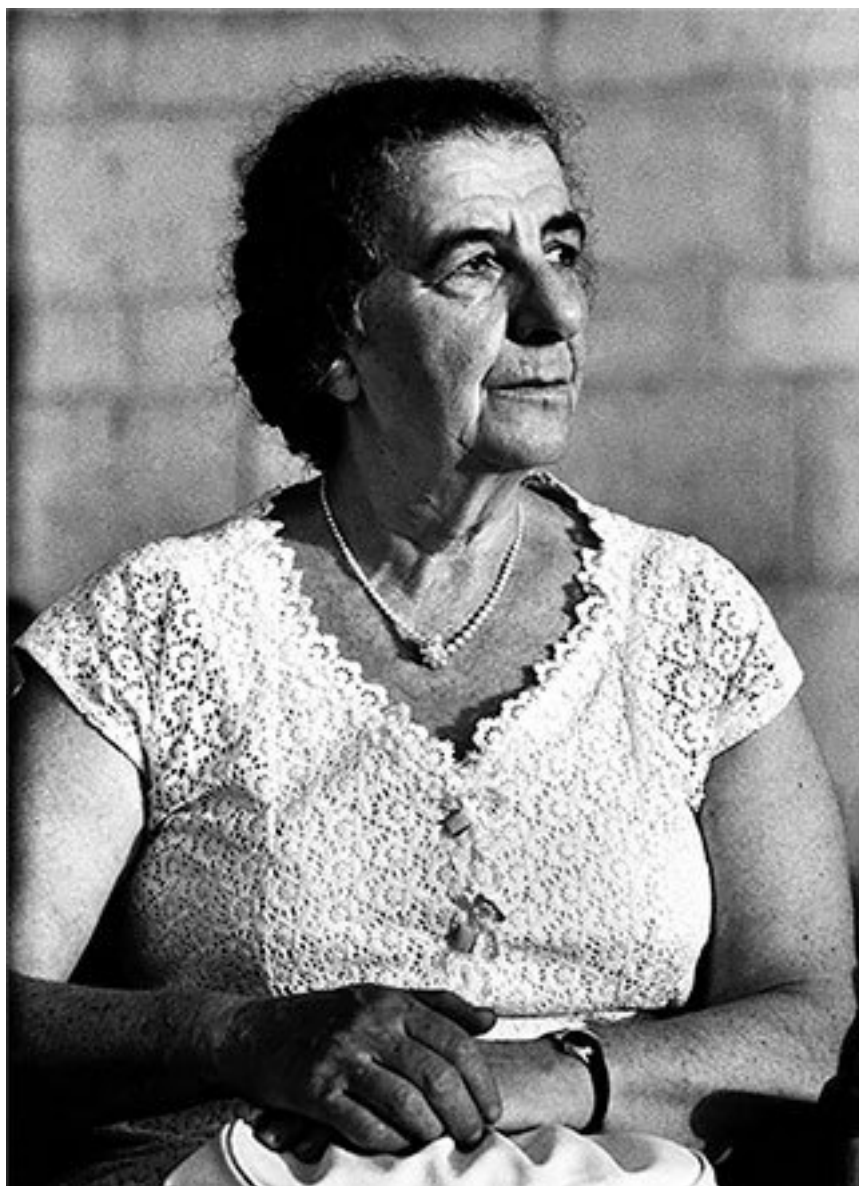
По дороге в аэропорт охранники, поссорившись, перестреляли друг друга, и машина врезалась в стену. Гроб чудом не пострадал.

Но Эвита не помогла преемнице: в 1976 году Исабелиту Перон свергли и посадили за хищения и коррупцию. Новое правительство перезахоронило Эвиту в семейном склепе Дуарте. По дороге на кладбище Реколета грузовик с телом снова попал в аварию – у водителя за рулем случился инфаркт, машина резко затормозила, и два охранника проткнули друг другу шеи штыками винтовок. Все это можно счесть совпадениями; суеверные аргентинцы считают это выражением воли Эвиты, которая не любит, когда ее тревожат. Теперь она лежит, погребенная под двумя свинцовыми плитами, за решеткой склепа, на стене которого написано: «Я вернусь и стану миллионом».

До сих пор историки Аргентины спорят о том, была ли Эвита святой или демоном. Одни пишут о ней как о «злопамятной прислуге с тщеславием королевы», «раковой опухоли на теле Аргентины», другие называют ее «Робин Гудом сороковых годов», «святой бедняков». Но народу нет дела до историков – до сих пор алтарь с портретом молодой золотоволосой женщины стоит почти в каждом аргентинском доме, а перед мавзолеем Эвиты всегда горят свечи и лежат ворохи живых цветов.

Голда Меир Звезда Сиона

История знает примеры, когда женщины руководили государствами, и делали это лучше многих мужчин. Но за последние несколько веков лишь одна женщина – Голда Меир – была среди тех, кто создавал новое государство из небытия. Две тысячи лет евреи, рассеянные по всему свету, не имели своей страны – и в том, что сейчас у них есть Израиль, немалая заслуга Голды Меир.



Создание национального еврейского государства было ее самой яркой, самой заветной – и самой несбыточной мечтой. Но она шла к ней с упорством и верой, достойными поколений ее предков, и, не задумываясь, жертвовала собой во имя ее исполнения.

Но до этого момента ей пришлось пройти долгий путь, который никогда не был усыпан розами. Голделе Мабович родилась 3 мая 1898 года в Киеве, в семье верующих, хотя и не

слишком ортодоксальных евреев Мойше Ицхока Мабовича и Блюмы Нейдич. Талантливый плотник Мойше, по словам дочери «стройный, с тонкими чертами лица, был по природе оптимистом и во что бы то ни стало хотел верить людям», своим мастерством получил право проживать в Киеве, находящемся вне черты оседлости, а своим обаянием завоевал сердце Блюмы: Голда вспоминала о ней как о «хорошенькой, энергичной, умной, далеко не такой простодушной и куда более предприимчивой, чем мой отец, но, как и он, она была прирожденная оптимистка, к тому же весьма общительная». Ее родители не хотели для своей любимой дочери такой партии, однако бабушка Голда, чье слово в семье было решающим, поддержала влюбленных. У Мойше и Блюмы родилось пятеро детей – дочь Шейна и четыре сына, но из-за плохих условий сыновья умерли. Позже на свет появились еще две дочери – Голделе, которую называли в честь той самой прабабушки, что благословила ее родителей, и Ципке.

Жизнь Мабовичей была очень трудной: антисемитские настроения в Киеве были очень сильны, и Мойше, хотя и был хорошим мастером, не мог найти работу. По словам Голды Меир, «Я помню, слишком даже хорошо, до чего мы были бедны. Никогда у нас ничего не было вволю – ни еды, ни теплой одежды, ни дров». А самым первым ее воспоминанием, как она когда-то заявила папе римскому, было ожидание погрома: хотя в тот день погромщики так и не добрались до их дома, у Голды навсегда осталось в памяти то чувство беспомощности, которое она испытала в собственном доме. «Я помню, что все это происходит со мной потому, что я еврейка и оттого не такая, как другие дети во дворе. Много раз в жизни мне пришлось испытать те ощущения: страх, чувство, что все рушится, что я не такая, как другие. И – инстинктивная глубокая уверенность: если хочешь выжить, ты должен что-то предпринять сам».

В 1903 году Мойше, устав от постоянных долгов и страха, уехал в Америку – «золотую страну» грез всех бедняков по всему миру. Мабовичи решили, что он поедет в США один и как только устроится там, выпишет к себе семью. В ожидании этого счастливого дня Блюма с дочерьми переехала в Пинск, где жили ее родители.

Голди не ходила в школу, а читать и писать ее учила старшая сестра Шейна, во многом заменившая ей мать. «Шейна, – признавалась Голда Меир, – оказала самое большое влияние на мою жизнь. Для меня же всегда и везде она была образцом, другом и наставником». Шейна, сама еще подросток, стала активной участницей социалистического сионистского движения – она, как и ее товарищи, мечтала создать в Палестине еврейское государство. Собиравшиеся в комнате Шейны молодые люди так увлеченно говорили о будущей «земле обетованной», что и Голди тоже увлеклась этой идеей. Но уже тогда она поняла, что одних разговоров недостаточно: «Ничто в жизни никогда не происходит само собой. Недостаточно верить во что-нибудь, надо еще иметь запас жизненной силы, чтобы преодолевать препятствия, чтобы бороться». В ее представлении еврейское государство было единственным местом, где евреи могли спокойно жить, не опасаясь преследований и притеснений, и на осуществление мечты о стране, которая тогда казалась сказкой, она обещала положить всю свою жизнь.

В 1906 году Блюма с дочерьми прибыли в США: они поселились в Милуоки, где отчаянная Блюма уже через две недели открыла маленькую лавочку – не зная языка и не имея никакого опыта. Голди должна была помогать ей – расставлять товар, заворачивать покупки, стоять за прилавком, пока мать ходила на рынок. И при этом она успевала ходить в школу, где ей очень нравилось: стремление к знаниям было свойственно Голди с детства. Она быстро освоила английский язык, обзавелась подругами, мечтала стать учительницей и изменить мир. Для начала она организовала сбор средств для оплаты учебников неимущим школьникам: придуманное ею Американское Общество юных сестер, в котором состояли только Голди и ее подруга, даже умудрилось снять зал и провести там концерт. О девочках написали местные газеты – это был первый случай, когда деятельность Голди отметила пресса. Уже тогда подруги примечали, что в Голде было что-то, привлекающее к ней сердца: как писала ее школьная

подруга Регина Гамбургер-Медзини, «Четверо из пяти мальчиков были влюблены в нее. Она была так трепетна и привлекательна».

Однако родители считали, что образование девочкам не нужно: «Не стоит быть слишком умной, – предупреждал ее отец. – Мужчины не любят умных девушек». Едва Голди исполнилось четырнадцать, мать подыскала ей жениха – тридцатилетнего страхового агента. Конечно, она не настаивала на немедленном венчании, но сама перспектива скорой свадьбы с практически незнакомым человеком так напугала Голди, что она тайком сбежала из родительского дома в Денвер, где уже несколько лет жила вышедшая замуж Шейна, чтобы там продолжать свое образование.

Как и в России, Шейна и ее муж устраивали в своем доме собрания сионистов, членов группы Poale Zion – «Рабочие Сиона». «Бесконечные разговоры о политике казались мне гораздо интереснее, чем все мои уроки. Еврейский национальный очаг, который сионисты хотели создать в Палестине, интересовал меня гораздо больше, чем политические события в самом Денвере и даже чем то, что тогда происходило в России», – вспоминала позже Голда Меир. Юная Голди не только посещала все собрания Poale Zion, но и работала во благо организации – выступала на митингах, обучала иммигрантов английскому, а местных – идиш. Хотя в члены Poale Zion принимали только с восемнадцати лет, Голди за особые заслуги приняла семнадцатилетней. На собраниях группы она познакомилась с обаятельным и образованным Моррисом Меерсоном, эмигрантом из Литвы: «Он, самоучка, знал такие вещи, о которых Шейна и ее друзья и представления не имели. Он любил, знал, понимал искусство – поэзию, живопись, музыку; он мог без усталости растолковывать достоинство какого-нибудь сонета – или сонаты – такому заинтересованному и невежественному слушателю, как я». Неудивительно, что юная Голди влюбилась в него, но, поглощенная политикой, долго не могла ему признаться. Лишь накануне возвращения в Милуоки – тяжело заболела мать и семье требовалась ее помощь – она получила от Морриса предложение руки и сердца.

Вернувшись в родительский дом, Голди поступила в педагогический колледж. Вскоре Моррис приехал к ней: несмотря на противодействие семьи, они все же обвенчались 24 декабря 1917 года. Как вспоминают, одним из условий, на которых Голди соглашалась выйти замуж, было согласие Морриса уехать вместе с ней в Палестину. «Я знаю, что ты не так стремишься туда, как я, – сказала я ему, – но я прошу тебя поехать туда, со мной», – писала она. Голди мечтала жить в палестинском кибуце, уверенная, что только там она по-настоящему сможет послужить делу сионизма. На вопрос, что было бы, если бы Моррис не согласился последовать за ней, она через много лет призналась: «Я бы поехала одна, но с разбитым сердцем».

Еще с семидесятых годов девятнадцатого века евреи стали приезжать в Палестину в надежде основать там свое государство: землю для их поселений покупали на деньги, собранные еврейскими общинами по всему миру, причем нередко цены были невообразимо завышены, а доставалась им бесплодная пустыня или гнилые болота. Переселенцы основывали кибуцы – сельскохозяйственные коммуны, основанные на принципах коллективного владения имуществом, равенства в работе и потреблении и на отказе от наемного труда. Один из таких кибуцев – Мерхавию, расположенную в Израильской долине, – Голди выбрала для своего будущего проживания.

Однако сразу уехать не удалось: шла Первая мировая война, и передвижение пассажирского транспорта было ограничено. Вместо отъезда в Палестину Голди, спустя всего две недели после свадьбы, отправилась в путешествие по стране – из оставшихся двух лет, которые они с мужем прожили в США до отъезда, половину времени она провела в разъездах по партийным делам: Голди то распространяла подписку на газету, то выступала на митингах, то как делегат от Милуоки присутствовала на Американском еврейском конгрессе. «Причина такой моей популярности, – писала Голда Меир, – была, думаю, в том, что я была молода, одинаково

свободно говорила по-английски и на идиш и готова была ехать куда угодно и выступать без особой предварительной подготовки».

Лишь в мае 1921 года на пароходе «Покахонтас» Голда с семьей – муж, сестра с детьми, подруги и еще две дюжины олим – то есть репатриантов – отплыли в Палестину. Плавание само по себе было тяжелым испытанием: вода была плохая, еда испорченной, корабль неотремонтированным, из-за чего команда постоянно бунтовала, а капитан незадолго до прибытия то ли покончил с собой, то ли был убит кем-то из команды. В середине июля, после нескольких пересадок, бывшие американцы добрались до Тель-Авива.

В то время Тель-Авив, основанный в 1909 году как еврейский пригород Яффы, был еще весьма небольшим городом: в нем даже не было своей тюрьмы; зато имелись театр, гимназия, небольшой отряд полиции и водокачка. Большинство прибывших было разочаровано – жара, мухи, отсутствие зелени и воды вовсе не были похожи на обещанную «землю обетованную». Лишь Голда была счастлива – ее мечта начала сбываться. Она даже официально сменила имя с Голделе на Голду, чтобы отметить начало своей новой жизни.

Меерсоны подали заявление в кибуц Мерхавии, однако поначалу им отказали: жители кибуца справедливо полагали, что изнеженные американцы не выдержат тяжелого труда, тем более что первое время в Тель-Авиве Голда зарабатывала тем, что преподавала английский язык – для кибуцников это было явным подтверждением того, что она избалована и сторонится работы. Кроме того, в кибуц не хотели принимать супружеские пары: условий для детей там не было никаких. Но настойчивая Голда добилась того, что их приняли на испытательный срок: она собирала миндаль, ухаживала за птицей, работала на кухне и сажала деревья на окрестных скалах. Через несколько месяцев супругов Меерсон приняли в члены кибуца.

Пока Голда наслаждалась тем, что находится на земле своей мечты и трудится во славу будущего еврейского государства, Моррис проявлял все больше недовольства: ему казалось, что он интеллектуально деградирует, к тому же очень жесткие условия кибуцной жизни, где невозможно было уединиться и даже выпить стакан воды в одиночку, были для него слишком тяжелыми. Голду выбрали в члены правления, а затем делегатом на съезд кибуцного движения, а Моррис даже отказывался заводить в кибуце детей. Наконец, через два с половиной года кибуцной жизни он заболел – причем так серьезно, что Меерсонам пришлось покинуть кибуц и переехать в Тель-Авив, а оттуда – в Иерусалим, где Голде предложили работу в комитете гражданского строительства. Именно там у Голды наконец появились дети: в 1923 году она родила сына Менахема, а через три года дочь Сару. Моррис был счастлив и надеялся, что Голда наконец уgomонится и займется детьми, но та никак не могла успокоиться: она даже пыталась вернуться с сыном в кибуц, но потом все же предпочла семью тому образу жизни, о котором так долго мечтала. Жизнь молодой семьи была как никогда тяжелой: «Несмотря на все надежды и добрые намерения, – писала Голда Меир, – четыре года, которые мы прожили в Иерусалиме, не только не обеспечили мне тихой пристани, которую, уверяла я себя, я готова была принять, а стали самыми несчастными годами моей жизни. Но не беспросветная бедность и даже не вечный страх, что дети останутся голодными, были причиной того, что я чувствовала себя несчастной. Главным тут было одиночество, непривычное чувство изоляции и вечное сознание, что я лишена как раз того, ради чего и приехала в Палестину». Голда боролась с нищетой, как могла: служила в комитете, держала прачечную, чтобы содержать семью, но этого было мало. В то время в Палестине в подобном положении находились многие: эмигрантов было гораздо больше, чем рабочих мест, и к тому же многие приезжали, не имея ни профессии, ни какого-нибудь образования. Чтобы помочь вновь прибывшим, были созданы различные комитеты – и в один из них, Женский трудовой совет, занимавшийся образованием и трудоустройством эмигранток, в 1928 году поступила на работу Голда, переехав для этого с детьми в Тель-Авив. Моррис остался в Иерусалиме. С одной стороны, это означало крах супружеской жизни Меерсонов: их брак и так трещал по швам, и теперь, поступив на работу

на полный рабочий день, она признавала, что больше ничего не сможет сделать для его спасения. «Я горько жалею о том, – писала она в воспоминаниях, – что хотя мы с Моррисом и остались супругами и любили друг друга до самой его смерти в моем доме в 1951 году (символично то, что я в это время была в отъезде), мне все-таки не удалось сделать наш брак удачным. Мое решение в 1928 году означало, что мы расстаемся, хотя окончательно мы расстались только десять лет спустя». С другой стороны, именно работа в Женском трудовом совете стала самой, наверное, важной ступенькой лестницы, по которой Голда поднялась к вершинам своей жизни. Она участвовала в международных конференциях, много разъезжала по стране и постепенно стала одной из самых известных женщин палестинской еврейской общины. Ничего удивительного, что она не раз представляла еврейские женские организации на различных съездах и конгрессах, проходивших в США или Англии: надо отметить, что Голда никогда не была сторонницей феминизма, как его представляют теперь: «Я не поклонница того феминизма, – писала она, – который выражает себя в сожжении лифчиков, ненависти к мужчинам или кампаниях против материнства». Она лишь считала, что женщины достойны идти по жизни рядом с мужчинами, получить равные политические права и право на достойную их работу и заработок. Голда Меир оставалась любящей матерью, а позже – заботливой бабушкой обожаемых внуков. Ее всю жизнь мучила вина за то, что она так мало внимания уделяла детям, тратя время на политику. «Вечное внутреннее раздвоение, вечная спешка, вечное чувство невыполненного долга – сегодня по отношению к семье, завтра по отношению к работе – вот такое бремя ложится на плечи работающей матери, – писала она. – Я знаю, что мои дети, когда были маленькими, много страдали по моей вине».

И в то же время Голда всегда оставалась настоящей женщиной. По воспоминаниям биографов, у нее было всего два платья, но при этом она никогда не знала недостатка в поклонниках. Ее биограф Ральф Мартин писал о ней: «Она была замечательной, очень хорошо выглядела, и всегда вокруг нее была некая атмосфера таинственности. Ее глаза были полны волшебства». А Яков Цур, дипломат и переводчик, вспоминал: «Голда умела завоевывать сердца. Общавшиеся с нею люди быстро попадали под обаяние ее естественности и простоты, ее таланта ясно и понятно излагать свои позиции...». Во время работы в Женском трудовом совете она познакомилась с Залманом Шазаром – выходцем из Белоруссии, прекрасным оратором, видным политиком и будущим президентом Израиля. Он стал не только учителем и соратником, но и – на много лет – любовником Голды, хотя и был женат. Так же среди жертв обаяния Голды называют «отца государства Израиль» Давида Бен-Гуриона и главу американских сионистов Генри Ментора, политика, будущего министра образования Израиля Залмана Арана и председателя Еврейского национального совета Давида Ремеза. Ремез любил Голду всю жизнь и много сделал для ее продвижения. Он отзывался о Меир как об обладательнице «огромной личной магии», а та не раз признавалась, что «любила его очень сильно». Даже жена Ремеза преклонялась перед харизмой и обаянием Голды Меир. Как писал Мартин, ее любили, потому что «она была достаточно сильной, чтобы показать свою слабость». И хотя о ее бурной личной жизни ходило немало слухов, все признавали, что ее многочисленные романы – как реальные, так и вымышленные – были лишь проявлением ее щедрой и страстной натуры. Голда всегда была готова идти до конца – и в ненависти, и в любви.

В 1934 году Голда стала членом Исполнительного комитета Гистадрута – еврейского профсоюза, ставшего со временем одной из влиятельнейших организаций Ишува, то есть еврейской общины Палестины. Голда занималась там социальными вопросами, и при этом сама она жила в условиях, которые могли привести в ужас любого: снимала комнатки без электричества и канализации, почти не имела личных вещей, питалась чем придется, а спала на кушетке в своем кабинете. В июле 1938 года она была послана на Эвианскую конференцию как еврейский наблюдатель – там обсуждался вопрос о еврейских беженцах, спасавшихся от нацистских преследований. Один за другим представители разных стран выступали с сочув-

ственными речами, заканчивавшимися одним и тем же: их государства не могут принять евреев. Некоторые соглашались – на двести, сто, семьдесят человек. Лишь Доминиканская Республика обязалась принять сто тысяч евреев. Разочарованная Голда заявила журналистам: «Я надеюсь увидеть только одно до того, как я умру, – что моему народу больше не понадобится выражения сочувствия».

Англия, обладавшая мандатом ООН на Палестину и жестко контролировавшая приток эмигрантов на Ближний Восток, накануне Второй мировой войны практически полностью перекрыла эмигрантам доступ на Землю обетованную: согласно Белой книге – отчету министра колоний Малькольма Макдональда британскому парламенту, – в Палестину допускались максимум 75 тысяч человек в год, и через пять лет поток эмигрантов должен был прекратиться полностью. Позиция Англии, не желавшей ссориться с арабскими государствами, которые категорически возражали против назревающего у них под боком еврейского государства, была понятна, но евреям от этого было не легче. Голда, как могла, боролась с такими жесткими условиями, обрекшими на смерть миллионы евреев в Германии и оккупированных территориях: например, она посетила лагерь беженцев на Кипре и, ужаснувшись тамошним условиям, убедила власти пропустить в Израиль детей. Когда английские войска задержали корабль с пятью тысячами евреев из Северной Европы, она лично поднялась на борт и уговорила солдат пропустить судно. Как признавался после этого инцидента секретарь Британского военного совета Альберт Спенсер, «Голда была самой одаренной женщиной, которую я встречал. Подобно мистеру Черчиллю, она находила простое решение любой проблемы».

Хотя когда-то именно Англия дала старт массовой миграции евреев в Палестину, во время Второй мировой она, панически боявшаяся потерять арабскую нефть, чуть было не уничтожила идеи сионизма на корню. В июне 1946 года британские власти арестовали многих руководителей Ишува, и тогда Голда была назначена главой политического департамента Еврейского агентства, став, таким образом, главным посредником между евреями и Англией.

В 1946 году ООН проголосовала за раздел Палестины и создание государства Израиль. С этого момента, как пишут историки, евреи перестали бороться за независимость и начали бороться за выживание: недаром госсекретарь США Джеймс Форрестол заметил, что «45 миллионов арабов собираются сбросить 250 тысяч евреев прямо в океан». В первую же неделю после подписания резолюции были убиты сотни человек – как евреев, так и арабов. Голда чувствовала личную ответственность за происходящее: она спала по четыре часа в сутки, а остальное время работала на благо будущей страны. Когда журналисты ее спросили, как она смогла пережить это чудовищное напряжение, она ответила: «Мы просто хотели остаться в живых, а наши соседи хотели видеть нас мертвыми. Это не тот вопрос, по которому есть большие возможности для компромисса».

Король Иордании Абдалла заявил, что арабы готовы пожертвовать пятой частью населения – десятью миллионами жизней, – лишь бы уничтожить полмиллиона палестинских евреев. В ожидании нападения жившие в приграничных районах евреи попросили разрешения покинуть земли – или выделить им десять миллионов долларов на танки. Голда пообещала дать им деньги – но где их взять? И тогда она отправилась в США, собирать средства на нужды еще не родившегося Израиля. В первую очередь обратилась к Элеоноре Рузвельт, своему кумиру, затем обошла всех, кого знала. Голда использовала всю свою силу, привлекательность и обаяние и совершила настоящее чудо: за три месяца она собрала пятьдесят миллионов долларов! Восхищенный Генри Ментор провозгласил ее «самой могущественной еврейской женщиной современности», а потрясенный Бен-Гурион, признанный глава Ишува, заявил: «Когда-нибудь, когда история будет написана, там обязательно будет упомянуто, что была такая еврейская женщина, которая достала деньги, сделавшие наше государство возможным».

Но Голда не успокоилась. Она решила лично встретиться с королем Абдаллой: на все предостережения она отвечала лишь: «Я готова пойти в ад, если это даст шанс спасти жизнь

хотя бы одного еврейского солдата». Переодевшись в арабское платье, она нелегально перешла границу и чудом добралась до Аммана. Когда король не без иронии спросил ее, почему она с таким нетерпением борется за построение израильского государства, она ответила: «Мы ждали две тысячи лет – не думаю, что это можно счесть за большую спешку». В своей автобиографии Голда Меир признавалась: «Это была величайшая наглость с моей стороны, но я знала, что мы должны победить».

Четырнадцатого мая 1948 года было провозглашено Государство Израиль: Декларацию независимости подписали двадцать четыре человека, из них только две женщины – Голда Меерсон и Рахель Коэн-Каган, глава Международной женской сионистской организации. Этот день Голда Меир всегда вспоминала с огромным волнением: «Глаза мои наполнились слезами, руки дрожали, – писала она в автобиографии. – Мы сделали еврейское государство реальностью, – и я, Голда Мабович-Меерсон, дожила до этого дня».

На следующий же день Израиль был атакован соединенными силами Египта, Сирии, Ливана, Иордании и Ирака: Голда еще раз ездила в США, чтобы собрать деньги на оружие, и в конце концов отчаянными усилиями к ноябрю арабские силы отступили. Когда у Голды спросили, как израильтяне смогли победить превосходивших их по всем статьям арабов, она ответила: «У нас было секретное оружие – отсутствие альтернативы».

Голда Меерсон была назначена послом Израиля в Советском Союзе: она, прекрасно владевшая языками (в том числе и русским, хотя во время своей работы в СССР предпочитала это не афишировать), знавшая культуру и обладавшая немалым дипломатическим талантом, как никто другой подходила на эту должность. По легенде, ей выдали первый выпущенный новым государством заграничный паспорт. В СССР Голду встретили восторженно: «Женщина-посол была тогда в новинку, – вспоминала она, – но женщина-посол в Москве, да еще представлявшая крошечное воюющее государство – Израиль, – это было новостью». Посольский корпус разместился в гостинице «Метрополь»: как вспоминали сотрудники посольства, они жили в режиме жесточайшей экономии – Голда сама закупала на рынке продукты, из которых готовила еду для всех на одолженном в гостинице примусе. Самым ярким воспоминанием от пребывания Голды на посту была, безусловно, восторженная встреча, которую огромная толпа русских евреев устроила ей во время посещения московской синагоги. Это событие было запечатлено на израильских банкнотах номиналом в 10 тысяч (или десять новых) шекелей образца 1984 года.

В Москве Голда прослужила всего несколько месяцев: в апреле 1949 года ее отозвали в Израиль, где назначили на пост министра труда и социального страхования в кабинете Давида Бен-Гуриона, ставшего премьер-министром, – на этой должности Голда прослужила семь лет. В 1955 году она по распоряжению Бен-Гуриона была назначена мэром Тель-Авива, а через год получила портфель министра иностранных дел и в этом качестве представляла Израиль в Организации Объединенных Наций. При этом, как вспоминают, некоторые депутаты Кнессета отказали ей в своей поддержке на том основании, что она – женщина. И это при том, что уже давно по Израилю ходила шутка, в которой Голду называли «единственным мужчиной в правительстве». Сама она неодобрительно относилась к этой остроте, хотя та ей и льстила: «А если бы про одного из членов правительства сказали, что он – единственная женщина в его составе, как бы вы посмотрели на это?»

Предшественник Голды на посту министра иностранных дел Моше Шарет попросил всех членов дипломатического корпуса ивритизировать свои имена: Голда взяла фамилию Меир – что на иврите означает «озаряющая».

По свидетельству ее сотрудников, в работе с иностранными лидерами Голде Меир с помощью личного обаяния и убежденности в собственной правоте удавалось привлечь на свою сторону даже закоренелых противников сионизма. В пятидесятых-шестидесятых годах Голда Меир много ездила по африканским странам: она считала негров естественными союзниками

Израиля, поскольку евреев, как и чернокожих, притесняли по всему миру. В Израиле была налажена программа МАШАВ, призванная помогать африканским странам налаживать образование и здравоохранение, а также бороться с голодом.

В конце 1965 года Голда Меир почувствовала, что ее здоровье больше не позволяет ей работать, как прежде, – у нее обнаружили лимфому, стало сдавать сердце, и она подала в отставку. «Лучше быть полностью бабушкой, чем полуминистром», – заявила она. Хотя полностью из политики не ушла: Голда Меир продолжала оставаться депутатом Кнессета и даже занимала пост генерального секретаря партии МАПАЙ – с этого поста она по состоянию здоровья ушла в июле 1969 года.

Однако пенсия ее была недолгой. В феврале 1969 года внезапно скончался премьер-министр Израиля Леви Эшколь, и Голду Меир единодушно избрали следующим главой правительства. Сама Голда не ожидала такой чести: «Я была ошеломлена. Я никогда не рассчитывала стать премьер-министром... Я вообще никогда ни на что не рассчитывала, – вспоминала она. – Я не выбирала карьеру. Я не выбирала профессию. Просто так получилось». В своей официальной речи она, в частности, сказала: «наша судьба не может быть и не будет определена другими». Хотя многие ортодоксально настроенные евреи возражали против того, чтобы государством управляла женщина: «Трудно для людей, чьи религиозные убеждения отводят женщине почетное место в доме, – писала израильская пресса, – принять идею, что женщина может находиться во главе политического департамента. При всем хорошем отношении и уважении к женщине, ей не место наверху в качестве одной из центральных политических фигур».

Но лучшего выбора нельзя было сделать: Голда Меир стала настоящей матерью своему народу, любящей, заботливой и строгой, не знающей ни отдыха, ни усталости. По воспоминаниям, она «в семьдесят работала долгими часами, как никогда ранее, и больше путешествовала». Будучи уже в преклонном возрасте, больная, она работала на износ, не покидая офис сутками. Голда Меир умела быть справедливой, понимающей и даже не по-женски жесткой, когда дело касалось судьбы ее страны. Критикам, обвиняющим ее в том, что она представляет Израиль слишком агрессивным государством, она отвечала: «Я верю, что у нас будет мир с соседями, но я уверена, что никто не захочет заключить мир со слабым Израилем. Если Израиль не будет силен, мира не будет». В другой речи она сказала: «Если у нас есть выбор между тем, чтобы погибнуть, вызвав всеобщее сочувствие, или выжить с плохим имиджем, то лучше уж мы останемся живы, имея плохой имидж».

В то время Израиль жил в условиях постоянной арабской угрозы. На Олимпиаде в Мюнхене 1972 года арабские террористы из организации «Черный сентябрь» захватили израильскую команду – хотя Голда Меир предлагала прислать свой спецназ, натренированный в подобных ситуациях, Германия решила обойтись своими силами, и в результате все израильские атлеты погибли. Меир отдала приказ МОССАД начать охоту на выживших террористов – и в результате операции «Гнев Божий», длившейся почти двадцать лет, все организаторы операции были уничтожены.

Пятого октября 1973 года, накануне праздника Йом Кипур – Дня Примирения – Голде показалось, что скоро начнется война. Усилившаяся активность на границах и возросший поток беженцев напоминали ей о начале Шестидневной войны 1967 года. Голда высказала свои подозрения, однако ее советники заверили ее, что по данным разведки Израилю ничто не угрожает. Позже она сетовала: «В то утро я должна была послушаться собственного сердца и объявить мобилизацию. Вот о чем я никогда не смогу забыть, и никакие утешения, никакие рассуждения моих коллег тут не помогут». В праздничный день, когда большинство политиков разъехались, объединенные силы Египта и Сирии напали на Израиль, и поначалу, благодаря использованию советских ракетных установок, сильно продвинулись вглубь израильской территории. Когда над Израилем нависла угроза полного разгрома, она позвонила Генри Киссинджеру, госсекретарю США: в Америке была полночь, и ее поначалу отказались соединять с

политиком. «Меня не заботит, который теперь час. Нам нужна помощь сегодня, потому что завтра может быть слишком поздно», – заявила она. Помощь американских ВВС спасла положение; арабов удалось оттеснить, а через две недели израильские войска уже находились на расстоянии 35 километров от Дамаска и 101 километра от Каира. Война Судного дня закончилась 11 ноября, но ее последствия продолжали ощущаться еще долго. Народ требовал отставки правительства, которое не заметило готовящейся войны; главнокомандующий Моше Даян дважды пытался уйти в отставку, и оба раза Голда Меир отказывала ему, обвиняя во всем случившемся только себя, – если бы в тот день она настояла на своем, гибели двух с половиной тысяч израильских солдат можно было бы избежать.

Хотя комиссия Аграната, расследовавшая обстоятельства войны Судного дня, полностью сняла все возможные обвинения с Голды Меир – наоборот, ее усилия были названы «мудрыми, оперативными, полными здравого смысла и самыми важными», – сама она продолжала считать себя виноватой. Она ушла в отставку 11 апреля 1974 года. «Пяти лет было достаточно, – заявила она на прощание. – Мне больше не под силу нести это бремя». Ее преемником стал Ицхак Рабин.

Последние годы Голды Меир прошли тихо и спокойно. Она, как и раньше, заботилась о детях и внуках – вспоминали, что она находила время навестить живущую в кибуце дочь даже во время войны Судного дня, – собирая родственников на кузне своего скромного дома. До последних дней она курила по две пачки в день, выпивала по два десятка чашек крепкого кофе и по-прежнему интересовалась политикой. В 1975 году она опубликовала свою автобиографию «Моя жизнь», где откровенно и без прикрас поведала историю своей жизни, отданной на благо Израиля.

Голда Меир скончалась в Тель-Авиве 8 декабря 1978 года. Она похоронена на горе Герцля в Иерусалиме. До сих пор ее благодарные сограждане называют ее совестью еврейского народа и матерью Израиля.

Екатерина Фурцева **Женщина, играющая в мужские игры**

Когда время революционных богинь закончилось, у власти оказались только мужчины – те, кто сумел удержаться на вершине в сложных закулисных играх, не рассчитанных на слабый пол. У этого правила было только одно исключение. Женщина, достигшая невиданных карьерных высот и сумевшая уйти непобежденной, – Екатерина Алексеевна Фурцева.

Екатерина Третья российской истории...



После Октябрьской революции к власти пришли женщины, помогавшие этой революции состояться, – Инесса Арманд, Александра Коллонтай, Лариса Рейснер... Рядовые революционеры – бывшие крестьяне, солдаты и рабочие – преклонялись перед ними, как перед богинями. Но когда время революционных богинь закончилось, у власти оказались только мужчины – те, кто сумел удержаться на вершине в сложных закулисных играх, не рассчитанных на слабый пол. У этого правила было только одно исключение. Женщина, достигшая невиданных карьерных высот и сумевшая уйти непобежденной, – Екатерина Алексеевна Фурцева. Екатерина Третья

русской истории. Ее жизнь часто сравнивают с сюжетом известного кинофильма «Светлый путь»: девушка-пролетарка поднимается на самый верх.

Она родилась 7 декабря 1910 года в деревне под Вышним Волочком. Ее мать, Матрена Николаевна, овдовев в Первую мировую войну, переехала в Вышний Волочек, где работала на ткацкой фабрике. Неграмотная, она обладала напором и недюжинным темпераментом – благодаря чему была избрана депутатом городского совета.

Перед Матреной Николаевной Катерина всю жизнь ходила по струнке, во всем – или почти во всем – следовала ее советам. После окончания школы-семилетки Катерина идет работать на ту же фабрику, где работает ее мать. Собственно говоря, трудовая биография Екатерины Фурцевой была недолгой: на фабрике она проработала всего два года, от 15 до 17 лет. Но строка в анкете «ткачиха, из крестьян» сыграла огромную роль в ее жизни. В двадцать лет Катерина вступает в партию. Ее быстро замечает руководство: активность и работоспособность она унаследовала от матери в полной мере.

Вскоре Катерину как партийную активистку направляют работать в Курскую область – поднимать сельское хозяйство, а потом довольно быстро переводят в Феодосию. В курортной Феодосии Катерина, изможденная голодной жизнью в рабочем городке, буквально расцветает. И по-женски, и карьерно. Она становится секретарем местного горкома комсомола, но партийно-комсомольская работа не занимает ее полностью. Екатерина на всю жизнь полюбила море, стала отличной пловчихой. Занялась волейболом – это будет ее любимой игрой всю жизнь. Когда она играла, на нее засматривались – столь грациозны были ее движения.

Но и в полюбившейся Феодосии Екатерине не удалось задержаться надолго. В горкоме ей вручают новую комсомольскую путевку – в Ленинград, в Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота. В то время авиация была чем-то героическим, с ореолом исключительности. Летчики в то время были существами высшего порядка – примерно такими, какими через тридцать лет будут космонавты. В летчиков влюблялись все – не стала исключением и Фурцева. Ее избранника, инструктора ее летного звена, звали Петр Иванович Битков. Видный, красивый мужчина, умевший нравиться женщинам, прирожденный лидер, он быстро и надолго покорила ее сердце. Их брак не был официально зарегистрирован – тогда это не считалось обязательным. Жили бедно, но счастливо: ленинградские подруги Фурцевой потом долго вспоминали ее «серебристый смех». Огорчало одно – никак не получалось завести детей.

Из Ленинграда Биткова сначала направляют в Саратов преподавать в авиационном техникуме, а затем переводят в Москву. Здесь Екатерина продолжает свою комсомольскую деятельность: становится инструктором студенческого отдела в аппарате ЦК ВЛКСМ. Через год, в 1937 году, ее по комсомольской путевке направляют на учебу в Московский институт тонкой химической технологии им. Ломоносова (ныне Академия тонкой химической технологии). Здесь Катерина продолжает свою активную общественную работу и уже через полтора года становится секретарем парторганизации института, что не мешает учебе: успешно защитив диплом, Фурцева поступает в аспирантуру. Ей, как парторгу, дали комнату в коммуналке.

Великая Отечественная война застала ее уже секретарем Фрунзенского райкома партии – самый центр города, именно к этому району относилось большинство крупных предприятий Москвы. В первые же дни войны Петр Иванович, профессиональный военный, отправился на фронт. А вскоре выясняется: Екатерина беременна. Время было очень тяжелое, Матрена Николаевна, которой дочь написала о своих сомнениях – рожать ей или нет, настояла на сохранении беременности и даже приехала из Вышнего Волочка помогать дочери. Вскоре Фурцевых эвакуируют в Куйбышев – и именно тут в мае 1942 года на свет появляется Светлана. Вскоре семья возвращается в Москву.

Через четыре месяца после рождения дочери с фронта приезжает Битков – и с порога заявляет, что давно уже полюбил другую женщину. Гордая Екатерина Алексеевна забрала дочь,

мать – и ушла. Практически в никуда. Вскоре ей, как секретарю райкома, дают крохотную, в двадцать восемь метров, квартирку рядом с райкомом. Теперь они живут втроем – Екатерина Алексеевна, Светлана и Матрена Николаевна Фурцевы.

Во Фрунзенском райкоме, где она занималась кадрами, ее непосредственным начальником – вторым секретарем – был Петр Владимирович Богуславский. Историк, философ, прекрасный организатор, он увлекся Екатериной. К сожалению, он был женат, а развод для партийного работника в то время (да и потом) – вещь практически невозможная. Богуславский вкладывает в Екатерину все, что знает и умеет, продвигает ее наверх, обучает правилам игры – мужской игры, в которой Екатерина с помощью Богуславского научилась использовать свое умение быть женщиной. Немалую помощь в этом Екатерине оказала и Мария Андреева, бывшая актриса Художественного театра и гражданская жена Максима Горького, а в то время – директор Дома ученых, располагавшегося напротив райкома. В столовую Дома ученых работники райкома постоянно ходили обедать. Мария Федоровна подает Фурцевой пример элегантности и хорошего тона. С ее помощью Екатерина нашла и другой пример для подражания – актрису Веру Петровну Марецкую. Немного похожая на Марецкую внешне, Екатерина Алексеевна стала подражать и ее манере одеваться, держаться, разговаривать. Говорят, даже брала у нее уроки актерского мастерства. У Фурцевой была прекрасная память и задатки хорошего оратора.

Шанс отличиться выпал Екатерине Алексеевне в сентябре 1947 года, когда с помпой отмечали 800-летие Москвы. Фурцева принимала активнейшее участие в подготовке к празднику самого ответственного участка города – его центра. Закладка памятника Юрию Долгорукому перед Моссоветом – главное событие юбилейных торжеств – была проведена под ее личным контролем. Фурцева принимала активнейшее участие и в других мероприятиях: закладке нового высотного здания университета на Ленинских горах, спортивном празднике на стадионе «Динамо». Она повсюду. Ее нельзя не заметить, ее невозможно не запомнить: яркая, красивая, энергичная, сияющая женщина запомнилась всем.

Вскоре сам собой закончился роман с Богуславским: в стране началась «борьба с космополитизмом» – антисемитская кампания чистки кадров по национальному признаку. Еврея Богуславского отправляют на переподготовку – что на практике означало отставку. Назначают первым секретарем райкома партии Фурцеву. Ее организаторские способности, умение выступать без бумажки и личное обаяние всегда привлекают к ней внимание вышестоящих властей. Но ее звездный час пришел совершенно неожиданно: в 1949 году Николай Шверник, крупный партийный функционер, представил ее Сталину. Это была их единственная встреча, но Сталин ее запомнил – и с его благословения карьера Фурцевой резко пошла вверх.

В декабре Фурцева делает доклад на расширенном заседании горкома партии, где критикует работу своего райкома – и себя лично. Это умное, талантливое, по-женски страстное самобичевание – разрешенное и даже предписанное сверху – тут же дает свои плоды. Уже в начале 1950 года Екатерина Фурцева становится вторым секретарем Московского горкома партии. Первым секретарем в то время был Никита Хрущев. В народе ходили упорные слухи о том, что Фурцева оказалась в горкоме не случайно, мол, у нее роман с Хрущевым. Хрущев действительно очень ценит Фурцеву – и за умение говорить, и за работоспособность, и за преданность. Когда после смерти Сталина Хрущев станет первым секретарем ЦК КПСС, главой Московской парторганизации он оставит вместо себя Фурцеву. Но роман у нее в то время был совсем с другим человеком.

Дипломат Николай Павлович Фирибин, в то время зампред Московского горисполкома, был очень обаятельным, красивым мужчиной, избалованным женским вниманием, а поэтому довольно заносчивым и капризным. Прекрасно владел двумя иностранными языками, занимался спортом. Фурцеву он полюбил страстно, и Екатерина Алексеевна ответила взаимностью. Но он женат, у него двое детей-подростков. Разгоревшийся роман хранился в тайне от всех –

хотя, как это всегда бывает, о нем знали многие. Весь высший партаппарат обсуждал их связь, и все осуждали ее. Матрена Николаевна была решительно против Фирюбина – но в этом, практически единственном, случае за всю свою жизнь Екатерина Алексеевна не прислушалась к совету матери.

Когда Фирюбина назначают послом в Чехословакию, а затем в Югославию, Екатерина Алексеевна при каждом удобном случае летает к нему – хоть на день, на несколько часов. Она ничего не требовала от Фирюбина, который никак не может решиться на развод, и этим сильно притягивала его. В конце концов ее союз с Фирюбиным благословил сам Хрущев – и в 1954 году они поженились. Это был первый и единственный официальный брак Екатерины Алексеевны. Первые пять лет все продолжалось по-прежнему: он работает за границей, она – в Москве. Фирюбин вернулся в Москву, когда его назначили заместителем министра иностранных дел. И Екатерина Алексеевна довольно быстро поняла, что их брак был ошибкой. Но менять что-то было уже поздно.

Николай Павлович очень ревновал жену к ее карьерным успехам – и мстил ей за них дома. Унижал ее, не прислушивался к ней, мог по нескольку дней не замечать. Всем знакомым жаловался, что о нем дома не заботятся, не кормят – а между тем Екатерина Алексеевна каждый вечер готовила ему протертую клюкву, выполняла все его капризы. Он не ладил со Светланой – после ее замужества ее практически не приглашали в дом к матери и отчиму. Осознав, что в семье счастья не будет, Екатерина Алексеевна с головой уходит в работу.

Хрущев не забыл Фурцеву. Когда 25 февраля 1956 года он сделал свой знаменитый доклад на XX съезде партии, именно Екатерине Алексеевне было предоставлено первое слово после докладчика. На этом съезде Фурцева стала кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС – то есть поднялась на предпоследнюю ступень в советской партийной иерархии. Первым секретарем МГК КПСС Москвы Фурцева оставалась до 1957 года. В памяти москвичей ее правление связано с активным градостроительством, наступлением на коммуналки, борьбой за чистоту и порядок на улицах. Западные журналисты отмечают ее появление на трибуне Мавзолея 7 ноября 1955 года – когда Хрущев лично позвал ее перейти с нижней трибуны, для «крупных чиновников», на верхнюю – «для вождей». Стройная, подтянутая, в строгом, но элегантном костюме, с красиво уложенной длинной русой косой – зарубежные издания неустанно рассказывали, что среди серых советских чиновников появилась наконец настоящая женщина. А вечером на торжественном приеме в Кремле она в роскошном бальном платье с редкостной грациозностью танцевала вальс с членами Политбюро.

В кремлевских кулуарах Фурцеву за красивую внешность и неизменную элегантность прозвали Мальвиной. Она лично контролировала строительство стадиона в Лужниках – ее стройную фигуру прекрасно знал любой строитель. Всегда улыбающаяся, в юбке до колен, открывающей ее красивые ноги, в оренбургской шали – и всегда в туфельках, в любую погоду. Удивлявшимся ее внешнему виду она отвечала: «Вы что строите? Красоту! И все вокруг должно быть красиво!» Фурцева прекрасно понимала, что ей не хватает знаний, чтобы разбираться во всех насущных вопросах. Но она умеет и хочет учиться – и будет учиться всю жизнь. Ее любимым словом было «специалист» – то есть тот, кто досконально знает вопрос, кто может разобраться. Хотя, оставаясь все же женщиной, иногда доверяла лишь своему вкусу. Перед самым открытием стадиона в Лужниках – буквально накануне ночью – она велела замазать огромную, больше сотни квадратных метров, фреску на фасаде стадиона. Просто потому, что не понравилась. Вскоре на этом стадионе будут проходить главные события Международного фестиваля молодежи и студентов – невероятное еще несколько лет назад событие, толпы иностранцев в Москве, еще совсем недавно отгороженной от остального мира «железным занавесом». И снова Фурцева в самом центре событий, ярким пятном выделяясь среди чиновников в серых костюмах.

Кроме заботы о Москве, в обязанности Екатерины Алексеевны входили постоянные заседания ЦК КПСС и тесное общение с высшими государственными деятелями. Она была единственной женщиной среди высокопоставленных мужчин, которые жили по давно сложившимся правилам. Застолья на всю ночь, крепкие выражения в разговорах, бани и охотничьи забавы – типично мужские развлечения, и никто не собирался менять правил игры из-за того, что среди нескольких десятков мужчин появилась одна женщина. Фурцева прекрасно понимала, что, чтобы не проиграть, ей придется придерживаться всех этих правил, и никто не будет делать ей скидок.

Ее положению мог позавидовать любой. Но мало кто мог в полной мере понять, с какими проблемами ей пришлось столкнуться. Например, такая простая вещь, как туалет. Рядом с комнатой, где заседал Президиум ЦК, был только мужской туалет, и тот постоянно занят: из-за определенного образа жизни члены Президиума страдали многочисленными болезнями. Екатерине Алексеевне приходилось бежать далеко в соседнее крыло, где в секретариате (секретари все-таки были в основном женского пола) был женский туалет.

Но однажды именно эта проблема сыграла на руку Фурцевой. После прихода Хрущева к власти его методы руководства довольно скоро вызвали недовольство части членов ЦК. Во главе «заговора», ставившего своей целью свалить Хрущева – его собирались «сослать» в министры сельского хозяйства, – стояли Георгий Маленков, Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Клим Ворошилов и Дмитрий Шепилов. В конце июня 1957 года они собрали заседание Президиума ЦК, на который «случайно» не были приглашены многие могущественные сторонники Хрущева.

Фурцева, заметив, что большинство собравшихся против Хрущева, решила действовать. Она отпросилась в туалет. Все знали, что до женского туалета идти довольно долго – и значит, ее некоторое время никто не хватится. Вместо туалета Фурцева бросилась в свой кабинет и принялась обзванивать сторонников Хрущева, многих из них не было в Москве. Также многие расценивали ее звонок как провокацию – ведь рядом мог стоять и подслушивать кто-то из «заговорщиков», проверяя надежность того или иного человека. Но она уговаривала, умоляла, уламывала их приехать – и добила своего.

Тот же трюк проделал Брежнев – он помчался звонить министру обороны маршалу Жукову, а когда вернулся, в красках описал внезапно напавшее на него расстройство желудка. Жуков организовал срочную доставку в Москву – на военных самолетах – отсутствовавших членов ЦК, а сам, появившись на заседании, высказался решительно против отставки Хрущева и добавил: «Ни один танк не тронется без моего приказа!»

Заговорщики испугались – и Хрущев снова оказался вознесен наверх. Так называемая «антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» была лишена всех постов, раскаявшийся Ворошилов был прощен, а поддержавшие Хрущева Брежнев, Фурцева и Жуков были осыпаны милостями. Екатерина Алексеевна стала полноправным членом Президиума ЦК КПСС.

Фурцева переходит из МГК в ЦК. Здесь она вместе с Жуковым входит в комиссию по делам реабилитации военнопленных (согласно сталинскому указу, все пленные считались изменниками Родины, и освобожденных из немецких лагерей сразу же отправляли в лагеря советские), с ним же занимается разработкой проекта строительства мемориала на Поклонной горе. Но вскоре Жуков попадает в опалу: его фраза про танки напугала в том числе и самого Хрущева – и всего через четыре месяца после того судьбоносного заседания Жуков был обвинен в насаждении культа своей личности в армии, снят с поста министра и выведен из Политбюро и ЦК. Хрущев помнил, кому он обязан своим восхождением, и умел мстить тем, кто видел его слабость.

Для Фурцевой несколько лет все шло хорошо. Ее называли официальной наследницей Хрущева. В 1960 году назначили министром культуры СССР – должность видная, но не очень

завидная: функции министра культуры в основном представительские. Самое дело для женщины: поруководить, покрасоваться, да и испортить ничего не сможет – на самом деле культурой в СССР руководил специальный партийный комитет, а вовсе не министерство. Но настал черед и Фурцевой. Авторитарная, во многом противоречивая политика Хрущева вызывала все больше недовольства в высших кругах. Заговоров не было – так, перемывали ему кости по телефону, – но Хрущеву было достаточно и этого. В 1961 году ему на стол положили стенограмму ее телефонного разговора с членом ЦК Аристовым, где Фурцева нелестно отозвалась о Никите Сергеевиче. На ближайшем, внеочередном, пленуме, Президиума Екатерина Алексеевна была снята с должности секретаря.

Все было обставлено тихо: во время очередного совещания в кабинет Фурцевой пришел человек, отключил связь, забрал «вертушку» – телефон правительственной связи, – и все. Молчание. Никто ничего никому не объяснил. Екатерина Алексеевна приехала домой, легла в ванну и вскрыла себе вены. Спасла ее подруга, пришедшая в гости. Удивившись тишине за дверью, она позвонила в соответствующие органы. Приехавшая бригада взломала дверь и доставила Екатерину Алексеевну в больницу.

Говорили, что Фурцева пыталась покончить с собой из-за уязвленного честолюбия. Но не меньшую роль сыграла и личная обида на человека, который был обязан ей столь многим, которому она безгранично верила и который так подло ее предал. Хрущев прореагировал просто: на заседании ЦК, членом которого Фурцева еще оставалась, заявил: «Дамские капризы! Что вы хотите – климакс! Не стоит обращать внимания».

Выйдя из больницы, где ее долго лечили от нервного стресса, Екатерина Алексеевна с головой уходит в работу министра. Время хрущевской оттепели вызвало к жизни множество новаций в культуре – и Екатерина Алексеевна изо всех сил старалась понять, что же происходит в подведомственной ей среде. Впервые за несколько десятков лет во главе Министерства культуры был настолько высокопоставленный номенклатурно-партийный работник – и настолько интересующаяся женщина. Екатерина Алексеевна, начинавшая как партийный функционер со всеми соответствующими взглядами, смогла измениться и стать одним из лучших – если не лучшим – министром культуры за всю историю СССР.

Поначалу ее назначение народ встретил анекдотами. Собственно говоря, такого количества анекдотов о себе мало кто устаивался – разве что главы государства. А тут простой министр. Особенно поначалу анекдоты были злые: мол, пришла бескультурная баба из жуткой глубинки и давай артистами руководить. Один из самых популярных анекдотов был такой. «Вернисаж. Пабло Пикассо не пускают, потому что он забыл пригласительный билет. Тогда он в подтверждение того, что он именно Пикассо, рисует на асфальте своего знаменитого голубя мира. Его пропускают. Следом идет женщина, и тоже без пригласительного. «Вы кто?» – «Я министр культуры СССР Фурцева!» – «А как докажете? Вот Пикассо забыл свой билет, он голубя нарисовал». – «Простите, а кто такой Пикассо?» – «Проходите, госпожа министр!»

Про то, как она на самом деле руководила культурой, тоже ходят анекдотичные истории. Когда Григорович ставил в Большом театре «Лебединое озеро», согласно либретто Одетта должна была умереть. Фурцева заявила: «Наш балет должен быть оптимистичным!» – и девушку-лебедя оживили. Но спустя годы Юрий Георгиевич вспоминает Фурцеву тепло и благодарно. Она чаще всего шла ему навстречу. Ценила Галину Уланову, мхатовских знаменитых актрис Тарасову и Степанову. Дружила с Марецкой.

Как человек очень деятельный, болеющий за свое дело, она старалась участвовать во всем. Лично принимала решения о повышении зарплат, запрете или разрешении спектаклей, назначении на роли. Чисто по-женски отстаивала свои решения – могла расплакаться, покетничать, упасть в ноги вышестоящим товарищам, только чтобы выпустили фильм, утвердили назначение, дали звание. Она считала всех работников культурных учреждений солдатами своей армии – актеров и писателей, библиотекарей и лекторов, музейщиков и циркачей – и

относилась к ним одинаково. Хотя, конечно, у нее были свои предпочтения – Родион Щедрин, Майя Плисецкая, Людмила Зыкина, Давид Ойстрах, Святослав Рихтер, которому она устроила срочный выезд в Германию, попрощаться с умирающей матерью.

Любила МХАТ – по ее инициативе Олег Ефремов, до этого работавший в «Современнике», был назначен главным режиссером МХАТа, и под ее личным наблюдением было построено новое здание театра на Тверском бульваре. Как руководитель она была нелегким человеком. Не терпела ответов «не знаю», требовала, чтобы каждый досконально знал свое дело – как она. В пылу спора могла накричать, выгнать – но потом переживала и старалась сделать взамен что-нибудь хорошее. Ее уважали за то, что с ней можно было спорить, разговаривать, что ее можно было переубедить, – тогда как правила мужской игры требовали придерживаться принципа: «есть два мнения, одно мое, другое неправильное».

Именно при Фурцевой стал проводиться Международный конкурс имени Чайковского – и она лично настояла на том, чтобы первую премию разрешили дать американскому пианисту Вану Клиберну, что абсолютно противоречило всем идеологическим установкам. При ней начали проводить Международный конкурс артистов балета, Московский международный кинофестиваль. По ее записке Суслову был учрежден Театр на Таганке, ее стараниями открылись Московское хореографическое училище и десять университетов культуры по всей стране, были построены здания Библиотеки иностранной литературы, Детского музыкального театра Натальи Сац, нового цирка на проспекте Вернадского (и еще десять стационарных цирков по всей стране), здание хранилища Библиотеки имени Ленина в Химках, новые помещения получили МХАТ, Театр имени Моссовета и Театр оперетты.

Еще в 1961 году, в своей первой в качестве министра культуры поездке на Каннский фестиваль, она познакомилась с вдовой художника Фернана Леже Надей. Это знакомство, переросшее в тесную дружбу, во многом определило культурные связи Фурцевой. Надя Леже ввела ее в круг французской коммунистической интеллигенции – Луи Арагон (женатый на сестре Лили Брик Эльзе Триоле), Пабло Пикассо (так что неправ был анекдот – Фурцева знала не только имя великого художника, но и его самого лично), Морис Торез. Под влиянием Нади Леже Фурцева открыла для себя французскую высокую моду – особенно ей нравились вещи от Lanvin. Друзья Нади – эмигранты из России – стали дарить свои коллекции советским музеям. Вдова художника Савелия Сорина преподнесла в дар Третьяковской галерее часть своей ценнейшей коллекции, а Марк Шагал даже приехал в СССР лично и подарил Пушкинскому музею 75 своих картин.

Фурцева организовала самую фантастическую выставку того времени: «Мона Лиза» Леонардо да Винчи в Москве. Картину выставляли в Японии и обратно должны были везти через Москву. Возникла идея задержать «Мону Лизу» на несколько дней в Москве. Фурцева созвонилась с французским послом, получила его согласие – но надо было заплатить огромную страховку, изготовить пуленепробиваемую витрину. Екатерина Алексеевна уговаривала руководство страны: «Нам предлагают показать «Джоконду», а деньги мы вернем. Отправим Моисеева на гастроли, он заработает». С ней согласились. Фурцева обратилась к оборонным конструкторам – и за семь дней изготовили витрину, которую потом французы взяли за образец. Специальное стекло срочно везли с Украины, в дороге оно повредилось, его едва успели заменить. «Джоконду» привезли ночью, под усиленной охраной. Те, кому посчастливилось увидеть ее за несколько дней, когда картина выставлялась в Пушкинском музее, помнят об этом до сих пор.

Очень дружила Фурцева с Арманом Хаммером – даже подарила ему из запасников Русского музея «Черный квадрат» Малевича. Фурцева же пригласила в СССР театр Ла Скала, до этого никогда не бывавший в России. Между Большим и Ла Скала было подписано соглашение о сотрудничестве – с тех пор многие российские оперные певцы стажировались в Милане. Директор театра Антонио Гиринолли был в восторге и от приема его труппы, и от самой Фурцевой. Следующие десять лет – до самой ее смерти – доктор Гиринолли серьезно ухаживал

за Екатериной Алексеевной, постоянно присылал ей маленькие подарки, заказал ее портрет одному из модных художников.

Она продолжала оставаться очень привлекательной женщиной – вопреки всему. После любой пьянки, обязательной в среде высших чинов, она оставалась свежей и полной сил. Екатерина Алексеевна очень следила за собой – когда была возможность, соблюдала строгий режим и диету, подолгу гуляла, много занималась спортом, специально привозила из Франции таблетки для похудения. Ее женственность и обаяние отмечали все, с кем она сталкивалась, – даже те, кто имел все основания не любить ее. Она постоянно следила за модой. Почти не носила украшений – в среде крупных чиновников они не были приняты, – но одевалась очень элегантно. Именно Фурцева первой в СССР надела маленькое черное платье – выше колен, с туфлями-лодочками и ниткой жемчуга. Следила она и за советской модой: именно Фурцева стояла за организацией домов моды в стране, способствовала карьере Славы Зайцева. Когда работники одного ателье написали ей письмо о недостатках в швейной промышленности, она собрала совещание, где с полным знанием дела рассуждала о модных фасонах, тканях, говорила о необходимости использовать в работе модные журналы.

На ее рабочем столе стояла фотография английской королевы Елизаветы II, с простой надписью: «Екатерине от Елизаветы». Говорили, что уже через несколько минут личного общения королева попросила Фурцеву: «Не зовите меня «ваше величество», говорите просто – «товарищ Елизавета»! А бельгийская королева Фабиола однажды сказала, что хотела бы сделать для своей страны столько же, сколько Фурцева сделала для своей.

Только в личной жизни было не все гладко. С Фирюбиным они все больше отдалялись друг от друга – любовь давно прошла, у него была другая женщина, и Екатерина Алексеевна об этом знала. Но развестись они все же не могли. Единственным смыслом жизни – кроме любимой работы – для Фурцевой были дочь Светлана и внучка Марина. «Если бы не было тебя с Маришкой, мне не для чего было бы жить», – говорила она Светлане.

Начав свою карьеру в качестве партийного функционера, за время своего министерства Екатерина Алексеевна сильно изменилась. Личная, искренняя ее дружба со многими виднейшими деятелями культуры, чьи взгляды во многом не совпадали с идеологическими установками ЦК КПСС, все больше отдаляла Фурцеву от ее коллег по партаппарату. В отличие от основной массы крупных функционеров она была неординарной личностью, и этого ей простить не могли.

Случилась и еще одна неприятная история. Светлане с мужем очень хотелось иметь дачу. Под давлением дочери Фурцева занялась строительством – покупала стройматериалы через постановочную часть Большого театра: там они были дешевые. Дача получилась, по сегодняшним меркам, крохотной – 61 квадратный метр, но скандал раздули жуткий. Фурцеву обвинили в злоупотреблении служебным положением, объявили строгий выговор, чуть не исключили из партии. Дачу забрали – правда, вернули потраченные на строительство деньги. Екатерина Алексеевна очень переживала, просила создать комиссию, чтобы во всем разобраться, – но ничего этого сделано не было. Она очень страдала – общественное мнение было для нее очень важно.

Когда в 1973 году ее не рекомендовали в депутаты Верховного Совета СССР, она поняла, что ее карьера близка к закату, что не за горами и смещение с поста министра. Она говорила Людмиле Зыкиной, одной из своих подруг: «Что бы там ни было, я умру министром!» Так и случилось. В ночь с 24 на 25 октября 1974 года Светлане Фурцевой позвонил Фирюбин: «Екатерины Алексеевны больше нет». Светлана, которая лишь несколько часов назад простилась с матерью, ничего не успела понять.

Согласно официальному медицинскому заключению, у Екатерины Алексеевны остановилось сердце. Впрочем, молва настойчиво утверждает о том, что Фурцева отравилась цианистым калием.

Ее похоронили на Новодевичьем кладбище – среди артистов и писателей, которыми она руководила, недалеко от предавшего ее Хрущева.

После похорон Петр Битков сказал Светлане: «Я всю жизнь любил только ее...». Через несколько недель Фирюбин женился вторично. Светлана через несколько лет переехала в Испанию. Но жить вдали от России она не могла и в 1998 году вернулась в Москву. Светлана Фурцева умерла в начале октября 2005 года. У нее был рак.

Уже нет ни партии, которой Екатерина Фурцева была предана, ни государства, которому она служила. Осталась только память о женщине, которая умела играть в мужские игры, – и выигрывать.

Раиса Горбачева Половина Первого



Двадцать с лишним лет назад, 11 марта 1985 года, произошло событие, которое перевернуло судьбу нашей страны. Вместо скончавшегося накануне Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, третьего умершего на этом посту за два года, был назначен Михаил Горбачев, самый молодой генсек за всю советскую историю. Мало кто думал тогда, что с приходом Горбачева начнутся революционные перемены, в результате которых не только коренным образом изменится политика Советского государства и правящей в нем партии, но и само государство и его партия перестанут существовать. И уж точно никто не предполагал, что революция свершится не только в политике; и совершит ее женщина, супруга нового генсека – Раиса Максимовна Горбачева.

Еще никто из женщин, находящихся не то что у власти – рядом с властью, не привлекал к себе столько внимания, не вызывал столько разных слухов и сплетен. Отношение к ней было различным – от обожания до ненависти; не было только равнодушных. Но, как это ни странно, не было никого, кто сомневался бы в самом для нее главном: в ее любви к мужу и в любви мужа к ней...

Как мужчины приходят к власти, было описано неоднократно. Но мало кто знает, как труден путь женщин рядом с такими мужчинами. Со стороны может показаться, что такие женщины счастливы: ведь у них есть все, что только можно пожелать. Но как тяжело было прийти к этому счастью, знают только они сами.

В детстве Раи Титаренко не было ничего, что могло бы предсказать ее будущий взлет. Ее отец, Максим Андреевич, родом из Чернигова, всю жизнь проработал на строительстве

железных дорог. Одна из веток проходила через алтайское село Веселоярск. Тут он влюбился в местную девушку, Сашу, женился на ней... Саша – Александра Петровна – была из крестьян; до конца своей жизни оставалась неграмотной – в крестьянских семьях не было принято учить дочерей. Ее отца в начале тридцатых раскулачили, а затем посадили по обвинению в троцкизме. Ни Саша, ни ее отец так и не поняли, кто такой Троцкий и что такое троцкизм. Его жена умерла от горя и голода, оставив четверых детей...

Но Саша и Максим были уже далеко. Максима постоянно переводили с места на место, и Саша следовала за ним. 5 января 1932 года в городе Рубцовске Алтайского края у Титаренко родилась дочь, которую назвали Раисой. Имя выбрал отец – для него оно означало «рай», райское яблочко... Через три года родился сын Евгений, а еще через три – дочь Людмила.

Жизнь была тяжелой. Постоянные переезды, временное жилье – бараки, щитовые домики, даже келья бывшего монастыря... Александра Петровна как могла наводила уют в очередной «квартире», разводила огород, – и после нового переезда все приходилось начинать сначала. Удивительно, но, несмотря на постоянные смены школ и общие в них плохие условия – самодельные чернила и азбуки, тетрадки из газетной бумаги, нехватку учебников, учителей и помещений, – Раиса Титаренко была отличницей. Школу в Стерлитамаке, в Башкирии, она в 1949 году закончила с золотой медалью. Это был всего второй год, когда вручались медали; медаль давала право поступления в любой вуз страны без вступительных экзаменов. Раиса выбрала для себя философский факультет МГУ.

Тогдашнее студенчество – полуголодное, веселое, любопытное... Днем – лекции, по ночам – подработки, а вечерами – театры, танцы, библиотеки и посиделки в университетском общежитии на Стромынке – одна комната на восемь-четырнадцать человек. На первом курсе Раиса влюбилась; но этот роман закончился катастрофой. Вмешались его родители, которым не понравился выбор сына, и он бросил Раю. Ей казалось, что теперь она никогда больше не сможет доверять мужчине, никогда не сможет полюбить...

В то время в студенческой среде было модно учить балльные танцы. Рая тоже ходила, и она – красивая, яркая, пластичная – танцевала так, что все на нее заглядывались. Однажды друзья Миши Горбачева, учившегося на курс младше, посоветовали ему тоже пойти на танцы: там появилась такая девчонка, тебе надо обязательно с нею познакомиться! Он пошел – и влюбился. Ему тогда было двадцать лет, ей – девятнадцать...

Поначалу ухаживания красивого студента юрфака были встречены холодно. Но как-то декабрьским вечером 1951 года он проводил ее из клуба – и они разговорились, а разговорившись – подружились. Прогулки по Москве и долгие разговоры стали традицией. Ей нравилась его жизнерадостность и то, что он по всем вопросам имел свое мнение и не боялся его отстаивать. Но окончательно покорила сердце Раисы кулинарный талант Михаила.

Последние годы в университете Раиса много болела. Когда она месяц лежала в больнице, Михаил каждый день приносил ей из общежития жареную картошку. Как потом вспоминала сама Раиса Максимовна, именно тогда она поняла, что Михаил – ее судьба на всю жизнь. 25 сентября 1953 года они расписались в Сокольническом загсе.

На свадьбу ушли деньги, которые Михаил заработал летом на уборке хлеба. В ателье Раиса сшила себе платье из итальянского крепа, а Михаил – первый в его жизни костюм из дорогой ткани под названием «Ударник»; так что на кольца молодоженам денег не хватило. Туфли невесте тоже пришлось одолжить у подруги. Свадьбу сыграли 7 ноября в диетической столовой рядом с университетским общежитием – на столе преобладали винегрет и «Столичная».

Их любовь прошла испытания временем. Из юношеской страсти она со временем стала любовью-сотрудничеством, дружбой и верностью двоих людей, которые много пережили вместе. На дни рождения Михаила Раиса дарила ему только один подарок – букет фиалок; почему так – осталось их маленькой тайной... Когда во время поездки в США Раиса Максимовна не

смогла найти этот букетик, она поставила на ноги всех, отменила все свои мероприятия, пока фиалки не были найдены...

После окончания университета Раиса поступила в аспирантуру. А Михаилу предложили на выбор: или аспирантура, или работа в его родном Ставрополе. Раиса в это время была беременна – но родить сына не получилось; врачи сказали, что из-за проблем со здоровьем рожать ей нельзя. Раиса была в отчаянии – она была убеждена, что без детей нормальной семьи быть не может... Посоветовавшись, Горбачевы уехали в Ставрополь.

Михаил Сергеевич был распределен в краевую прокуратуру, но проработал там всего десять дней: работа ему не нравилась, а прежние друзья звали на комсомольскую работу. С трудом, но Горбачева все же отпустили из прокуратуры – и он был назначен заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды. Так началась его дорога наверх...

А у Раисы четыре года не было постоянной работы – и это со столичным дипломом. Мизерной зарплаты Михаила еле хватало на еду и оплату жилья – небольшой комнаты, в которой еле помещалось все их нехитрое имущество. Здесь же, в этой комнате, 6 января 1957 года Раиса родила дочь Ирину... Только в конце года Горбачевы получили государственное жилье – комнату в коммуналке, в переоборудованном здании какой-то конторы.

В конце концов Раисе удалось устроиться преподавателем на кафедру философии Ставропольского сельскохозяйственного института. Раиса тогда была очень худенькой, маленькой и, чтобы выглядеть посolidнее, надевала на себя как можно больше одежды. Она увлеклась социологией, начала писать кандидатскую диссертацию о быте крестьян. С социологическими анкетами Раиса Максимовна обходила тысячи дворов, и ее поразило, что каждый четвертый дом – дом женщины-одиночки... Кажется, именно тогда у нее появился интерес к проблеме женщины в России, желание помочь, изменить...

А Михаил Сергеевич успешно делал карьеру – сначала в комсомоле, а с 1962 года в КПСС. Он стал секретарем горкома, затем крайкома. Фактически руководя Ставропольским краем, Горбачев коренным образом реформировал все отрасли местной жизни – от кадров до программ мелиорации и охраны культурных объектов. На жизни семьи его положение мало отразилось, разве что из коммуналки Горбачевы переехали наконец в отдельную квартиру. Ни дачи, ни прочих привилегий. Дочь ходила в обычную школу, затем самостоятельно поступила в медицинский институт в Ставрополе – не хотела никуда уезжать от родителей. А в 1978 году Горбачева перевели в Москву – его избрали секретарем ЦК КПСС. Для Горбачевых началась совсем другая жизнь.

В Москве они получили все, что «положено», – квартиру, государственную дачу, льготы. Но Раису Максимовну больше волновало другое – дочь закончила с отличием Второй медицинский институт, куда вместе с мужем перевелась из Ставрополя, у нее родились две дочери, Ксения и Анастасия...

В начале восьмидесятых средний возраст членов Политбюро составлял 67 лет, большинству было далеко за семьдесят. Неудивительно, что политика, которую они проводили, была предельно консервативная; любые новшества отвергались на корню. Горбачеву, который пытался и в Москве продолжать свои реформы, было очень тяжело работать в такой закостенелой среде. К тому же генсеки умирали один за другим – Брежнев, Андропов, 10 марта 1985 года не стало Черненко.

Под утро Михаил Сергеевич приехал на дачу, где они тогда жили, и вызвал Раису Максимовну в сад. Он сказал ей, что, вполне возможно, завтра его изберут Генеральным секретарем. Она совсем не обрадовалась – она не любила политику, а карьерные успехи мужа только расстраивали ее. Чем больше времени он был вынужден уделять работе, тем меньше доставалось ей и дочери. Но Раиса Максимовна обещала поддержать его, что бы ни случилось.

На следующий день Михаил Сергеевич Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. Ему было 54 года.

Назначение Горбачева на этот пост было и неожиданным и закономерным. Когда после смерти Брежнева к власти вместо «официального» брежневского наследника Черненко пришел глава КГБ Юрий Андропов, он начал проводить политику реформ. При нем состав Политбюро и ЦК КПСС был значительно обновлен – теперь примерно половину в нем составляли сторонники реформ. Однако Андропов получил пост Генерального секретаря уже смертельно больным и всего через полтора года умер. С его смертью баланс сил изменился в пользу консерваторов, и его преемником Политбюро, в определенной степени напуганное андроповскими реформами, избрало Константина Устиновича Черненко.

Черненко был средним политиком, но неплохим аппаратчиком. Будучи – как и Андропов – тяжелобольным, к тому же не имея большинства в Политбюро, он был вынужден лавировать между двумя группами. Руководителем заседаний Секретариата ЦК он назначил М. С. Горбачева – таким образом, Горбачев фактически стал вторым лицом партии.

Черненко скончался через восемь месяцев. К этому моменту было уже окончательно ясно, что СССР нуждается в определенных реформах. «Реформаторами» была примерно половина Политбюро – в основном те, кто пришли туда за последние несколько лет. Остальные были уже весьма преклонных лет и либо тяжело болели, либо были просто не в состоянии противостоять «реформаторам». Главой «реформаторов» был Горбачев – его кандидатура устраивала всех: сторонники реформ видели в нем человека, который сможет провести необходимые меры для оживления экономики и преодоления кризиса власти, а консерваторы видели в избрании Горбачева – второго после Черненко лица в партии – акт преемственности.

Так в жизни страны началась новая эпоха – эпоха Горбачева.

Март вообще очень много значил в жизни Горбачева. 2 марта 1931 года он родился; в марте был избран Генсеком и в марте же 1990 года стал Президентом СССР – первым и последним...

Новый генсек сразу начал вводить свои порядки и делать то, что до него было делать не принято. Перестройка началась не только в политике, но и в образе жизни, поведении первого лица государства. Поездки по стране и личные встречи с людьми, речи «без бумажки» и трансляции выступлений в прямом эфире – все было внове. Как и то, что всегда рядом с Горбачевым была его жена – красивая, подтянутая, элегантно одетая, с безукоризненной прической...

К ее постоянному пребыванию рядом с мужем общество отнеслось неоднозначно. В СССР не было традиции «первых леди» – со времен вдовствующего Сталина было принято женам первых лиц страны держаться в тени, не показываться на глаза публике. Раиса Максимовна стала первой, кто на это решился. И то в основном вынужденно: Горбачеву, взявшему курс на «европеизацию» своей политики, на официальных мероприятиях по протоколу полагалось иметь рядом супругу, и игнорировать требования международного дипломатического этикета он не считал возможным. Раиса Максимовна с блеском справлялась с отведенной ей ролью: она, неизменно элегантная, одетая с безупречным вкусом, умеющая себя держать, покорила Запад, привыкший к тучным, неразговорчивым и безвкусно одетым женам прежних партийных лидеров (как писали западные журналисты, наконец среди руководителей СССР появилась женщина, которая весит меньше, чем ее супруг). Раиса Горбачева была одной из первых, кто показал миру настоящую русскую женщину: красивую, умную, любящую, преданную... Полюбили Раису Максимовну и в СССР – в ней увидели женщину, которая наконец сможет достойно представить свою страну за рубежом, женщину, которая стала символом освобождающегося от застоя и серости народа.

Конечно, Раиса Максимовна, как жена первого лица государства, работать уже не могла. Но и сидеть без дела ей было и неудобно, и непривычно. У жен глав государств на Западе традиционно было два главных занятия: благотворительность и культурные программы. В Советском Союзе самого понятия «благотворительность» не существовало, и Раисе Максимовне осталась культура. Тем более что в конце 1986 года представители культурной элиты СССР – среди

них Дмитрий Сергеевич Лихачев и митрополит Питирим – выступили с инициативой создания неправительственной общественной организации – Фонда культуры, который должен был способствовать сохранению и подъему отечественной культуры. Обратившись за помощью и поддержкой к Раисе Максимовне, они обрели в ее лице самого активного сторонника. Хотя по Москве тогда ходили упорные разговоры, что Фонд создается исключительно «под Раису Горбачеву», председателем Фонда стал Лихачев, а Раиса Максимовна – рядовым членом Президиума. Однако именно благодаря ей Фонд стал тем, чем он стал. Одно ее имя способствовало росту доверия к новой организации. Она выбила помещение для Фонда, организовала издание журнала «Наше наследие», при ее активном участии проводились программы Фонда – «Новые имена», «Возвращение в Россию культурных ценностей, архивов и произведений искусства» и многие другие. Работа в Фонде культуры не только помогла Раисе Максимовне пережить расставание с наукой и работой, но и заметно улучшила отношение к ней в обществе.

Но вскоре любовь к ней стала остывать, переходя сначала в неприязнь, а затем и в ненависть. Вокруг Раисы Максимовны зародились сплетни: мол, она одевается у самых дорогих кутюрье, покупает свои туалеты на государственные деньги, ей делают дорожные подарки... Она крутит мужем как хочет, постоянно звонит ему на работу в Кремль и говорит, что надо делать, все свои решения Горбачев принимает только с ее согласия... Анекдоты и частушки о ней расходились по всей стране. Людей раздражал ее учительский тон, ровный голос, преподавательские, дидактические интонации; злили ее элегантные туалеты – в эпоху тотального дефицита она слишком выделялась на общем сером фоне. После землетрясения в Армении 1987 года Раису Горбачеву открыто упрекали в том, что на развалинах она появлялась слишком нарядно одетой – ее элегантный костюм и шубка смотрелись вызывающе на фоне смерти и развалин. Как сказала потом сама Раиса Максимовна, «никто не объяснил нам, что такое имидж. Конечно, мы наделали кучу ошибок». Со временем, почувствовав раздражение, которое она вызывала, Раиса Максимовна перестала ездить по СССР; она очень тяжело переживала нелюбовь к ней, не могла понять причин... А на Западе ее готовы были носить на руках. В 1987 году пять миллионов читательниц британского журнала «Woman's Own» назвали ее «Женщиной года».

В 1985 году госсекретарь США Джордж Шульц не мог поверить, что костюм мадам Горбачевой не был куплен в Париже. У знаменитого кутюрье Ива Сен-Лорана как-то спросили, не его ли работы наряды на мадам Горбачевой. Он ответил, что был бы счастлив, если бы мадам что-нибудь у него заказала, и даже сделал бы ей все бесплатно. Но все ее наряды были сшиты в Москве, в Доме моды на Кузнецком Мосту, модельером Тамарой Макеевой. Горбачева считала своим долгом носить вещи только отечественного производства. И не так много их было. Когда журналисты как-то засняли принцессу Диану в том же костюме, в каком она появлялась годом раньше, – был скандал; женщине такого положения не положено надевать один и тот же наряд два раза. А Раисе Максимовне приходилось – на многих фотографиях она в блузке с воротником-бантом любимого ею бордового цвета, в двубортном сером костюме в елочку, с одной и той же сумкой... Но она умела так подать себя, так сочетать вещи в ансамбле, что никто не смог обвинить Горбачеву в том, что ей не хватает нарядов. Между тем часто ей приходилось сдавать одежду в комиссионные магазины, чтобы на полученные деньги иметь возможность заказать новые вещи. Все ценные подарки Горбачевы сдавали в Гохран – а там были уникальные вещи, драгоценности, золотая сумочка ценой около миллиона долларов... Раиса Максимовна даже была вынуждена отказаться от посещения магазинов на Западе, потому что с нее отказывались брать деньги за покупки, а она не могла себе это позволить. Ее самоконтроль – в любых мелочах – поражал. «Нас с Михаилом Сергеевичем разглядывают под микроскопом», – часто повторяла она.

Раиса Максимовна строго делила свой гардероб на «внешний» – для зарубежных поездок – и «внутренний». Внутри страны она одевалась проще, сдержаннее, скромнее, реже

меняла наряды, прекрасно понимая, что в такое тяжелое время недопустимо выглядеть слишком шикарно на фоне всеобщего дефицита.

С «внешним» гардеробом тоже не все сразу получалось. Не будучи поначалу вполне знакомой с дипломатическим этикетом, Раиса Максимовна не всегда имела в поездках наряды для всех случаев. Как-то перед приемом Нэнси Рейган прислала ей записку, в которой сообщила, что она будет в вечернем платье. У Горбачевой платья с собой не было; подумав, она надела один из своих костюмов. Журналисты тут же написали, что мадам Горбачева переиграла миссис Рейган – деловой костюм на ней смотрелся лучше, чем элегантное платье на жене американского президента.

В одежде Раиса Максимовна предпочитала бордовый цвет, любила твид «в елочку», не боялась носить короткие – на уровне колена – юбки: у нее были красивые ноги. Пить предпочитала кофе эспрессо, коньяк «Хенnessи», грузинское красное вино. Любила хорошую парфюмерию – ее любимыми духами были «Champs-Elysees» от Guerlain. Ее прическа – деликатно окрашенные волосы, короткая стрижка, аккуратная укладка – смотрелась в высшей степени сдержанно и элегантно на фоне модных тогда буйных кудрей. Многие женщины в СССР, даже ругавшие «Райку», старались сделать себе такую же прическу, сшить такой же костюм... Во время, когда практически не было модных журналов, женщины узнавали о модных тенденциях по фотографиям Раисы Максимовны.

Ложными были и слухи о том, что она руководит мужем: как говорила сама Раиса Максимовна, если бы люди знали, насколько Михаил Сергеевич упрям, насколько невозможно на него повлиять, – они бы так не говорили. Но того, что он всегда советовался с нею, – они и не скрывали.

Но говорить не переставали. Постепенно эйфория в обществе, вызванная началом перестройки, начала проходить, сменяясь раздражением и растерянностью. Тотальный дефицит, рост националистских настроений, потеря идеалов, инфляция – все это не способствовало любви к Горбачевым; «Мишку и Райку» все громче и громче обвиняли в развале страны. И грянул август 1991 года...

О ГКЧП страна узнала утром 19 августа. Для семьи Горбачевых, которые проводили отпуск на даче в Форосе, в Крыму, все началось еще вечером 18-го. На завтра они собирались вылететь в Москву, на подписание Союзного договора; Раиса Максимовна читала сигнальный экземпляр своей книги «Я надеюсь...» – своеобразная автобиография в интервью, исповедь Раисы Максимовны; книга должна была выйти через несколько дней... И тут внезапно отключились все телефоны, телевизор, радио... Гэкачеписты приехали в Форос и предложили Горбачеву подать в отставку. Когда он отказался и делегация уехала, все бывшие на даче оказались в полной изоляции. Домой непустили даже местных. Дачу окружили вооруженные люди, с моря появились военные корабли. У Михаила Сергеевича был с собой маленький приемник – по нему удалось услышать сообщение Би-би-си о создании ГКЧП и о том, что Михаил Горбачев в связи с болезнью не может выполнять свои обязанности... Горбачевы очень тяжело переживали и предательство бывших сторонников, и невозможность что-либо сделать. Перед входом в дом сидели ребята из охраны, поклявшиеся защищать их до конца. Ночью, запершись в дальней комнате, на видеокамеру засняли обращение Михаила Горбачева, пленки вырезали из кассет и раздали верным людям – в надежде, что, если случится самое страшное, хоть кому-то из них удастся передать запись в Москву. 21 августа по радио слышали сообщение: в Крым вылетает делегация с целью лично убедиться в болезни Горбачева. Раиса Максимовна поняла, что дальше может произойти все, что угодно, – ложь о болезни Михаила Сергеевича могут сделать реальностью. Она так переволновалась за мужа, что у нее произошел инсульт. А вскоре все уже было кончено...

Они покинули Форос в 11 часов 21 августа. Мир обошли кадры: из самолета выходят постаревший Михаил Горбачев в куртке, Раиса Максимовна в халате, с напряженным лицом, внушки, закутанные в плед... 72 часа в заключении ни для кого из них не прошли даром.

Через неделю Раиса Максимовна сожгла все письма, которые муж написал ей за их совместную жизнь. Она не хотела, чтобы кто-нибудь смог еще раз взлезть в их личную жизнь.

Вскоре после августовских событий Горбачев ушел в отставку. Их тут же выселили с дачи, даже не дожидаясь, пока Горбачев объявит о своей отставке в телевизионном обращении. Вместе с ним ушла и Раиса Максимовна – из советского Фонда культуры, сразу после августовских событий переименованного в Российский международный, из активной жизни, с глаз долой...

Она стала просто женой. Заботилась о муже, как мечтала всю жизнь. Напоминала ему, когда принимать лекарства и какие у него назначены встречи; готовила пельмени, борщи, картошку. В прошлом остались элегантные наряды – в своей новой жизни она предпочитала брюки, свитера и спортивные куртки. Главным развлечением Горбачевых снова стали пешие прогулки – они часами могли ходить и разговаривать. Она продолжала заниматься благотворительностью, но уже не на виду, никому ничего не говоря... Раиса Максимовна много занималась проблемой детской лейкемии – с 1990 года являлась патроном ассоциации «Гематологи мира – детям»; в фонд этой организации была перечислена половина Нобелевской премии Михаила Горбачева и гонорар за книгу Раисы Максимовны «Я надеюсь...». Именно благодаря ее усилиям процент излечения этого заболевания в России вырос с 7 до 70.

Когда в 1996 году Горбачев решил выставить свою кандидатуру на пост Президента России, Раиса Максимовна как могла отговаривала его: «Тебе и пикнуть не дадут! На телевидение тебе дорога закрыта!» Но все же сопровождала его во всех поездках – они объездили 22 российских региона. А противники снова полоскали ее имя, используя все ее прошлые грехи – как реальные, так и выдуманные – против Горбачева... Однако в этой поездке Раиса Максимовна поняла, что ей все же не хватает общественной деятельности. И в 1997 году она создала клуб для женщин, активных и успешных в жизни, который после некоторых споров назвали просто – «Клуб Раисы Максимовны». Этому клубу было суждено стать последним увлечением Раисы Горбачевой.

В 1999 году у Раисы Максимовны резко ухудшилось здоровье. Врачи поставили диагноз – рак крови. Свою помощь в лечении предложили канцлер Германии Герхард Шредер и президент США Билл Клинтон. Но решено было отвезти Раису Максимовну в Германию – до США могли просто не доехать. Обследование в клинике немецкого города Мюнстера подтвердило диагноз. Состояние Горбачевой расценили как «очень тяжелое» – болезнь оказалась в запущенном состоянии.

Трудно сказать, что вызвало болезнь – нервное напряжение в Форосе, поездка в Чернобыль вскоре после взрыва реактора или переживания последних лет. Было ясно, что жить Раисе Максимовне осталось недолго. В Мюнстер вылетели ее дочь и внушки, Михаил Сергеевич находился с ней неотлучно. Приехала сестра Людмила – Раису Максимовну готовили к трансплантации костного мозга.

И тут российскую прессу как прорвало. Они вдруг обнаружили, что в немецкой клинике умирает не просто женщина, не бывшая ненавидимая «первая леди» – героиня анекдотов и сплетен, а женщина, которой страна обязана столь многим и которой дала столь мало. Ежедневно в клинику приходило по полтысячи писем и телеграмм со всего света. Читая статью в «Известиях» под названием «Леди Достоинство», Раиса Максимовна заплакала и сказала: «Неужели я должна умереть, чтобы заслужить любовь?»

Ей повезло. Она успела почувствовать любовь к себе еще живой и умереть любимой. Раисы Горбачевой не стало 20 сентября 1999 года. К гробу, выставленному в здании Фонда культуры на Пречистенском бульваре, стояла огромная очередь. На отпевании в Смоленском

соборе Новодевичьего монастыря все желающие проститься не поместились на территории монастыря. Раису Максимовну похоронили на Новодевичьем кладбище – как просил Михаил Сергеевич, ее похоронили там, где когда-нибудь должны похоронить его самого.

На поминках Михаил Сергеевич вспомнил старый анекдот: «Что такое половина Первого?» – «Жена Михаила Горбачева». С нею из его жизни ушла лучшая его половина.

Маргарет Тэтчер

Железная леди

Маргарет Тэтчер не раз делала невозможное... Она вытащила страну из кризиса в тот момент, когда все другие считали это невозможным. Она обновила само понятие консерватизма – хотя, казалось бы, что может быть консервативнее лидера партии консерваторов? Ломать традиции и делать невозможное – это было ее образом жизни, ее целью и ее главным достижением.



Маргарет Тэтчер не раз делала невозможное: она, нарушив все традиции, пробилась в политические лидеры в стране, где традиции в политике сильнее всего. Она вытащила страну из кризиса в тот момент, когда все другие считали это невозможным. Она обновила само понятие консерватизма – хотя, казалось бы, что может быть консервативнее лидера партии консерваторов? Ломать традиции и делать невозможное – это было ее образом жизни, ее целью и ее главным достижением.

Будущая леди Маргарет Тэтчер, вопреки всем традициям, родилась совсем не в той среде, откуда выходят будущие английские политики: ее родителями были небогатый лавочник Альфред Робертс и его жена, когда-то белошвейка, а ныне домохозяйка Беатрис Стивенсон, жившие в городке Грэнтем, – известном тем, что когда-то в местную школу ходил будущий сэр Исаак Ньютон. Больше всего Робертсы ценили здравый смысл и разум: они поженились, только когда скопили деньги на лавку, родили ребенка – дочь Мьюриел, – когда стали достаточно зарабатывать, и так же обдуманно завели вторую дочь Маргарет Хильду.

Она появилась на свет ранним утром 13 октября 1925 года в квартире над лавкой своих родителей. Биографы любят писать, что в доме Робертсов не было ни канализации, ни туалета, – зато там были строгие религиозные принципы, любовь, уважение, целеустремленность, работоспособность и прочие протестантские ценности, а также множество книг: Альфред Робертс, который был вынужден оставить школу в тринадцать лет, увлеченно занимался самообразованием. Его страсть к книгам, к новым знаниям была неутолима – и со временем эту страсть с ним разделила его младшая дочь. В отличие от Мьюриел, которая была вся в мать – будущая образцовая домашняя хозяйка, – Мэгги во всем походила на отца, и неудивительно, что, по ее собственному признанию, «Всего, чего добилась, я смогла достичь только благодаря моему отцу, его воспитанию и заповедям». Альфред рано заметил в своей дочери те же качества, что были у него – железную волю, страсть к знаниям, недюжинный аналитический ум, целеустремленность и уверенность в себе, – и отдавал ее воспитанию все свои силы. Его заповеди дочь запомнила на всю жизнь: «Ты сама создаешь свой собственный разум. Никогда ничего не делай только по той причине, что так делают твои друзья. Никогда не следуй за толпой только потому, что ты боишься выглядеть непохожей. Веди толпу за собой, но никогда не следуй за нею». Он учил дочь работать не покладая рук, не думать об удовольствиях, обдумывать все, что происходит вокруг, и не тратить деньги впустую – даже положенные ей карманные деньги Мэгги, по совету отца, складывала в банк. Мэгги вместе с отцом ходила на лекции и в библиотеку, в церковь и дискуссионный клуб, а позже – и на партийные собрания: Альфред был активным приверженцем консервативной партии и даже стал со временем членом городского совета, а позже и мэром Грэнтема. Мэгги с детства увлеклась политикой: когда ей не было еще и десяти лет, она работала на своих первых выборах – агитировала за местного кандидата в парламент от консервативной партии. Когда кандидат прошел в Палату общин, в этом была и доля заслуги Мэгги Робертс.

Робертсы не жалели сил и денег, чтобы их дочери получили хорошее разностороннее образование. Мэгги училась в лучшей местной школе для девочек, с пяти лет играла на фортепиано, а в девять лет победила в поэтическом конкурсе. Рассказывают, что когда директриса поздравила ее с победой, сказав: «Вам повезло, Маргарет», та ответила: «Мне не повезло, я это заслужила!» На уроках она всегда стремилась ответить первой, знать все лучше всех, активно участвовала в дискуссионном клубе и стала самым молодым капитаном хоккейной команды в истории школы. Ее одноклассница позже вспоминала: «Она была яркой, прилежной и серьезной даже в пятилетнем возрасте», а другая говорила: «Она умела правильно использовать слова в том возрасте, когда большинство ее сверстников отделялись междометиями». В отличие от своих одноклассниц Мэгги никогда не ходила в кино или на танцы, не посещала вечеринок и не думала о мальчиках: все ее время, все ее силы были направлены на учебу и самосовершенствование.

Для получения дальнейшего образования Маргарет выбрала Самервилл-колледж, один из старейших женских учебных заведений Оксфорда. Деньгами на оплату учебы в Оксфорде Робертсы не располагали – вся надежда была на получение стипендии, для чего предстояло, в частности, сдать экзамен по латыни. Мэгги самостоятельно изучила весь четырехлетний курс и, блестяще сдав экзамены в Самервилл, стала студенткой одного из элитнейших учебных заведений.

Биографы замечают, что Маргарет всегда училась исключительно в заведениях для девочек, и отмечают, что этот факт сыграл в ее жизни немалую роль. Сама Тэтчер позже писала: «Это хорошо, что я всю жизнь училась в учебных заведениях для девочек. Почти не будучи знакомой с мальчиками в детстве, я так и не научилась тому, чтобы комплексовать перед ними и уступать им только потому, что они мальчики. А когда я стала взрослой – извините, джентльмены, но было уже поздно».

Своей будущей специальностью Мэгги выбрала химию: в то время быстро развивающаяся наука сулила хорошую карьеру, а Оксфорд, где в свое время учились двенадцать премьер-министров, давал возможность заниматься политикой. Мэгги тут же вступила в Консервативную ассоциацию Оксфордского университета (КАОУ) и со временем даже смогла добиться поста ее председателя – став первой женщиной-председателем за всю историю КАОУ.

На втором году обучения Маргарет впервые влюбилась – ее избранником стал сын графа, учившийся в соседнем колледже. Однако его аристократические родители были вовсе не в восторге от выбора сына: дочь бакалейщика – не пара потомку столь знатного рода. Роман был закончен: Маргарет, которая ни разу не проигрывала, эта неудача надолго отвратила от любовных игр. Только политика, казалось, будет всегда ей верна и принесет счастье.

Окончив университет, Маргарет поступила на работу в химическую лабораторию в Эссексе, а позже перевелась в Лондон: хотя работала она, как всегда, очень прилежно, мисс Робертс уже давно поняла, что ее истинное призвание, ее будущее – не наука, а политика. В 1948 году партийная конференция выдвинула ее кандидатуру на выборы: пусть пока в перспективный, традиционно голосующий за лейбористов, округ, но ведь выдвинули! Мэгги всеми силами старалась оправдать доверие: она целыми днями объезжала – точнее, обходила, ведь ни машины, ни денег на такси у нее не было – округ, выступая в каждом уголке, перед каждым будущим избирателем. Она спала всего по четыре часа в день – эта привычка сохранится на всю жизнь – а все остальное время работала не покладая рук. Чуда не произошло: на выборах победил кандидат от лейбористов, но вместо ожидаемых двадцати процентов голосов (в лучшем случае) Мэгги Робертс получила больше тридцати!

Однажды после партийной вечеринки, которая закончилась весьма поздно, Мэгги уже собралась идти домой пешком, как один молодой человек предложил подвезти ее до дома. Его звали Дэнис Тэтчер: он был обаятелен, весел, остроумен и к тому же пламенный консерватор. Позже оказалось, что он на десять лет старше Маргарет, владеет доставшейся по наследству фабрикой по производству красок, прошел всю войну, дослужился до звания майора, был неудачно женат (жена не дождалась его с фронта и сбежала с другим) – и ему очень нравится Маргарет. Они обвенчались 13 декабря 1951 года: Мэгги, которая оставалась верна себе даже в такой день, пошла к алтарю в синем платье (во-первых, его можно будет потом носить как вечернее, а во-вторых, синий – цвет консервативной партии) и экстравагантной шляпке. Любовь к шляпкам – пожалуй, единственная слабость Маргарет Тэтчер – роднила ее с еще одной знаменитой увлеченной политикой англичанкой – Джорджианой, герцогиней Девонширской. Правда, та была сторонницей партии вигов, а симпатии миссис Тэтчер всегда принадлежали консерваторам-тори.

Биографы много спорят, чего было больше в этом браке – любви или расчета: деньги и связи Дэниса Тэтчера позволили Маргарет наконец бросить надоевшую химию и поступить в юридическую школу – ведь политики должны разбираться в законах. Не отрываясь от учебы,

она родила близнецов – Марка и Кэрл. Вспоминают, что роды начались раньше срока – в это время Дэнис был на чемпионате по крикету – и Маргарет пришлось самостоятельно добираться до госпиталя. Прямо в больничной палате она написала заявление о допуске к экзамену на юридическую степень – и блестяще сдала его всего через четыре месяца после родов. Своей специальностью она выбрала налоговое законодательство – еще одна область, где в то время почти не ступала женская нога.

В отличие от многих женщин-политиков, сознательно жертвовавших семьей ради политической карьеры, Маргарет ничем не собиралась жертвовать: она хотела и семью, и карьеру – и смогла получить и то, и другое. Чего ей это стоило – знает только она сама: десятилетиями она спала по четыре часа в сутки, все остальное время отдавая напряженной, без отдыха, работе. Как она позже говорила, и занятия наукой, и юридическая практика оказались ей очень полезны в политике: «В науке вы рассматриваете факты и делаете свои выводы... Изучая законодательство, вы изучаете структуры. Вы разбираетесь в каком-то процессе, и тогда, если законы неадекватны для современного общества, вы создаете новые законы. Я очень остро интересовалась финансовой стороной политики, поэтому и занялась законностью доходной стороны».

Параллельно с юридической практикой Маргарет продолжала заниматься политикой. Поначалу партия пыталась отказать ей в поддержке: ну кто станет голосовать за мать двоих маленьких детей – ведь ее силы будут направлены не на служение обществу, а на работу по дому! Но Тэтчер не сдавалась: она изо всех сил убеждала избирателей в том, что и женщина может править государством: «Каждая женщина, знакомая с проблемами ведения домашнего хозяйства, близка к тому, чтобы понимать проблемы управления страной», – говорила она. После нескольких неудачных выборов в графстве Кент она решила переехать в Лондон – на выборах от партии в округ Финчли, пригород Лондона, ей пришлось сражаться с двумя десятками кандидатов-мужчин, но недаром Маргарет говорила: «Если я буду выступать одна против сорока восьми, мне будет жаль этих сорок восемь». В 1959 году Маргарет Тэтчер стала депутатом парламента от округа Финчли, пригорода Лондона. Ей было всего тридцать три года.

Казалось, Маргарет добилась того, чего хотела, – но кресло в Палате общин стало лишь первой ступенькой вверх. Тэтчер шла к вершинам власти медленно, но неуклонно: она была парламентским секретарем министерства пенсий и социального обеспечения во времена премьерства Гарольда Мак-Миллана, министром теневого кабинета (его формирует партия вне власти) по вопросам строительства, позже – газа, электричества и газовой энергии при главе оппозиции Эдварде Хите. Позднее – министром транспорта, образования и науки, а когда Хит в 1970 году стал премьер-министром, Маргарет Тэтчер стала единственной женщиной в его правительстве, получив пост министра по образованию и науке.

Свою деятельность на этом посту Маргарет Тэтчер начала с того, что отменила бесплатную раздачу молока в школах: она сэкономила казне восемь миллионов фунтов, но взамен получила от оппозиции прозвище Thatcher – milk snatcher, то есть «похитительница молока», от которого долго не могла отмыться. Между тем Тэтчер была убеждена в своей правоте: государство не должно давать людям то, что они в состоянии заработать сами. Этот ее принцип – не давать, а позволять заработать – позже лег в основу ее политической доктрины, получившей название «тэтчеризм».

Между тем разразившийся в мире экономический кризис добрался и до Англии. Количество безработных, недовольных, бастующих росло с необыкновенной быстротой, погружая страну в экономический хаос. Кабинеты менялись один за другим: непопулярных консерваторов сменили лейбористы, которые лишь ухудшили положение. Англия наполовину бастовала, наполовину сидела без работы, а долги росли со страшной скоростью. В это непростое время Маргарет Тэтчер выдвинула свою кандидатуру на пост главы консервативной партии. Хотя традиционно партию возглавлял политик, уже успевший зарекомендовать себя в одном

из ведущих министерств и обладающий большим опытом, Тэтчер оказалась единственной, кто смог предложить реальную программу выхода из кризиса: дать гражданам возможность работать и зарабатывать, понизить инфляцию, бороться с преступностью. Во время решающего голосования она прокричала залу: «Забудьте о том, что я женщина!» – и впервые в истории страны женщина возглавила политическую партию.

«Я объясню людям, что такое консерватизм, и поведу войска в бой!», – говорила она. Под ее влиянием прежний английский консерватизм, приверженный традициям, стоящий за сильную власть государства и экономические монополии, стал меняться на глазах: Тэтчер выступала за право каждого стать богатым самостоятельно и за право государства не вмешиваться в то, как богатеют его граждане. Поначалу ее выступления были настолько резкими, что буквально распугивали слушателей, а сама Тэтчер получила множество нелестных прозвищ – в том числе и знаменитый титул «Железной Леди». Кстати, впервые эти слова о миссис Тэтчер появились в советской газете «Красная звезда», и с тех пор так ее стали называть по всему миру. «Даже ямочки на ее щеках из железа», – констатировала газета The Daily Telegraph. Однако Тэтчер вовремя спохватилась и с помощью профессиональных имиджмейкеров несколько смягчила свой образ, научившись не только призывать к бою, но и очаровывать. Она много общалась с прессой, выступала на митингах и конференциях, пытаясь объяснить людям одну простую мысль: только консерваторы способны вывести страну из кризиса.

В 1979 году страна была на грани краха: забастовки профсоюзов развалили экономику, от бывшего влияния страны не осталось и следа. Никто не хотел и не мог принять страну в столь плачевном состоянии – кроме Маргарет Тэтчер. Лорд Пеннел заметил: «Только она и была достаточно мужественна, чтобы возглавить руководство». В мае 1979 года консервативная партия победила на выборах, и Маргарет Тэтчер в возрасте пятидесяти трех лет стала премьер-министром Великобритании.

Дочь бакалейщика, воспитанная в жесткой викторианской морали и религиозных принципах, собиралась реформировать страну согласно правилам своего отца: упорный труд, независимость и честность. Она желала, чтобы каждый работал и сам зарабатывал себе на жизнь, а не доил государство. Она говорила: «Я приступила к управлению с одним четко продуманным намерением: изменить английское общество от состояния полностью зависимого иждивенца до уверенного в своем будущем предпринимателя; от традиционного «подайте-мне-пожалуйста» до нации «сделаем-все-сами»; чтобы воцарилась Англия «просыпайся-и-иди» вместо Англии «посидим-и-подождем». В своей первой речи перед парламентом она процитировала Авраама Линкольна: «Вы не можете усилить слабого, ослабляя сильных... Вы не можете помочь бедному, уничтожая богатых... Вы не можете помочь людям, постоянно делая за них то, что они могли бы и должны делать сами для себя».

Начала Тэтчер с того, что срезала ставку подоходного налога, увеличив налог на добавленную стоимость, и отказалась от регулирования заработной платы и цен. Она жестко ограничила права профсоюзов, особенно на забастовки – из-за постоянных стачек экономика и так непоправимо пострадала. Она приватизировала несколько крупнейших предприятий, добившись того, чтобы любой мог купить акции и таким образом получить капитал, – так возник «народный капитализм» Маргарет Тэтчер. Безработицу она сократила, пропагандируя неполный рабочий день и стимулируя получение новых, востребованных специальностей, а также поддерживая развитие малого бизнеса. А для сокращения государственного бюджета Тэтчер смело сокращала субсидирование убыточных предприятий, социальные пособия и дотации регионам. Все эти меры вызвали волну протеста в стране, но Тэтчер была непреклонна: «Никому не нужно правительство, состоящее из мягких игрушек», а из того кризиса, в каком находилась Великобритания, ее могла вытащить только железная хватка Железной Леди. За первый срок инфляция снизилась до невиданных прежде 4 %, а дефицит бюджета был сокращен в несколько раз.

И все же консерваторы были на грани отставки, если бы их не спас случай: воспользовавшись тем, что премьер-министр, к тому же женщина, по горло занята внутренними проблемами, Аргентина в апреле 1982 года высадила десант на Фолклендские острова: Аргентина исторически считает эти острова своей территорией и называет их Мальвинскими. Однако Тэтчер не пожелала добровольно отказаться от островов: хотя на них было всего полторы тысячи человек (а еще, как любят говорить историки, 650 тысяч овец и десять миллионов пингвинов), она немедленно отправила к островам несколько военных кораблей и самолеты. К концу июня Британия полностью вернула себе Фолкленды, что вызвало в стране огромную волну патриотизма, а консерваторам и Маргарет Тэтчер обеспечило победу на очередных выборах. Сама она объясняла эту победу просто: «Мы знали, что должны были делать, поэтому мы пошли на это и сделали это».

В октябре 1984 года ирландские террористы совершили на Маргарет Тэтчер покушение: ее жесткая линия в отношении проблемы Северной Ирландии уже не раз вызывала конфликты с ирландскими республиканцами. В отеле Брайтона, где проходила партийная конференция, была заложена бомба: однако она надолго засиделась в кабинете, и взрыв в ванной комнате ее не задел, но половина отеля была разрушена, накрыв обломками десятки человек. Пятеро погибли. На следующий день Маргарет, открывая конференцию, заявила: «Терроризм не может быть оправдан. Никаких переговоров с боевиками – только безоговорочная капитуляция или уничтожение». В ответ на действия ИРА она усилила власть в Ольстере и в то же время развивала там экономику, сглаживая политические конфликты дипломатическими методами. В результате в 1985 году было подписано соглашение о статусе Северной Ирландии – она останется британской, пока этого хочет большинство населения. На данный момент большинство хочет остаться гражданами Британии.

Баллотировавшись на третий срок, Тэтчер отказалась от услуг имиджмейкеров, пытающихся смягчить облик Железной Леди: «Поздно меня переделывать. Я уже восемь лет у власти. Я не актриса, мне не нужны подтяжки на лице». Выиграв выборы в 1987 году, Маргарет Тэтчер установила своеобразный рекорд – впервые за сто пятьдесят лет премьер-министр занимал этот пост третий раз, и впервые за историю – подряд. Страна находилась на подъеме: экономика крепла, безработица и инфляция сокращались, авторитет страны снова был на должном уровне. Когда объявили о победе Тэтчер, англичане ликовали: но недаром Дэнис, глядя на эти толпы из окна особняка на Даунинг-стрит, предсказывал: не пройдет и года, как эти же толпы будут проклинать его жену. Слишком жесткая политика Маргарет относительно внешней экономики, введенный ею подушный налог и резкое неприятие идеи вхождения Великобритании в объединенную Европу вызвали среди британцев настоящую ненависть к своему прежнему кумиру. К критике Маргарет всегда была равнодушна: «Если те, кто меня критикует, увидят, как я шагаю по водам Темзы, они сказали бы, что я не умею плавать». Однако против нее восстала даже ее партия, и в ноябре 1990 года она была вынуждена уйти в отставку с поста премьер-министра, передав власть более либеральному Джону Мейджору – верному стороннику тэтчеризма.

В 1990 году, вскоре после отставки Тэтчер, королева объявила, что в знак признательности ее заслуг ее мужу даруется титул баронета, и Маргарет Тэтчер отныне стала леди Тэтчер, сохранив, однако, право заседать в Палате Общин, которого бы лишилась, получив титул лично. Личный титул баронессы она получила в 1992 году – и вместе с ним пожизненное право заседать в Палате Лордов. На ее гербе адмирал – в память о ее роли в Фолклендском конфликте, и сэр Исаак Ньютон – как ее земляк-химик. Таким образом, чета Тэтчер стала одной из немногих пар, где каждый обладал собственным титулом.

Стоило Тэтчер уйти в отставку, как ругающие голоса тут же смолкли – вместо этого англичане вспомнили, что именно ей обязаны выходом из кризиса, возрождением величия страны и ее нынешним положением в мире. «У Англии два сокровища – нефть и Маргарет

Тэтчер», – признавали газеты. Ей предлагали множество постов – от секретаря ООН до президента Всемирного банка, но она предпочла разделить свое время между семьей и написанием мемуаров. Ее книга «Годы на Даунинг-стрит» вышла из печати в 1993 году и немедленно стала бестселлером.

Верный Дэнис по-прежнему был рядом с нею: сейчас его любовь и забота были нужны Маргарет как никогда. В годы премьерства жены он старался держаться в тени, никогда не выезжал с нею в заграничные поездки и старался пореже обсуждать супругу в интервью – пресса даже обвиняла его в том, что он бьет баклуши, прикрываясь влиятельной женой. Однако он всегда был готов поддержать Маргарет, помочь ей, ободрить и успокоить. Он заботился о том, чтобы она не забывала спать и есть, воспитывал детей, встречался с влиятельными людьми за игрой в гольф или крикет – вещи святые для любого англичанина, но для Маргарет недоступные. После ее отставки Дэнис, которому тоже нелегко дался переход от положения супруга премьера к месту мужа жены, не знающей, куда себя деть, посвятил все свое время Маргарет – она находилась на грани депрессии. Что бы ни говорили об их браке недоброжелатели, это был союз по-настоящему любящих и уважающих друг друга людей.

А вот дети пару не радовали: Кэрол всю жизнь пыталась избавиться от тени матери, строя самостоятельную карьеру подальше от нее: она стала журналисткой, работала сначала в Австралии, а затем в Швейцарии. Марк, напротив, наслаждался положением сына премьер-министра: избалованный и легкомысленный, он занимался, чем придется – участвовал в ралли, пробовал себя в бизнесе, а в пятьдесят с лишним лет попал в тюрьму по обвинению в подготовке переворота в Экваториальной Гвинее. Из заключения его вызволили деньги и влияние матери.

Дэнис Тэтчер скончался 26 июня 2003 года. После его смерти Маргарет сильно сдала: после нескольких ударов у нее начались проблемы с памятью, а из-за ухудшившегося здоровья врачи запретили ей выступать на публике. Однако народ не забыл свою Железную Леди: она по-прежнему является одной из самых популярных политиков страны. По опросу газеты The Daily Telegraph, она была признана величайшим премьер-министром после войны, опередив Черчилля вдвое. В феврале 2007 года она, первой в истории, была удостоена чести получить прижизненную статую в здании парламента: ее установили напротив статуи ее героя Уинстона Черчилля. На открытии она сказала: «Я бы предпочла, чтобы статую сделали из железа. Но пусть будет бронза – она не заржавеет».

Мадонна Королева поп-музыки

Певица, композитор, актриса, модельер, писательница, режиссер – это далеко не полный список ее амплуа, а коммерческие успехи Мадонны столь велики, что их даже занесли в Книгу рекордов Гиннесса.



Ее феномен еще нуждается в своих исследователях – впрочем, уже сейчас о ее творчестве и влиянии на массовую культуру читают лекции в университетах, спорят и защищают диссертации культурологи, социологи и искусствоведы. Как этой девушке из бедной многодетной семьи, имея за душой лишь веру в себя, склонность к эпатажу и немалый интеллект, который она никому не демонстрировала, удалось не просто подняться вверх, но стать настоящим символом своего времени, перекроив под себя вкусы миллионов людей? Как ей удалось при столь малом сделать так много – и самое главное, как ей удалось не сгореть, не сломаться, а лишь неуклонно двигаться вверх, покоряя вершину за вершиной, профессию за профессией? Певица, композитор, актриса, модельер, писательница, режиссер – это далеко не полный спи-

сок ее амплуа, а коммерческие успехи Мадонны столь велики, что их даже занесли в Книгу рекордов Гиннесса.

Когда она лишь начинала свой путь, критики предрекали ей скорую творческую смерть: им казалось, что весь ее успех держится исключительно на эпатаже, сексуальной провокации и нарушении общественных норм. Время показало, что Мадонна обладала еще огромным талантом и харизмой, но главное – силой воли, удивительной работоспособностью и полнейшим нежеланием останавливаться на достигнутом, как бы ни была высока покоренная вершина.

Вопреки всем слухам, Мадонна – ее настоящее имя. Точнее, одно из настоящих: при крещении девочку назвали Мадонна Луиза Чикконе, в честь матери. Позже, на конфирмации, она возьмет себе еще одно имя – Вероника. Будущая мегазвезда родилась 16 августа 1958 года в Бей-сити, штат Мичиган – небольшом промышленном городке на берегу озера Гурон. Ее родители – сын итальянских эмигрантов из Абруцци, инженер Сильвио Энтони Чикконе, и дочь французских канадцев Мадонна Луиза Фортин – имели шестерых детей. Мадонна-младшая – ее, чтобы не путать с матерью, в семье звали Нонна, – была третьей.

Когда Нонне было пять лет, ее мать умерла от рака груди: это была чудовищная трагедия для всех детей Чикконе, обожавших свою нежную, любящую мать. Два года девочка не могла выходить из дома, спать одна, нормально разговаривать со сверстниками – ей казалось, что она тоже вскоре умрет. Отец же, как казалось, не слишком горевал: несмотря на все просьбы и протесты детей, он вскоре женился на своей домработнице Джоан Густафсон, которая родила мужу еще двоих сыновей.

По собственному признанию Мадонны, ее бунтарское поведение в молодости было ответом на предательство отца, который предпочел детям постороннюю женщину, а потом – и всему миру, который был слишком жесток к маленькой Нонне. Сверстники ее не любили, считая «не от мира сего» – она никогда не участвовала в их играх, а вечно витала где-то в облаках. Нонну нередко поколачивали, считая закрытой и высокомерной, даже братья, а она, хрупкая и невысокая, не могла дать сдачи. Уже скоро протест стал смыслом ее существования, ее образом жизни: сначала она, в отличие от своих благопристойных подруг по католической школе, не красилась и не брила подмышки, появляясь на уроках в невероятного вида одежде: сверхкоротких юбках, не прикрывающих нижнего белья, или в трех парах разноцветных чулок, надетых одни на другие, в блузках, разорванных в странных местах... Могла пройтись колесом по коридорам школы или задрать юбку прямо на уроке. Она снялась в любительском фильме на домашней студии своего приятеля, где по сюжету у нее на животе жарилось яйцо. На конкурсе молодых талантов однажды вышла на сцену в одном бикини, томно продефилировав перед педагогами, в другой раз – с разрисованным флуоресцентными красками телом, едва прикрытым коротким, неровно обрезанным топилом. Учителя хватались за голову, но не выгоняли – училась девочка прекрасно, демонстрируя недюжинный ум и жажду знаний.

Согласно воспитательной системе отца, все его дети обязательно обучались музыке. Мадонна, которую пытались усадить за фортепиано, быстро возненавидела этот инструмент – и вместо этого умолила отца разрешить ей заниматься балетом. Благодаря урокам танца она со временем получила не только стипендию в Университете Мичигана, но и первый любовный опыт, совратив своего преподавателя Кристофера Флина, вдвое старше ее и к тому же, по всем слухам, гомосексуалиста. Позже она не раз будет заявлять журналистам: «Я не могла дождаться, когда же я наконец потеряю мою девственность, только потому, что мне все время говорили, что это самый большой грех». С Флином, который, как признавалась сама Мадонна, был первым человеком, полностью ее понимавшим и оказавшим на нее огромное влияние, она сохранила нежную дружбу на долгие годы.

Правда, в Мичиганском университете девушка не проучилась и двух лет: однажды она просто собрала вещи и отправилась в Нью-Йорк. Как она потом позже говорила, это было впервые, когда она летала на самолете и брала такси, а город мечты она приехала покорять

всего с 35 долларами в кармане и парой платьев. «Это был самый смелый поступок, который я когда-нибудь совершала», – признавалась она.

Деньги на жизнь будущая звезда зарабатывала, работая в пончиковой Dunkin' Donuts, в русской чайной, в качестве модели для эротических журналов (позже за этими снимками будут охотиться владельцы самых крупных изданий) и на подтанцовках у всех, кто позовет. Однажды, когда она возвращалась домой после выступления, на нее напали двое мужчин и, угрожая ножом, принудили к оральному сексу: «Этот эпизод показал мне всю мою слабость, – признавалась она, – продемонстрировал мне, что я все еще не могла защитить себя, несмотря на все мои попытки выглядеть сильной. Я никогда не смогу забыть об этом».

В 1979 году Мадонна прошла кастинг в группу французского исполнителя диско Патрика Эрнандеса и отправилась с ним в мировое турне, однако уже через несколько недель уволилась: возможностей для роста ей в этой группе не виделось никаких, зато первая сильная любовь манила ее радужными перспективами. Вместе со своим возлюбленным, музыкантом Дэном Гилроем, Мадонна организовала группу Breakfast Club: сама она играла на ударных, а Дэн и его брат Эд были гитаристами. Они играли на танцах и студенческих вечеринках, исполняя незамысловатые песни в стиле модной тогда «новой волны». Через некоторое время Мадонна уговорила Дэна разрешить ей попробовать свои силы в вокале: к ее собственному удивлению, у нее неплохо получилось.

Уже через несколько месяцев Мадонна бросила и Дэна, и Breakfast Club, организовав – вместе с ударником Стивеном Бреем, которого знала еще по временам учебы в Мичигане, – группу Emu. Творчество Emu было ориентировано на ночные клубы: динамичные песни, под которые было легко танцевать и ни о чем не думать. Хотя специалисты, слышавшие «раннюю» Мадонну, уверяли, что ее мяукающий голос звучал отвратительно и карикатурно, зато она выходила на сцену в чулках в сеточку и почти без юбки, а во время выступления даже имитировала половой акт с барабанщиком. Зрители захлебывались от восторга – вот это уровень свободы, которого еще никто не достиг!

Первые записи группы понравились известному диджею и продюсеру Майклу Каминсу: тот свел Мадонну с руководством студии звукозаписи Sire Records, немедленно подписавшей контракт с молодой певицей. В 1982 году вышел ее первый сингл Everybody: на его обложку не стали помещать фото певицы, так как многие думали, что она негритянка, и продюсеры решили не лишаться части потенциальной аудитории. Получив первый солидный гонорар, Мадонна простодушно сказала: «Отлично! Теперь не придется ездить на метро – надоело, душно и толпы». Сингл пользовался таким успехом, что вскоре был снят клип – правда, ориентированный на тех же посетителей ночных клубов и всего за 1500 долларов. Вскоре был записан и полновесный альбом с незамысловатым названием Madonna, а в ноябре 1984 года вышел ее знаменитый альбом Like a Virgin, мгновенно вознесший Мадонну до уровня поп-звезды мировой величины: восемь недель на первом месте в чартах и 8 миллионов проданных экземпляров в первый год! Заглавную песню Мадонна исполнила на церемонии награждения MTV Video Music Awards, появившись на сцене в свадебном платье и поясе с надписью «Boo Toу», повергнув в шок даже собственного менеджера.

Еще до выхода альбома певица снялась в фильме Сюзан Сэйделмен «Отчаянно ищу Сюзан»: кинокамера запечатлела Мадонну – совсем юную, незакомплексованную, полную энтузиазма и презрения к нормам морали, обвешанную дешевой бижутерией, одетую в невообразимые шмотки не по размеру и рваные кружева. Сразу после выхода фильма этот «дешевый шик» стал самой яркой модной тенденцией, продержавшейся не один год. На волне успеха певицы фильм, первоначально предназначавшийся для взрослой аудитории, был спешно перемонтирован, чтобы его могли посмотреть и более молодые поклонники Мадонны.

Всего за несколько месяцев Мадонна покорила Америку: ее песни были слышны на каждом углу, о ней писали все газеты, ей подражали все, кто хотел казаться сексуальным и сво-

бодным. Ее вызывающее поведение моментально вошло в легенды: она могла выйти петь на сцену в нижнем белье, легко говорила о том, что в ее постели перебивало множество мужчин, выходила на сцену в образе ангела и дьявола, в кожаном конусообразном лифчике и костюме сестры милосердия, гейши и покорной подружки ковбоя. Газеты трубили о ее новых выходах, только подхлестывая интерес слушателей и зрителей к певице. Скандалы отлично продаются, а скандальные персоны становятся популярными быстрее, чем тихие мышки. Зато критики и журналисты наперебой принялись изучать феномен Мадонны, сравнивая ее с Мэрилин Монро и Энди Уорхолом, обсуждая влияние на ее творчество глянцевого журналов и классического немого кино. Но главная загадка Мадонны – как ей удалось в одночасье покорить мир и остаться им править на несколько десятилетий – так и остается неразрешенной. Сама она говорила: «Я с рождения была обречена. С таким именем, как у меня, можно было или стать монахиней, или вести себя так, как я!»

В 1985 году Мадонна вышла замуж за актера Шона Пенна, с которым познакомилась на съемках клипа *Material Girl*: Пенн, уже известный актер, раньше встречался с Элизабет Мак-Говерн и Сьюзан Сэрндон, но предпочел им «материальную девушку» Мадонну. Та не уставала превозносить своего любимого супруга: снимала его в своих клипах, работала с ним вместе в театре, хвалила в интервью и даже посвятила ему свой третий альбом *True Blue*, назвав его на обложке «самым крутым парнем во вселенной».

Однако брак оказался не самым лучшим. Мадонна, восхваляющая мужа перед журналистами, постоянно давала ему поводы для ревности, а Пенн, который с молодости славился несдержанностью характера, пил, психовал и срывался на журналистов, которые интересовались им исключительно как «мистером Мадонна». Дважды обвиненный в насилии над журналистами, Пенн в конце концов поднял руку и на жену, отстаивая то ли свое право называться мужчиной, то ли взбунтовавшись против силы ее личности. В декабре 1987 года пара подала на развод. Расставшись с Пенном, Мадонна некоторое время встречалась с Уорреном Битти, с которым вместе снималась в фильме «Дик Трейси», а потом бросила его, дабы, как она заявила журналистам, «не ограничивать себя одним мужчиной».

К этому времени Мадонна была уже признанной королевой поп-музыки, одной из самых богатых и влиятельных женщин Америки. В итальянском городке Пацентро, откуда были родом родители ее отца, даже установили четырехметровую статую певицы. Но склонность к эпатажу и разрушению устоев давно стала второй натурой Мадонны, и она не собиралась останавливаться. Когда вышел ее новый альбом *Like A Prayer*, публика была невообразимо шокирована: и в текстах песен, и в сопровождающих выход альбома видеоклипах певица с невиданной дерзостью смешала невероятно сексуальные сцены с религиозными символами. Один из клипов представлял Мадонну, танцующую перед горящими крестами, целующую афроамериканского святого и демонстрирующую стигматы.

Против нее выступали многочисленные религиозные конфессии по всему миру, требуя отменять концерты и гастроли, объявить персоной нон-грата, но все это лишь служило росту ее популярности. Альбом, названный журналом *Rolling Stone* «настолько близким к искусству, насколько может быть поп-музыка», стал лидером мировых чартов, а концертное турне, полное разнообразнейших сексуальных провокаций и религиозной символики, прошло с небывалым успехом. «Я знаю, что я не лучшая певица и я не лучшая танцовщица. Но я, черт возьми, могу жать на нужные кнопки в людских душах и быть такой провокативной, как я хочу. Цель тура – разрушить бесполезные табу».

Славу «самой горячей штучки планеты» подтвердил фильм «В постели с Мадонной», а затем прославленная книга *SEX* – эротические фотографии Стивена Мейсела, одобренные откровенным текстом о сексуальных фантазиях альтер эго певицы. Несмотря на немалую цену, книга разошлась тиражом полтора миллиона экземпляров. Ее новый альбом лаконично и красноречиво назывался *Erotica*, а в фильме «Тело как улика» Мадонна вновь изображает сексу-

альную хищницу без комплексов, не чурающуюся садомазоигрищ: с тех пор многие подростки стали использовать в эротических играх расплавленный воск, как это делает героиня Мадонны.

В одном из интервью она, не подумав, сказала, что хочет стать матерью и готова родить хоть от неизвестного донора – главное, чтобы был здоров и хорош собой. Уже на следующий день в дом певицы мешками стали приходить письма: в конвертах лежали справки о состоянии здоровья, отсутствии СПИДа и прочих болезней. Миллионы мужчин были готовы «помочь» ей стать матерью, но Мадонна предпочла не брать мужчину со стороны, а приблизила «к телу» личного тренера по фитнесу Карлоса Леона, с которым открыто появлялась на публике.

Журналистам она заявила: «Мне кажется, все, что я всю жизнь делаю, – это как могу, скрываю свои страхи, одиночество и тоску по матери. Если бы я росла вместе с матерью, я бы, наверное, стала бы другой. Может быть, осталась бы в Мичигане, вышла бы замуж. Мне хотелось найти какой-то эквивалент семьи. Первым, кто позаботился обо мне, был гомосексуалист, который очень раздражал моего отца. Отец. Он никогда не был особенно впечатлен тем, что я делаю, хотя мне всегда хотелось получить его одобрение. Но недавно он прислал мне письмо, в котором написал, что гордится мной».

В своих провокациях Мадонна была так неудержима, что многие ее поклонники отвернулись от нее, решив, что «она зашла слишком далеко». Но певица в очередной раз доказала, что она умеет эпатировать публику в любой ситуации: она объявила о том, что намерена сыграть роль Эвиты Перон в киномюзикле, который собирался ставить Алан Паркер. История Эвиты, супруги аргентинского президента и настоящей иконы для миллионов южноамериканцев, называющих ее «святой бедняков», была ей удивительно близка: с самых низов, через унижения и страх, Эва поднялась до положения первой леди континента, чтобы потом умереть молодой. Ради этой роли она пошла на курсы вокала и всерьез изучала историю Аргентины.

Однако съемки фильма едва не сорвались: жители Аргентины были возмущены тем, кто должен был играть их национальную героиню – певица, прославившаяся развратным поведением и неуважением к религии! Однако Мадонна публично извинилась перед ними за свое поведение и обещала отнестись к своей героине со всем уважением. Съемки были весьма напряженными; к тому же в середине работы Мадонна поняла, что беременна от Карлоса Леона. Хотя тот предлагал певице руку и сердце, она решительно отказалась от брака: «Я абсолютно счастлива нынешним состоянием дел», – заявила она. Девочка, названная Лурдес Мария Чикконе Леон, появилась на свет 14 октября 1996 года. Леон же был незаметно убран из жизни певицы.

Фильм был признан несомненной удачей: ему вручили «Оскара» за лучшую песню, «Золотой глобус» как лучшему мюзиклу и еще с полдюжины разнообразных премий, а сама Мадонна получила «Глобус» как лучшая актриса. Ее образ в этом фильме – сдержанный макияж, красная помада, гладкие прически и женственные платья – снова изменил тенденции моды, вдохнув в нее дух пятидесятых.

С появлением дочки Мадонна сильно изменилась, уменьшив число своих эпатажных выходок. Исчезли вызывающие наряды, длинные ногти и эротические фотографии. Ее песни стали спокойнее и мелодичнее, голос глубже, а поведение приличнее. Ее альбом *Ray Of Light*, полный прекрасных мелодий и философских аллюзий, получил четыре премии «Грэмми» и восторженные отзывы критики, назвавшие альбом «одним из величайших шедевров десятилетия». Она углубилась в изучение каббалы (со временем Мадонна даже перешла в иудаизм и приняла новое имя Эстер) и снова влюбилась – ее новым избранником стал английский режиссер Гай Ричи. Они познакомились в поместье жены Stingа Труды Стайлер, которая финансировала фильм режиссера «Карты, деньги, два ствола». Ричи с первого же разговора покорила Мадонну тем, что был готов слушать ее часами. В августе 2000 года Мадонна родила ему сына Рокко, а в декабре официально стала его женой – церемония состоялась в шотландском замке

Скибо. Ради Ричи Мадонна не только переехала в Великобританию, но и приняла британское гражданство.

Став благонаправной английской леди, Мадонна всерьез занялась благотворительностью: она поддерживает многочисленные экологические программы и правозащитные движения, а также стала одним из учредителей благотворительной организации «Возродим Малави», которая борется с бедностью в этой африканской стране. В 2006 году Мадонна с мужем усыновили мальчика из Малави Дэвида Банду Мвале: правда, не обошлось без сложностей – сначала пришлось сражаться с суровыми законами, как африканскими, так и английскими, потом противостоять требованиям внезапно объявившегося биологического отца мальчика, который требовал немалых отступных, но в итоге Мадонна смогла добиться своего. Через три года она начала новый процесс об усыновлении: на этот раз Мадонна решила стать матерью для девочки Мерси Джеймс. Два года длились суды, пока, наконец, певице не разрешили забрать девочку домой.

Во всех интервью певица признается, что гордится своими детьми гораздо больше, чем всеми премиями и наградами. «Материнство – великолепный опыт, удивительно укрепляющий и заставляющий повзрослеть тебя саму. Начинаешь смотреть на мир иначе, без учета своего «я», – признавалась она. Своих детей она воспитывает в строгости, не желая вырастить из них избалованных неженков – детям лишь изредка разрешается смотреть телевизор или играть в компьютерные игры, они не знают роскоши, им не потакают в их капризах. Единственное, чему не может противостоять Мадонна, – это стремлению ее детей к самовыражению: Лурдес давно одевается как считает нужным, приводя свою ныне респектабельную мать в шок и трепет. Зато Лурдес вдохновила мать на выпуск нескольких коллекций одежды – что-то было рассчитано на ровесников Мадонны, а молодежная линия была выпущена специально для юных подростков: идеи для моделей нередко создавала сама Лурдес.

В начале двухтысячных годов, когда многие кумиры восьмидесятых уже давно канули в Лету, забытые даже самыми преданными поклонниками, а некоторые уже успели умереть, Мадонна по-прежнему была признанной королевой поп-музыки. Она продолжила сниматься, перейдя из эротических триллеров на мелодрамы, и регулярно записывала успешные альбомы. Но Мадонна этим не ограничивалась: с 2003 года она выпустила пять детских книг. Первая из них – «Английские розы», повествующая о сложных взаимоотношениях четырех английских школьниц, – стала самой продающейся книгой среди дебютантов в детской литературе.

Остальные, проиллюстрированные лучшими детскими художниками, разошлись столь же успешно.

Однако в личной жизни певицу поджидала очередная неудача: осенью 2006 года было объявлено о предстоящем разводе знаменитой пары. В декабре 2008 года брак официально был прекращен; по слухам, Ричи получил более 50 миллионов фунтов, включая дом в Лондоне и особняк в Уилтшире.

Неугомонная Мадонна продолжила свои эскапады. Она бросалась из одного увлечения в другое, из крайности в крайность. Боролась за права животных и отказалась от мяса. Купила пуленепробиваемый «БМВ», заявив, что боится за свою жизнь. Увлеклась йогой и кунг-фу, потратила двадцать миллионов долларов на школу каббалы для детей в Нью-Йорке, на вручении престижной музыкальной премии взасос целовала Бритни Спирс, а потом уверяла, что «просто хотела поддержать девочку, ей сейчас тяжело». Во время своего нового тура Confessions спускалась на сцену, распятая на гигантском кресте, чем вызвала гнев Ватикана – и необыкновенный интерес публики: тур собрал почти 198 миллионов долларов, сделав его самым прибыльным туром любой из женщин за всю историю музыки.

У Мадонны большие планы на будущее: открыть сеть центров изучения каббалы и фитнес-центров – первый из них уже работает в Мехико, попробовать свои силы в режиссуре и выпустить новый альбом. И пусть критики говорят, что у Мадонны слабый вокал и невырази-

тельный тембр голоса, а ее шоу запоминаются лишь благодаря эпатирующим выходкам, пусть зрители регулярно называют ее худшей актрисой года – в истории поп-культуры Мадонна безусловно останется королевой своего времени.